N.M. Karamzin

# СОЧИНЕНІЯ

# КАРАМЗИНА.



ТОМЪ ШЕСТЫЙ. =6

МОСКВА,
ВЪ Типографіи С. Селивановскаго,
1803.

Съ дозволенія
Московскаго Гражданскаго Губернатора.

## СОДЕРЖАНІЕ VI ТОМА.

# ПОВѢСТИ.

# СОЧИНЕНІЯ КАРАМЗИНА.

## ТОМЪ VI.

---

## ПОВѢСТИ.

---

## БѢДНАЯ ЛИЗА.

Можетъ быть никто изъ живущихъ въ Москвѣ не знаетъ такъ хорошо окрестностей города сего, какъ я, потому что никто чаще моего не бываетъ въ полѣ, никто болѣе моего не бродитъ пѣшкомъ, безъ плана, безъ цѣли — куда гла-

за глядятъ — по лугамъ и рощамъ, по холмамъ и равнинамъ. Всякое лѣто нахожу я новыя пріятныя мѣста, или въ старыхъ новыя красоты.

Но всего пріятнѣе для меня то мѣсто, на которомъ возвышаются мрачныя, готическія башни Симонова монастыря. Стоя на сей горѣ, видишь на правой сторонѣ почти всю Москву, сію ужасную громаду домовъ и церквей, которая представляется глазамъ въ образѣ величественнаго амфитеатра: великолѣпная картина, особливо когда свѣтитъ на нее солнце; когда вечерніе лучи его пылаютъ на безчисленныхъ златыхъ куполахъ, на безчисленныхъ крестахъ, къ небу возносящихся! Внизу разстилаются тучные, густозеленые, цвѣтущіе луга; а за ними, по желтымъ пескамъ, течетъ свѣтлая рѣка, волнуемая легкими веслами рыбачьихъ лодокъ, или шумящая подъ рулемъ

грузныхъ стругов, которые плывутъ отъ плодоноснѣйшихъ странъ Россійской Имперіи и надѣляютъ алчную Москву хлѣбомъ. На другой сторонѣ рѣки видна дубовая роща, подлѣ которой пасутся многочисленныя стада; тамъ молодые пастухи, сидя подъ тѣнію деревъ, поютъ простыя, унылыя пѣсни, и сокращаютъ тѣмъ лѣтніе дни, столь для нихъ единообразные. Подалѣе, въ густой зелени древнихъ вязовъ, блистаетъ златоглавый Даниловъ монастырь; еще далѣе, почти на краю горизонта, синѣются Воробьевы горы. На лѣвой же сторонѣ видны обширныя, хлѣбомъ покрытыя поля, лѣсочки, три или четыре деревеньки, и вдали село Коломенское съ высокимъ Дворцомъ своимъ.

Часто прихожу я на сіе мѣсто, и почти всегда встрѣчаю тамъ весну; туда же прихожу и въ мрачные дни осени, горевать вмѣстѣ

съ Природою. Страшно воютъ вѣтры въ стѣнахъ опустѣвшаго монастыря, между гробовъ, заросшихъ высокою травою, и въ темныхъ переходахъ келлій. Тамъ, опершись на развалины гробныхъ камней, внимаю глухому стону временъ, бездною минувшаго поглощенныхъ — стону, отъ котораго сердце мое содрагается и трепещетъ. Иногда вхожу въ кельи, и представляю себѣ тѣхъ, которые въ нихъ жили — печальныя картины! Здѣсь вижу сѣдаго старца, преклонившаго колѣна свои передъ Распятіемъ, и молящагося о скоромъ разрѣшеніи земныхъ оковъ своихъ; ибо всѣ удовольствія исчезли для него въ жизни, всѣ чувства его умерли, кромѣ чувства болѣзни и слабости. Тамъ юный монахъ — съ блѣднымъ лицемъ, съ томнымъ взоромъ — смотритъ въ поле сквозь решетку окна своего, видитъ веселыхъ птичекъ, свобод-

но плавающихъ въ моръ воздуха — видитъ, и проливаетъ горькія слезы изъ глазъ своихъ. Онъ томится, вянетъ, сохнетъ — и унылой звонъ колокола возвѣщаетъ мнѣ безвременную смерть его. — Иногда на вратахъ храма разсматриваю изображеніе чудесъ, въ семъ монастырѣ случившихся — тамъ рыбы падаютъ съ неба для насыщенія жителей монастыря, осажденнаго многочисленными врагами; тутъ образъ Богоматери обращаетъ непріятелей въ бѣгство. Все сіе обновляетъ въ моей памяти исторію нашего отечества — печальную исторію тѣхъ временъ, когда свирѣпые Татары и Поляки огнемъ и мечемъ опустошали окрестности Россійской столицы, и когда нещастная Москва, какъ беззащитная вдовица, отъ одного Бога ожидала помощи въ лютыхъ своихъ бѣдствіяхъ.

Но всего чаще привлекаетъ меня къ стѣнамъ Симонова монасты-

ря—воспоминаніе о плачевной судьбѣ Лизы, бѣдной Лизы. Ахъ! я люблю тѣ предметы, которые трогаютъ мое сердце и заставляютъ меня проливать слезы нѣжной скорби!

Саженяхъ въ семидесяти отъ монастырской стѣны, подлѣ березовой рощицы, среди зеленаго луга, стоитъ пустая хижина, безъ дверей, безъ окончинъ, безъ полу; кровля давно сгнила и обвалилась. Въ сей хижинѣ, лѣтъ за тридцать передъ симъ, жила прекрасная, любезная Лиза съ старушкою, матерью своею.

Отецъ Лизинъ былъ довольно зажиточной поселянинъ, потому что онъ любилъ работу, пахалъ хорошо землю и велъ всегда трезвую жизнь. Но скоро по смерти его жена и дочь обѣдняли. Лѣнивая рука наемника худо обработывала поле, и хлѣбъ пересталъ хорошо родиться. Онѣ принуждены были отдать свою землю въ наемъ, и за

весьма небольшія деньги. Къ тому же бѣдная вдова, почти безпрестанно проливая слезы о смерти мужа своего—ибо и крестьянки любить умѣютъ! — день ото дня становилась слабѣе, и совсѣмъ не могла работать. Одна Лиза, — которая осталась послѣ отца пятнадцати лѣтъ — одна Лиза, не щадя своей нѣжной молодости, не щадя рѣдкой красоты своей, трудилась день и ночь — ткала холсты, вязала чулки, весною рвала цвѣты, а лѣтомъ брала ягоды—и все сіе продавала въ Москвѣ. Чувствительная, добрая старушка, видя неутомимость дочери, часто прижимала ее къ слабо-біющемуся сердцу своему, называла Божескою милостію, кормилицею, отрадою старости своей, и молила Бога, чтобы Онъ наградилъ ее за все то, что она дѣлаетъ для матери. ,,Богъ далъ мнѣ руки, чтобы работать, говорила Лиза: ты кормила меня своею

грудью и ходила за мною, когда я была ребенкомъ: теперь пришла моя очередь ходить за тобою. Перестань только крушиться, перестань плакать; слезы наши не оживятъ батюшки.“ Но часто нѣжная Лиза не могла удержать собственныхъ слезъ своихъ — ахъ! она помнила, что у нее былъ отецъ, и что его не стало; но для успокоенія матери старалась таить печаль сердца своего, и казаться покойною и веселою. — „На томъ свѣтѣ, любезная Лиза (отвѣчала горестная старушка) на томъ свѣтѣ перестану я плакать. Тамъ, сказываютъ, будутъ всѣ веселы; я вѣрно весела буду, когда увижу отца твоего. Только теперь не хочу умереть — что съ тобою безъ меня будетъ? На кого тебя покинуть? Нѣтъ, дай Богъ прежде пристроить тебя къ мѣсту! Можетъ быть, скоро сыщется доброй человѣкъ. Тогда, благословя васъ, ми-

лыхъ дѣтей моихъ, перекрещусь, и спокойно лягу въ сырую землю.“

Прошло года два послѣ смерти отца Лизина. Луга покрылись цвѣтами, и Лиза пришла въ Москву съ букетомъ ландышей. Молодой, хорошо одѣтой человѣкъ, пріятнаго вида, встрѣтился ей на улицѣ. Она показала ему букетъ цвѣтовъ —и закраснѣлась. Ты продаешь его, дѣвушка? спросилъ онъ съ улыбкою. Продаю, отвѣчала она. —„А что тебѣ за него надобно?“ — Пять копѣекъ. —„Это слишкомъ дешево. Вотъ тебѣ рубль.“—Лиза удивилась, осмѣлилась взглянуть на молодаго человѣка,—еще болѣе закраснѣлась, и потупивъ глаза въ землю, сказала ему, что она не возметъ рубля. — „Для чего же?“ — Мнѣ не надобно лишняго. — „Я думаю, что букетъ прекрасныхъ ландышей, сорваныхъ руками прекрасной дѣвушки, стоитъ не менѣе рубля. Когда же ты не берешь его, вотъ

тебѣ пять копѣекъ. Я хотѣлъ бы всегда покупать у тебя цвѣты; хотѣлъ бы, чтобъ ты рвала ихъ только для меня." — Лиза отдала букетъ, взяла пять копѣекъ, поклонилась и хотѣла итти; но незнакомецъ остановилъ ее за руку. —„Куда же ты пойдешь, дѣвушка?" —*Домой.*—„А гдѣ домъ твой?" — Лиза сказала, гдѣ она живетъ; сказала и пошла. Молодой человѣкъ не хотѣлъ удерживать ее, можетъ быть для того, что мимоходящіе начали останавливаться, и смотря на нихъ, коварно усмѣхались.

Лиза, пришедши домой, разсказала матери, что съ нею случилось. „Ты хорошо сдѣлала, что не взяла рубля. Можетъ быть это былъ какой нибудь дурной человѣкъ" . . . *Ахъ нѣтъ, матушка! я этова не думаю. У него такое доброе лице, такой голосъ* — — „Однако жь, Лиза, лучше кормиться трудами своими, и ничего не

брать даромъ. Ты еще не знаешь, другъ мой, какъ злые люди могутъ обидѣть бѣдную дѣвушку! У меня всегда сердце бываетъ не на своемъ мѣстѣ, когда ты ходишь въ городъ; я всегда ставлю свѣчу передъ образъ, и молю Господа Бога, чтобы Онъ сохранилъ тебя отъ всякой бѣды и напасти." — У Лизы навернулись на глазахъ слезы; она поцѣловала мать свою.

На другой день нарвала Лиза самыхъ лучшихъ ландышей, и опять пошла съ ними въ городъ. Глаза ея тихонько чего-то искали. Многіе хотѣли у нее купить букетъ; но она отвѣчала, что онъ не продажной, и смотрѣла то въ ту, то въ другую сторону. Наступилъ вечеръ; надлежало возвратиться домой, и букетъ цвѣтовъ былъ брошенъ въ Москву рѣку. *Никто не владѣй тобого!* сказала Лиза, чувствуя какую-то грусть въ сердцѣ своемъ. — На другой день ввечеру сидѣла она

подъ окномъ, пряла, и тихимъ голосомъ пѣла жалобныя пѣсни; но вдругъ вскочила и закричала: *ахъ!*... Молодой незнакомецъ стоялъ подъ окномъ.

Что съ тобой сдѣлалось? спросила испугавшаяся мать, которая подлѣ нее сидѣла. *Ничего, матушка*, отвѣчала Лиза робкимъ голосомъ: *я только его увидѣла.*—„Кого?"—*Того господина, который купилъ у меня цвѣты.* Старуха выглянула въ окно. Молодой человѣкъ поклонился ей такъ учтиво, съ такимъ пріятнымъ видомъ, что она не могла подумать объ немъ ничего, кромѣ хорошаго. *Здравствуй, добрая старушка!* сказалъ онъ. *Я очень усталъ: нѣтъ ли у тебя свѣжого молока?* Услужливая Лиза, не дождавшись отвѣта отъ матери своей — можетъ быть для того, что она его знала напередъ — побѣжала на погребъ — принесла чистую крынку, покрытую чистымъ

деревяннымъ кружкомъ—схватила стаканъ, вымыла, вытерла его бѣлымъ полотенцомъ,—налила и подала въ окно, но сама смотрѣла въ землю. Незнакомецъ выпилъ—и нектаръ изъ рукъ Гебы не могъ бы показаться ему вкуснѣе. Всякой догадается, что онъ послѣ того благодарилъ Лизу, и благодарилъ не столько словами, сколько взорами. Между тѣмъ добродушная старушка успѣла разсказать ему о своемъ горѣ и утѣшеніи—о смерти мужа и о милыхъ свойствахъ дочери своей, объ ея трудолюбіи и нѣжности, и проч. и проч. Онъ слушалъ ее со вниманіемъ; но глаза его были—нужно ли сказывать, гдѣ? И Лиза, робкая Лиза посматривала изрѣдка на молодаго человѣка; но не такъ скоро молнія блеститъ и въ облакѣ изчезаетъ, какъ быстро голубые глаза ея обращались къ землѣ, встрѣчаясь съ его взоромъ.—„Мнѣ хотѣлось бы, сказалъ онъ матери, что-

бы дочь твоя никому, кромѣ меня, не продавала своей работы. Такимъ образомъ ей не за чѣмъ будетъ часто ходить въ городъ, и ты не принуждена будешь съ нею разставаться. Я самъ по временамъ могу заходить къ вамъ.“ — — — Тутъ въ глазахъ Лизиныхъ блеснула радость, которую она тщетно сокрыть хотѣла; щеки ея пылали какъ заря въ ясный, лѣтній вечеръ; она смотрѣла на лѣвой рукавъ свой, и щипала его правою рукою. Старушка съ охотою приняла сіе предложеніе, не подозрѣвая въ немъ никакого дурнаго намѣренія, и увѣряла незнакомца, что полотно, вытканное Лизой, и чулки, вывязанные Лизой, бываютъ отмѣнно хороши, и носятся долѣе всякихъ другихъ. —Становилось темно, и молодой человѣкъ хотѣлъ уже итти. „Да какъ же намъ называть тебя, доброй, ласковой баринъ?“ спросила старуха. Меня зовутъ Эрастомъ, от-

вѣчалъ онъ. *Эрастомъ!* сказала тихонько Лиза — *Эрастомъ!* Она разъ пять повторила сіе имя, какъ будто бы стараясь затвердить его. — Эрастъ простился съ ними до свиданія, и пошелъ. Лиза провожала его глазами, а мать сидѣла въ задумчивости, и взявъ за руку дочь свою, сказала ей: „Ахъ, Лиза! какъ онъ хорошъ и добръ! Естьли бы женихъ твой былъ таковъ!“ Все Лизино сердце затрепетало. *Матушка! матушка! какъ этому статься? Онъ баринъ; а между крестьянами* —— Лиза не договорила рѣчи своей.

Теперь читатель долженъ знать, что сей молодой человѣкъ, сей Эрастъ былъ довольно богатой дворянинъ, съ изряднымъ разумомъ и добрымъ сердцемъ, добрымъ отъ природы, но слабымъ и вѣтренымъ. Онъ велъ разсѣянную жизнь, думалъ только о своемъ удовольствіи, искалъ его въ свѣтскихъ забавахъ, но

часто не находилъ: скучалъ и жаловался на судьбу свою. Красота Лизы при первой встрѣчѣ сдѣлала впечатлѣніе въ его сердцѣ. Онъ читывалъ романы, идилліи; имѣлъ довольно живое воображеніе, и часто переселялся мысленно въ тѣ времена, (бывшія, или не бывшія) въ которыя, по описанію Поэтовъ, всѣ люди безпечно гуляли по лугамъ, купались въ чистыхъ источникахъ, цѣловались какъ горлицы, отдыхали подъ розами и миртами, и въ щастливой праздности всѣ дни свои провождали. Ему казалось, что онъ нашелъ въ Лизѣ то, чего сердце его давно искало. „Натура призываетъ меня въ свои объятія, къ чистымъ своимъ радостямъ“— думалъ онъ, и рѣшился — по крайней мѣрѣ на время — оставить большой свѣтъ.

Обратимся къ Лизѣ. Наступила ночь—мать благословила дочь свою и пожелала ей кроткаго сна; но

на сей разъ желаніе ея не исполнилось: — Лиза спала очень худо. Новой гость души ея, образъ Эрастовъ, столь живо ей представлялся, что она почти всякую минуту просыпалась, просыпалась и вздыхала. Еще до восхожденія солнечнаго Лиза встала, сошла на берегъ Москвы рѣки, сѣла на травѣ, и подгорюнившись смотрѣла на бѣлые туманы, которые волновались въ воздухѣ, и подымаясь вверьхъ, оставляли блестящія капли на зеленомъ покровѣ Натуры. Вездѣ царствовала тишина. Но скоро восходящее свѣтило дня пробудило все твореніе: рощи, кусточки оживились; птички вспорхнули и запѣли; цвѣты подняли свои головки, чтобы напитаться животворными лучами свѣта. Но Лиза все еще сидѣла подгорюнившись. Ахъ Лиза, Лиза! что съ тобою сдѣлалось? До сего времени, просыпаясь вмѣстѣ съ птичками, ты вмѣстѣ съ ними ве-

селилась утромъ, и чистая, радостная душа свѣтилась въ глазахъ твоихъ, подобно какъ солнце свѣтится въ капляхъ росы небесной; но теперь ты задумчива, и общая радость Природы чужда твоему сердцу. — Между тѣмъ молодой пастухъ по берегу рѣки гналъ стадо, играя на свирѣли. Лиза устремила на него взоръ свой и думала: „Естьли бы тотъ, кто за„нимаетъ теперь мысли мои, рож„денъ былъ простымъ крестьяни„номъ, пастухомъ, — и естьли бы „онъ теперь мимо меня гналъ ста„до свое: ахъ! я поклонилась бы „ему съ улыбкою, и сказала бы „привѣтливо: *Здравствуй, любез„ной пастушокъ! куда гонишь ты „стадо свое? И здѣсь растетъ зе„леная трава для овецъ твоихъ; и „здѣсь алѣютъ цвѣты, изъ кото„рыхъ можно сплести вѣнокъ для „шляпы твоей.* Онъ взглянулъ бы на „меня съ видомъ ласковымъ — взялъ

„бы, можетъ быть, руку мою....
„Мечта!“ Пастухъ, играя на свирѣли, прошелъ мимо, и съ пестрымъ стадомъ своимъ скрылся за ближній холмъ.

Вдругъ Лиза услышала шумъ веселъ — взглянула на рѣку и увидѣла лодку, а въ лодкѣ — Эраста.

Всѣ жилки въ ней забились, и конечно не отъ страха. Она встала, хотѣла итти, но не могла. Эрастъ выскочилъ на берегъ, подошелъ къ Лизѣ и — мечта ея отчасти исполнилась; ибо онъ *взглянулъ на нее съ видомъ ласковымъ, взялъ ее за руку*.... А Лиза, Лиза стояла съ потупленнымъ взоромъ, съ огненными щеками, съ трепещущимъ сердцемъ—не могла отнять у него руки — не могла отворотиться, когда онъ приближился къ ней съ розовыми губами своими. . . ахъ! онъ поцѣлогалъ ее поцѣловалъ съ такимъ жаромъ, что вся вселенная показалась ей

въ огнѣ горящею! *Милая Лиза!* сказалъ Эрастъ: *милая Лиза! я люблю тебя!* и сіи слова отозвались во глубинѣ души ея, какъ небесная, восхитительная музыка; она едва смѣла вѣрить ушамъ своимъ и ... Но я бросаю кисть. Скажу только, что въ сію минуту восторга изчезла Лизина робость — Эрастъ узналъ, что онъ любимъ, любимъ страстно новымъ, чистымъ, открытымъ сердцемъ.

Они сидѣли на травѣ, и такъ, что между ими оставалось не много мѣста — смотрѣли другъ другу въ глаза, говорили другъ другу: *люби меня!* и два часа показались имъ мигомъ. Наконецъ Лиза вспомнила, что мать ея можетъ объ ней безпокоиться. Надлежало разстаться. *Ахъ Эрастъ!* сказала она: *всегда ли ты будешь любить меня?* „Всегда, милая Лиза, всегда!" отвѣчалъ онъ. — *И ты можешь мнѣ дать въ этомъ клятву?* — „Могу,

любезная Лиза, могу!" — *Нѣтъ! мнѣ не надобно клятвы. Я вѣрю тебѣ, Эрастъ, вѣрю. Уже ли ты обманешь бѣдную Лизу? Вѣдь этому не льзя быть?* — „Не льзя, не льзя, милая Лиза!" — *Какъ я щастлива! и какъ обрадуется матушка, когда узнаетъ, что ты меня любишь!* „Ахъ нѣтъ, Лиза! ей не надобно ничего сказывать." — *Для чего же?* — „Старые люди бываютъ подозрительны. Она вообразитъ себѣ что нибудь худое." — *Не льзя статься.* — „Однакожь прошу тебя не говорить ей объ этомъ ни слова." — *Хорошо; надобно тебя послушаться, хотя мнѣ не хотѣлось бы ничего таить отъ нее.* — Они простились, поцѣловались въ послѣдній разъ, и обѣщались всякой день ввечеру видѣться, или на берегу рѣки, или въ березовой рощѣ, или гдѣ нибудь близь Лизиной хижины, только вѣрно, непремѣнно видѣться. Лиза пошла, но глаза

ея сто разъ обращались на Эраста, который все еще стоялъ на берегу и смотрѣлъ въ слѣдъ за нею.

Лиза возвратилась въ хижину свою совсѣмъ не въ такомъ расположеніи, въ какомъ изъ нее вышла. На лицѣ и во всѣхъ ея движеніяхъ обнаруживалась сердечная радость. *Онъ меня любитъ!* думала она, и восхищалась сею мыслію. „Ахъ матушка!" сказала Лиза матери своей, которая лишь только проснулась: „ахъ матушка! какое прекра„сное утро! Какъ все весело въ „полѣ! Никогда жаворонки такъ „хорошо не пѣвали; никогда сол„нце такъ свѣтло не сіяло: никог„да цвѣты такъ пріятно не пахли!" — Старушка, подпираясь клюкою, вышла на лугъ, чтобы насладиться утромъ, которое Лиза такими прелестными красками описывала. Оно въ самомъ дѣлѣ показалось ей отмѣнно пріятнымъ; любезная дочь ея весельемъ своимъ развеселяла

для нее всю Натуру. „Ахъ Лиза!“ говорила она: „какъ все хорошо у „Господа Бога! Шестой десятокъ „доживаю я на свѣтѣ, а все еще „не могу наглядѣться на дѣла Го„сподни; не могу наглядѣться на „чистое небо, похожее на высокой „шатеръ, и на землю, которая вся„кой годъ новою травою и новыми „цвѣтами покрывается. Надобно, „чтобы Царь небесной очень лю„билъ человѣка, когда онъ такъ „хорошо убралъ для него здѣшній „свѣтъ. Ахъ Лиза! кто бы захо„тѣлъ умереть, естьли бы ино„гда не было намъ горя? . . . Видно „такъ надобно. Можетъ быть, мы „забыли бы душу свою, естьли бы „изъ глазъ нашихъ никогда слезы „не капали.“ А Лиза думала: *ахъ! я скорѣе забуду душу свою, нежели милаго моего друга!*

Послѣ сего Эрастъ и Лиза, боясь не сдержать слова своего, всякой вечеръ видѣлись (тогда, какъ

Лизина мать ложилась спать) или на берегу рѣки, или въ березовой роіцѣ, но всего чаще подъ тѣнію столѣтнихъ дубовъ (саженяхъ въ осьмидесяти отъ хижины) — дубовъ, осѣняющихъ глубокой, чистой прудъ, еще въ древнія времена ископанной. Тамъ часто тихая луна, сквозь зеленыя вѣтьви, посребряла лучами своими бѣлые Лизины волосы, которыми играли зефиры и рука милаго друга; часто лучи сіи освѣщали въ глазахъ нѣжной Лизы блестящую слезу любви, осушаемую всегда Эрастовымъ поцѣлуемъ. Они обнимались — но цѣломудренная, стыдливая Цинтія не скрывалась отъ нихъ за облако; чисты и непорочны были ихъ объятія. „Когда ты, говорила Лиза „Эрасту, когда ты скажешь мнѣ: „*я люблю тебя, другъ мой!* когда „прижмешь меня къ своему сер„дцу, и взглянешь на меня умиль„ными своими глазами: ахъ! тог-

„гда бываетъ мнѣ такъ хорошо, „такъ хорошо, что я себя забы„ваю, забываю все, кромѣ — Эра„ста. Чудно! чудно, мой другъ, „что я, не знавши тебя, мо„гла жить спокойно и весело! Те„перь мнѣ это не понятно; те„перь думаю, что безъ тебя жизнь „не жизнь, а грусть и скука. Безъ „глазъ твоихъ теменъ свѣтлой „мѣсяцъ; безъ твоего голоса ску„ченъ соловей поющій; безъ твоего „дыханія вѣтерокъ мнѣ непрія„тенъ.“ — Эрастъ восхищался своей пастушкой — такъ называлъ Лизу — и видя, сколь она любитъ его, казался самъ себѣ любезнѣе. Всѣ блестящія забавы большаго свѣта представлялись ему ничтожными въ сравненіи съ тѣми удовольствіями, которыми *страстная дружба* невинной души питала сердце его. Съ отвращеніемъ помышлялъ онъ о презрительномъ сладострастіи, которымъ прежде упива-

лись его чувства. „Я буду жить „съ Лизою какъ братъ съ сестрою „(думалъ онъ); не употреблю во „зло любви ея, и буду всегда ща„стливъ!" — Безразсудной, молодой человѣкъ! знаешь ли ты свое сердце? Всегда ли можешь отвѣчать за свои движенія? Всегда ли разсудокъ есть царь чувствъ твоихъ?

Лиза требовала, чтобы Эрастъ часто посѣщалъ мать ея. „Я люблю ее, говорила она, и хочу ей добра; а мнѣ кажется, что видѣть тебя есть великое благополучіе для всякаго." — Старушка въ самомъ дѣлѣ всегда радовалась, когда его видѣла. Она любила говорить съ нимъ о покойномъ мужѣ, и разсказывать ему о дняхъ своей молодости: о томъ, какъ она въ первой разъ встрѣтилась съ милымъ своимъ Иваномъ, какъ онъ полюбилъ ее, и въ какой любви, въ какомъ согласіи жилъ съ

нею. Ахъ! мы никогда не могли другъ на друга наглядѣться, — до самаго того часа, какъ лютая смерть подкосила ноги его. Онъ умеръ на рукахъ моихъ!" — Эрастъ слушалъ ее съ непритворнымъ удовольствіемъ. Онъ покупалъ у нее Лизину работу, и хотѣлъ всегда платить въ десять разъ дороже назначаемой ею цѣны; но старушка никогда не брала лишняго.

Такимъ образомъ прошло нѣсколько недѣль. Однажды ввечеру Эрастъ долго ждалъ своей Лизы. Наконецъ пришла она, но такъ не весела, что онъ испугался; глаза ея отъ слезъ покраснѣли. *Лиза, Лиза! что съ тобою сдѣлалось?* — „Ахъ Эрастъ! я — плакала!" — *о чемъ? что такое?* — „Я должна сказать тебѣ все. За меня сватается женихъ, сынъ богатаго крестьянина изъ сосѣдней деревни; матушка хочетъ, чтобы я за него вышла." — *И ты соглашаешься?* — „Жестокой! мо-

жешь ли объ этомъ спрашивать? Да мнѣ жаль матушки; она плачетъ, и говоритъ, что я не хочу ея спокойствія; что она будетъ мучиться при смерти, естьли не выдастъ меня при себѣ за мужъ. Ахъ! матушка не знаетъ, что у меня есть такой милой другъ!" — Эрастъ цѣловалъ Лизу; говорилъ, что ея щастіе дороже ему всего на свѣтѣ; что по смерти матери ея онъ возьметъ ее къ себѣ, и будетъ жить съ нею неразлучно, въ деревнѣ, и въ дремучихъ лѣсахъ какъ въ раю. — „Однакожь тебѣ не льзя быть моимъ мужемъ!" сказала Лиза съ тихимъ вздохомъ. — *По чему же?* — „Я крестьянка." — *Ты обижаешь меня. Для твоего друга важнѣе всего душа, чувствительная, невинная душа — и Лиза будетъ всегда ближайшая къ моему сердцу.*

Она бросилась въ его объятія — и въ сей часъ надлежало погибнуть

непорочности! — Эрастъ чувствовалъ необыкновенное волненіе въ крови своей — никогда Лиза не казалась ему столь прелестною — никогда ласки ея не трогали его такъ сильно — никогда ея поцѣлуи не были столь пламенны — она ничего не знала, ничего не подозрѣвала, ничего не боялась — мракъ вечера питалъ желанія — ни одной звѣздочки не сіяло на небѣ — никакой лучь не могъ освѣтить заблужденія — Эрастъ чувствуетъ въ себѣ трепетъ — Лиза также, не зная, отъ чего — не зная, что съ нею дѣлается... Ахъ Лиза, Лиза! гдѣ Ангелъ хранитель твой? Гдѣ — твоя невинность?

Заблужденіе прошло въ одну минуту. Лиза не понимала чувствъ своихъ, удивлялась и спрашивала. Эрастъ молчалъ — искалъ словъ, и не находилъ ихъ. „Ахъ! я боюсь (говорила Лиза), боюсь того, что случилось съ нами! Мнѣ казалось,

что я умираю; что душа моя... Нѣтъ, я не умѣю сказать этова!.. Ты молчишь, Эрастъ? вздыхаешь?.. Боже мой! что такое?" — Между тѣмъ блеснула молнія и грянулъ громъ. Лиза вся задрожала. *Эрастъ, Эрастъ!* сказала она: *мнѣ страшно! Я боюсь, чтобы громъ не убилъ меня, какъ преступницу!* Грозно шумѣла буря; дождь лился изъ черныхъ облаковъ — казалось, что Натура сѣтовала о потерянной Лизиной невинности. — Эрастъ старался успокоить Лизу, и проводилъ ее до хижины. Слезы катились изъ глазъ ея, когда она прощалась съ нимъ. *Ахъ Эрастъ! увѣрь меня, что мы будемъ по прежнему щастливы!* — „Будемъ, Лиза, будемъ!" отвѣчалъ онъ. — *Дай Богъ! Мнѣ не льзя не вѣрить словамъ твоимъ: вѣдь я люблю тебя! Только въ сердцѣ моемъ... Но полно! Прости! Завтра, завтра увидимся.*

Свиданія ихъ продолжались; но какъ все перемѣнилось! Эрастъ не могъ уже доволенъ быть одними невинными ласками своей Лизы — одними ея любви исполненными взорами — однимъ прикосновеніемъ руки, однимъ поцѣлуемъ, одними чистыми объятіями. Онъ желалъ больше, больше, и наконецъ ничего желать не могъ — а кто знаетъ сердце свое, кто размышлялъ о свойствѣ нѣжнѣйшихъ его удовольствій, тотъ конечно согласится со мною, что исполненіе *всѣхъ* желаній есть самое опасное искушеніе любви. Лиза не была уже для Эраста симъ Ангеломъ непорочности, которой прежде воспалялъ его воображеніе и восхищалъ душу его. Платоническая любовь уступила мѣсто такимъ чувствамъ, которыми онъ не могъ *гордиться*, и которыя были для него уже не новы. Что принадлежитъ до Лизы, то она совершенно ему отдавшись,

имЪ только жила и дышала, во всемЪ какЪ агнецЪ повиновалась его волѢ, и вЪ удовольствіи его полагала свое щастіе. Она видѢла вЪ немЪ перемѢну, и часто говорила ему: *Прежде бывалЪ ты веселѣе; прежде бывали мы покойнѣе и щастливѣе; и прежде я не такЪ боялась потерять любовь твою!* — Иногда, прощаясь сЪ нею, онЪ говорилЪ ей: *Завтра, Лиза, не могу я сЪ тобою видѣться; мнѣ встрѣтилось важное дѣло* — и всякой разЪ при сихЪ словахЪ Лиза вздыхала.

НаконецЪ пять дней сряду она не видала его, и была вЪ величайшемЪ безпокойствѢ; вЪ шестой пришелЪ онЪ сЪ печальнымЪ лицемЪ и сказалЪ ей: „Любезная Лиза! мнѢ должно на нѢсколько времени сЪ тобою проститься. Ты знаешь, что у насЪ война; я вЪ службѢ; полкЪ мой идетЪ вЪ походЪ.“ — Лиза поблѢднѢла, и едва не упала вЪ обморокЪ.

Эрастъ ласкалъ ее; говорилъ, что онъ всегда будетъ любить милую Лизу, и надѣется по возвращеніи своемъ никогда съ нею не разставаться. Долго она молчала; потомъ залилась горькими слезами, схватила руку его, и взглянувъ на него со всею нѣжностію любви, спросила: *тебѣ не льзя остаться?* „Могу, отвѣчалъ онъ, но только съ величайшимъ безславіемъ, съ величайшимъ пятномъ для моей чести. Всѣ будутъ презирать меня; всѣ будутъ гнушаться мною, какъ трусомъ, какъ недостойнымъ сыномъ отечества.“ *Ахъ! когда такъ*, сказала Лиза, *то поѣзжай, поѣзжай, куда Богъ велитъ! Но тебя могутъ убить.*—„Смерть за отечество не страшна, любезная Лиза.“—*Я умру, какъ скоро тебя не будетъ на свѣтѣ.*—„Но за чѣмъ это думать? Я надѣюсь остаться живъ, надѣюсь возвратиться къ тебѣ, моему другу.“—*Дай Богъ!*

*дай Богъ! Всякой день, всякой часъ буду о томъ молиться. Ахъ! для чего я не умѣю ни читать, ни писать! Ты бы увѣдомлялъ меня обо всемъ, что съ тобою случится; а я писала бы къ тебѣ — о слезахъ своихъ!* — „Нѣтъ, береги себя, Лиза; береги для друга твоего. Я не хочу, чтобы ты безъ меня плакала.“ — *Жестокой человѣкъ! ты думаешь лишить меня и этой отрады! Нѣтъ! разставшись съ тобою, развѣ тогда перестану плакать, когда высохнетъ сердце мое.* — „Думай о пріятной минутѣ, въ которую опять мы увидимся.“ — *Буду, буду думать объ ней! Ахъ! естьли бы она пришла скорѣе! Любезной, милой Эрастъ! помни, помни свою бѣдную Лизу, которая любитъ тебя болѣе, нежели самое себя!*

Но я не могу описать всего, что они при семъ случаѣ говорили. На другой день надлежало быть послѣднему свиданію.

Эрастъ хотѣлъ проститься и съ Лизиною матерью, которая не могла отъ слезъ удержаться, слыша, что *ласковой, пригожїй баринъ* ея долженъ ѣхать на войну. Онъ принудилъ ее взять у него нѣсколько денегъ, сказавъ: „Я не хочу, чтобы Лиза въ мое отсутствїе продавала работу свою, которая, по уговору, принадлежитъ мнѣ.“— Старушка осыпала его благословенїями. „Дай Господи, говорила она, чтобы ты къ намъ благополучно возвратился, и чтобы я тебя еще разъ увидѣла въ здѣшней жизни! Авось-либо моя Лиза къ тому времени найдетъ себѣ жениха по мыслямъ. Какъ бы я благодарила Бога, естьлибъ ты прїѣхалъ къ нашей свадьбѣ! Когда же у Лизы будутъ дѣти, знай баринъ, что ты долженъ крестить ихъ! Ахъ! мнѣ бы очень хотѣлось дожить до этова!“— Лиза стояла подлѣ матери, и не смѣла взглянуть на нее. Чи-

тaтель легко можетъ вообразить себѣ, что она чувствовала въ сію минуту.

Но что же чувствовала она тогда, когда Эрастъ, обнявъ ее въ послѣдній разъ, въ послѣдній разъ прижавъ ее къ своему сердцу, сказалъ: *прости, Лиза?* .... Какая трогательная картина! Утренняя заря, какъ алое море, разливалась по восточному небу. Эрастъ стоялъ подъ вѣтьвями высокаго дуба, держа въ объятіяхъ своихъ блѣдную, томную, горестную подругу, которая, прощаясь съ нимъ, прощалась съ душею своею. Вся Натура пребывала въ молчаніи.

Лиза рыдала — Эрастъ плакалъ —оставилъ ее — она упала — стала на колѣни, подняла руки къ небу и смотрѣла на Эраста, которой удалялся — далѣе — далѣе — и наконецъ скрылся — возсіяло солнце, и Лиза, оставленная, бѣдная, лишилась чувствъ и памяти.

Она пришла въ себя — и свѣтъ показался ей унылъ и печаленъ. Всѣ пріятности Натуры сокрылись для нее вмѣстѣ съ любезнымъ ея сердцу. „Ахъ! (думала она) для чего я осталась въ этой пустынѣ? Что удерживаетъ меня летѣть въ слѣдъ за милымъ Эрастомъ? Война не страшна для меня; страшно тамъ, гдѣ нѣтъ моего друга. Съ нимъ жить, съ нимъ умереть хочу, или смертію своею спасти его драгоцѣнную жизнь. Постой, постой, любезной! я лечу къ тебѣ!“ — Уже хотѣла она бѣжать за Эрастомъ; но мысль: *у меня есть мать!* остановила ее. Лиза вздохнула, и приклонивъ голову, тихими шагами пошла къ своей хижинѣ. — Съ сего часа дни ея были днями тоски и горести, которую надлежало скрывать отъ нѣжной матери: тѣмъ болѣе страдало сердце ея! Тогда только облегчалось оно, когда Лиза, уединясь въ густоту лѣса, могла свободно

проливать слезы и стенать о разлукѣ съ милымъ. Часто печальная горлица соединяла жалобной голосъ свой съ ея стенаніемъ. Но иногда — хотя весьма рѣдко — златой лучь надежды, лучь утѣшенія, освѣщалъ мракъ ея скорби. *Когда онъ возвратится ко мнѣ, какъ я буду щастлива! какъ все перемѣнится!* отъ сей мысли прояснялся взоръ ея, розы на щекахъ ея освѣжались, и Лиза улыбалась, какъ Майское утро послѣ бурной ночи. — Такимъ образомъ прошло около двухъ мѣсяцовъ.

Въ одинъ день Лиза должна была итти въ Москву, за тѣмъ, чтобы купить розовой воды, которою мать ея лечила глаза свои. На одной изъ большихъ улицъ встрѣтилась ей великолѣпная карета, и въ сей каретѣ увидѣла она — Эраста: *Ахъ!* закричала Лиза, и бросилась къ нему; но карета проѣхала мимо и поворотила на дворъ. Эрастъ вышелъ, и хотѣлъ уже итти на

крыльцо огромнаго дому, какЪ вдругЪ почувствовалЪ себя — вЪ Лизиныхъ объятіяхЪ. ОнЪ поблѣднѣлЪ — потомЪ, не отвѣчая ни слова на ея восклицанія, взялЪ ее за руку, привелЪ вЪ свой кабинетЪ, заперЪ дверь, и сказалЪ ей: *Лиза! обстоятельства перемѣнились; я помолвилъ жениться; ты должна оставить меня въ покоѣ, и для собственнаго своего спокойствія забыть меня. Я любилъ тебя, и теперь люблю, то есть желаю тебѣ всякаго добра. Вотъ сто рублей — возьми ихъ* (онЪ положилЪ ей деньги вЪ карманЪ) — *позволь мнѣ поцѣловать тебя въ послѣдній разъ — и поди домой.* — Прежде нежели Лиза могла опомниться, онЪ вывелЪ ее изЪ кабинета, и сказалЪ слугѣ: *проводи эту дѣвушку со двора.*

Сердце мое обливается кровію вЪ сію минуту. Я забываю человѣка вЪ Эрастѣ — готовЪ проклинать его — но языкЪ мой не движется —

смотрю на небо, и слеза катится по лицу моему. Ахъ! для чего пишу я не романъ, а печальную быль?

И такъ Эрастъ обманулъ Лизу, сказавъ ей, что онъ ѣдетъ въ армію? — Нѣтъ, онъ въ самомъ дѣлѣ былъ въ арміи; но вмѣсто того, чтобы сражаться съ непріятелемъ, игралъ въ карты и проигралъ почти все свое имѣніе. Скоро заключили миръ, и Эрастъ возвратился въ Москву отягченный долгами. Ему оставался одинъ способъ поправить свои обстоятельства — жениться на пожилой богатой вдовѣ, которая давно была влюблена въ него. Онъ рѣшился на то, и переѣхалъ жить къ ней въ домъ, посвятивъ искренній вздохъ Лизѣ своей. Но все сіе можетъ ли оправдать его?

Лиза очутилась на улицѣ, и въ такомъ положеніи, котораго никакое перо описать не можетъ. *Онъ, онъ выгналъ меня? Онъ любитъ*

*другую? я погибла!* вотъ ея мысли, ея чувства! Жестокой обморокъ перервалъ ихъ на время. Одна добрая женщина, которая шла по улицѣ, остановилась надъ Лизою, лежавшею на землѣ, и старалась привести ее въ память. Нещастная открыла глаза — встала съ помощію сей доброй женщины, — благодарила ее, и пошла, сама не зная, куда. „Мнѣ не льзя жить, (конечно думала Лиза) не льзя! . . О естьли бы упало на меня небо! Естьли бы земля поглотила бѣдную! . . . Нѣтъ! небо не падаетъ; земля не колеблется! Горе мнѣ!“ — Она вышла изъ города, и вдругъ увидѣла себя на берегу глубокаго пруда, подъ тѣнію древнихъ дубовъ, которые за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ были безмолвными свидѣтелями ея восторговъ. Сіе воспоминаніе потрясло ея душу; страшнѣйшее сердечное мученіе изобразилось на лицѣ ея. Но черезъ нѣ-

сколько минутъ погрузилась она въ нѣкоторую задумчивость — потомъ осмотрѣлась вокругъ себя, увидѣла дочь своего сосѣда, (пятинадцатилѣтнюю дѣвушку) идущую по дорогѣ — кликнула ее, вынула изъ кармана десять имперiяловъ, и, подавая ей, сказала: „Любезная Аню-„та, любезная подружка! отнеси „эти деньги къ матушкѣ — они „не краденыя — скажи ей, что Ли-„за противъ нее виновата; что я „таила отъ нее любовь свою къ „одному жестокому человѣку, — „къ Э.... На что знать его имя? „— Скажи, что онъ измѣнилъ мнѣ „— попроси, чтобы она меня про-„стила — Богъ будетъ ея помощ-„никомъ — поцѣлуй у нее руку, „такъ, какъ я теперь твою цѣлую „— скажи, что бѣдная Лиза велѣла „поцѣловать ее — скажи, что я“... Тутъ она бросилась въ воду. Аню-та закричала, заплакала, но не могла спасти ее; побѣжала въ де-

ревню — собрались люди, и вытащили Лизу; но она была уже мертвая.

Такимъ образомъ скончала жизнь свою прекрасная душей и тѣломъ. Когда мы *тамъ*, въ новой жизни увидимся, я узнаю тебя, нѣжная Лиза!

Ее погребли близъ пруда, подъ мрачнымъ дубомъ, и поставили деревянной крестъ на ея могилѣ. Тутъ часто сижу я въ задумчивости, оперпись на вмѣстилище Лизина праха; въ глазахъ моихъ струится прудъ; надо мною шумятъ листья.

Лизина мать услышала о страшной смерти дочери своей, и кровь ея отъ ужаса охладѣла — глаза навѣкъ закрылись. — Хижина опустѣла. Въ ней воетъ вѣтеръ, и суевѣрные поселяне, слыша по ночамъ сей шумъ, говорятъ: *тамъ стонетъ мертвецъ; тамъ стонетъ бѣдная Лиза!*

Эрастъ былъ до конца жизни своей нещастливъ. Узнавъ о судьбѣ Лизиной, онъ не могъ утѣшиться, и почиталъ себя ея убійцею. Я познакомился съ нимъ за годъ до его смерти. Онъ самъ разсказалъ мнѣ сію исторію и привелъ меня къ Лизиной могилѣ. — Теперь, можетъ быть, они уже примирились!

---

# ПРЕКРАСНАЯ ЦАРЕВНА

# И

# ЩАСТЛИВОЙ КАРЛА.

## Старинная сказка, или новая каррикатура.

---

О вы, некрасивые сыны человѣчества, безобразныя творенія *пластической* Натуры! вы, которые ни въ чемъ не можете служить образцомъ художнику, когда онъ хочетъ представить изящность человѣческой формы! вы, которые жалуетесь на Природу, и говорите, что она не дала вамъ способовъ нравиться, и заградила для васъ источникъ сладчайшаго удовольствія въ

жизни—источникъ любви! не отчаявайтесь, друзья мои, и вѣрьте, что вы еще можете быть любезными и любимыми; что услужливые Зефиры нынѣ или завтра могутъ принести къ вамъ какую нибудь прелестную Псишу, которая съ восторгомъ бросится въ объятія ваши, и скажетъ, что нѣтъ ничего милѣе васъ на свѣтѣ. — Выслушайте слѣдующую повѣсть.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ *Царь доброй человѣкъ*, отецъ единыя дочери, Царевны прекрасной, милой сердцу родителя, любезной всякому чувствительному сердцу, рѣдкой, несравненной. Когда *Царь доброй человѣкъ*, одѣянный богатою багряницею, увѣнчанный вѣнцемъ сафирорубиннымъ, сидѣлъ на высокомъ тронѣ среди народнаго множества, и держа въ правой рукѣ златой скипетръ, судилъ съ правдою своихъ подданныхъ; когда,

воздыхая изъ глубины сердца, изрекалъ приговоръ должнаго наказанія: тогда являлась передъ трономъ *прекрасная Царевна*, смотрѣла прямо въ глаза своему родителю, подымала бѣлую руку свою, простирала ее къ судящему — и пасмурное лице правосудія вдругъ озарялось солнцемъ милости — виновный, спасенный ею, клялся въ душѣ своей быть съ того времени добрымъ подданнымъ Царя добраго. Бѣдный ли приближался къ Царевнѣ? она помогала ему — печальный ли проливалъ слезы? она утѣшала его. Всѣ сироты въ пространной области *Царя добраго человѣка* называли ее матерью; и даже тѣ, которыхъ сама Натура угнетала — нещастные, лишенные здравія, облегчались ея цѣлительною рукою; ибо Царевна совершенно знала науку врачеванія, тайныя силы травъ и минераловъ, росъ небесныхъ и ключей подземныхъ. Такова была душа Царев-

нина. Тѣлесную красоту ея описывали всѣ стихотворцы тогдашнихъ временъ какъ лучшее произведеніе искусной Природы — а стихотворцы были тогда не такіе льстецы, какъ нынѣ; не называли они чернаго бѣлымъ, карлы великаномъ, и безобразія примѣромъ стройности. Въ древнемъ книгохранилищѣ удалось мнѣ найти одно изъ сихъ описаній — вотъ вѣрный переводъ его:

„Не такъ пріятна полная луна, „восходящая на небѣ между безчисленными звѣздами, какъ пріятна наша милая Царевна, гуляющая по зеленымъ лугамъ съ подругами своими; не такъ прекрасно сіяютъ лучи свѣтлаго мѣсяца, „посребряя волнистые края сѣдыхъ „облаковъ ночи, какъ сіяютъ бѣлые власы на плечахъ ея; ходитъ „она какъ гордой лебедь, какъ любимая дочь Неба; лазурь эѳирная, „на которой блистаетъ звѣзда

„любви, звѣзда вечерняя, есть об-
„разъ несравненныхъ глазъ ея; тон-
„кія брови какъ радуги изгибаются
„надъ ними; щеки ея подобны бѣ-
„лымъ лилеямъ, когда утренняя
„заря краситъ ихъ алымъ цвѣтомъ
„своимъ; когда же отверзаются
„малиновыя уста *прекрасной Ца-*
„*ревны*, два ряда чистѣйшихъ жем-
„чужинъ прельщаютъ зрѣніе; два
„холмика, вѣчнымъ туманомъ по-
„крытые. . . . Но кто опишетъ всѣ
„красоты ея?"

Крылатая богиня, называемая Славою, была и въ тѣ времена такъ же словоохотна, какъ нынѣ. Летая по всей подсолнечной, она разсказывала чудеса *о прекрасной Царевнѣ*, и не могла объ ней наговориться. Изъ - за тридевяти земель пріѣзжали Царевичи видѣть красоту ея — разбивали высокіе шатры передъ каменнымъ дворцомъ *Царя добраго человѣка*, и приходили къ нему съ поклономъ. Онъ зналъ

причину ихъ посѣщенія, и радовался сердечно, желая достойнаго супруга милой своей дочери. Они видѣли *прекрасную Царевну*, и воспламенялись любовію. Каждый изъ нихъ говорилъ *Царь доброму человѣку*: „*Царю доброй человѣкъ!* Я „пріѣхалъ изъ-за тридевяти земель, „тридесятаго царства; отецъ мой „владѣетъ народомъ безчисленнымъ, землею прекрасною; высоки „терема наши; въ нихъ сіяетъ серебро и золото, отливаютъ разноцвѣтные бархаты—Царь! отдай за „меня дочь свою!“ — *Ищи любви ея!* отвѣчалъ онъ — и всѣ Царевичи оставались во дворцѣ его, пили и ѣли за столомъ дубовымъ, за скатертью *браною*, вмѣстѣ съ Царемъ и съ Царевною. Каждый изъ нихъ смотрѣлъ умильными глазами на прекрасную, и взорами своими говорилъ весьма ясно: *Царевна! полюби меня!* Надобно знать, что любовники были въ старину робки

и стыдливы какъ красныя дѣвушки, и не смѣли словесно изъясниться съ владычицами сердецъ своихъ. Въ наши времена они гораздо смѣлѣе; но за то *краснорѣчіе взоровъ* потеряло нынѣ почти всю силу. Обожатели *прекрасной Царевны* употребляли еще другой способъ къ изъявленію своей страсти — способъ, которой также вышелъ у насъ изъ моды. А именно, всякую ночь ходили они подъ окно Царевнина терема, играли на бандурахъ и пѣли тихимъ голосомъ жалобныя пѣсни, сочиненныя стихотворцами ихъ земель; каждой куплетъ заключался глубокими вздохами, которые и каменное сердце могли бы тронуть и размягчить до слезъ. Когда пять, шесть, десять, двадцать любовниковъ сходились тамъ въ одно время, тогда они бросали жеребей, кому пѣть прежде, и всякой въ свою очередь начиналъ воспѣвать сердечную муку; другіе

же, поджавъ руки, ходили взадъ и впередъ, и посматривали на окно Царевнино, которое однакожь ни для кого изъ нихъ не отворялось. По томъ всѣ они возвращались въ свои шатры, и въ глубокомъ снѣ забывали любовное горе.

Такимъ образомъ проходили дни, недѣли и мѣсяцы. *Прекрасная Царевна* взглядывала на иного и на другаго, на третьяго и на четвертаго — но въ глазахъ ея не видно было ничего, кромѣ холоднаго равнодушія къ женихамъ ея, Царевичамъ и Королевичамъ. Наконецъ всѣ они приступили къ *Царю доброму человѣку*, и требовали единодушно, чтобы прекрасная дочь его обьявила торжественно, кто изъ нихъ нравенъ сердцу ея. „Довольно пожили мы въ каменномъ дворцѣ твоемъ, говорили они; поѣли хлѣба-соли твоей, и меду сладкаго не одну бочку опорожнили; время возвратиться намъ во свои страны,

къ отцамъ, матерямъ и роднымъ сестрамъ. *Царь доброй человѣкъ!* мы хотимъ вѣдать, кто изъ насъ будетъ зятемъ твоимъ." Царь отвѣчалъ имъ сими словами: „Любез-„ные гости! естьли бы вы и нѣ-„сколько лѣтъ прожили во двор-„цѣ моемъ, то конечно бы не на-„скучили хозяину; но не хочу удер-„живать васъ противъ воли вашей, „и пойду теперь же къ Царевнѣ. „Не могу я ни въ чемъ принуж-„дать ее; но кого она выберетъ, „тотъ получитъ за нею въ при-„даное все царство мое, и будетъ „моимъ сыномъ и наслѣдникомъ." —Царь пошелъ въ теремъ къ до-чери своей. Она сидѣла за пяль-цами и шила серебромъ и золо-томъ; но увидѣвъ родителя, вста-ла и поцѣловала руку его. Онъ сѣлъ подлѣ нее, и сказалъ ей словами ласковыми: „Милая разумная дочь „моя, *прекрасная Царевна!* ты зна-„ешь, что у меня нѣтъ дѣтей,

„кромѣ тебя, свѣта очей моихъ;
„родъ нашъ долженъ царствовать
„и въ будущіе вѣки; пора тебѣ о
„женихѣ думать. Давно живутъ у
„насъ Царевичи и прельщаются
„красотою твоею: выбери изъ нихъ
„супруга, дочь моя, и утѣшь отца
„своего!" — Царевна долго сидѣла
въ молчаніи, потупя въ землю голубые глаза свои; наконецъ подняла ихъ и устремила на родителя —тутъ двѣ блестящія слезы скатились съ алыхъ щекъ ея, подобно двумъ дождевымъ каплямъ, свѣваемымъ съ розы дуновеніемъ зефира.
„Любезной родитель мой!" сказала она нѣжнымъ голосомъ. „будетъ
„мнѣ время горевать за мужемъ.
„Ахъ! и птички любятъ волю; а
„замужняя женщина не имѣетъ ее.
„Теперь я живу и радуюсь; нѣтъ
„у меня ни заботъ, ни печали; ду-
„маю только о томъ, чтобы угож-
„дать моему родителю. Не могу
„ни чѣмъ опорочить Царевичей; но

„позволь, позволь мнѣ остаться въ
„дѣвическомъ моемъ теремѣ!“ —
*Царь доброй человѣкъ* прослезился.
„Я нѣжной отецъ, а не тиранъ
„твой, отвѣчалъ онъ Царевнѣ: бла-
„горазумные родители могутъ *упра-
„влять* склонностями дѣтей сво-
„ихъ; но не могутъ они ни возбуж-
„дать, ни перемѣнять оныхъ —
„такъ искусный кормчій управля-
„етъ кораблемъ своимъ, но не мо-
„жетъ сказать тишинѣ: *превра-
„тися въ вѣтеръ!* или восточному
„вѣтру: *будь западнымъ!*“ — *Царь
доброй человѣкъ* обнялъ дочь свою,
вышелъ къ Принцамъ, и сказалъ
имъ съ печальнымъ видомъ и со
всевозможною учтивостію, что
*прекрасная Царевна* ни для кого
изъ нихъ не хочетъ оставить дѣ-
вическаго своего терема. Всѣ Ца-
ревичи пріуныли, призадумались и
повѣсили свои головы; ибо всякой
изъ нихъ надѣялся быть супругомъ
*прекрасной Царевны.* Одинъ упи-

рался бѣлымъ платкомъ, другой глядѣлъ въ землю, третій закрывалъ глаза рукою, четвертой щипалъ на себѣ платье, пятой стоялъ прислонясь къ печкѣ и смотрѣлъ себѣ на носъ, подобно Индѣйскому Брамину, размышляющему о натурѣ души человѣческой; шестой — Но что въ сію минуту дѣлалъ шестой, седьмой и прочіе, о томъ молчатъ лѣтописи. Наконецъ всѣ они вздохнули (такъ сильно, что едва не затряслись каменные стѣны), и томнымъ голосомъ принесли хозяину благодарность за угощеніе. Въ одно мгновеніе бѣлые шатры передъ дворцомъ исчезли — Царевичи сѣли на коней своихъ и съ грусти помчались во весь духъ, каждой своею дорогою; пыль поднялась столбомъ, и опять легла на свое мѣсто.

Въ Царскомъ дворцѣ стало все тихо и смирно, и *Царь доброй человѣкъ* принялся за обыкновенное

дѣло свое, которое состояло въ томъ, чтобы править подданными какъ отецъ правитъ дѣтьми, и распространять благоденствіе въ подвластной ему странѣ — дѣло трудное, но святое и пріятное! Однакожь у хлѣбосола рѣдко бываетъ безъ гостей — и скоро по отъѣздѣ Принцовъ пріѣхалъ къ Царю странствующій Астрологъ, Гимнософистъ, Магъ, Халдей, въ высокой шапкѣ, на которой изображены были луна и звѣзды — прожилъ у него нѣсколько недѣль — водилъ за столъ *прекрасную Царевну*, какъ должно учтивому Кавалеру — пилъ и ѣлъ по-философски, то есть за пятерыхъ, и безпрестанно говорилъ объ умѣренности и воздержаніи. Царь обходился съ нимъ ласково; разспрашивалъ его о происшествіяхъ свѣта, о звѣздахъ небесныхъ, о рудахъ подземныхъ, о птицахъ воздушныхъ, и находилъ удовольствіе въ бесѣдѣ его. Къ чести

сего странствующаго рыцаря должно сказать, что онъ имѣлъ многія историческія, физическія и философическія свѣдѣнія, и сердце человѣческое было для него не совсѣмъ *тараборскою грамотою*—то есть, онъ зналъ людей, и часто угадывалъ по глазамъ самыя сокровеннѣйшія ихъ чувства и мысли. Въ нынѣшнее время назвали бы его —не знаю, чѣмъ; но въ тогдашнее называли его мудрецомъ. Правда, что всякой новой вѣкъ приноситъ съ собою новое понятіе о семъ словѣ.— Сей мудрецъ, собравшись наконецъ ѣхать отъ *Царя добраго человѣка*, сказалъ ему сіи слова: „Въ благодарность за твою ласку“ —(*и за твой хорошій столъ*, могъ бы онъ примолвить)—„открою тебѣ важную тайну, важную для „твоего сердца, *Царь добрый человѣкъ!* Ничто не сокрыто отъ моей мудрости; не сокрыта отъ нее „и душа твоей дочери, *прекрасной*

„*Царевны*. Знай, что она любитъ,
„и хочетъ скрывать любовь свою.
„Растѣніе, цвѣтущее во мракѣ,
„позябаетъ и лишается красоты
„своей; любовь есть цвѣтъ души.
„Я не могу сказать болѣе. Про-
„сти!“—Онъ пожалъ у Царя руку,
вышелъ, сѣлъ на осла и поѣхалъ въ
иную землю.

*Царь доброй человѣкъ* стоялъ въ
изумленіи, и не зналъ, что думать
о словахъ мудрецовыхъ: вѣрить ли
имъ, или не вѣрить,—какъ вдругъ
явилась Царевна, поздравила отца
своего съ добрымъ утромъ, и спро-
сила, покойно ли спалъ онъ въ про-
шедшую ночь? „Очень безпокойно,
„любезная дочь моя! (отвѣчалъ
„*Царь доброй человѣкъ*.) Душу мою
„тревожили разные непріятные
„сны, изъ которыхъ одинъ остал-
„ся въ моей памяти. Мнѣ казалось,
„что я вмѣстѣ со многими людь-
„ми пришелъ къ дикой пещерѣ, въ
„которой смертные узнавали бу-

„дущее. Всякой изъ насъ желалъ „о чемъ нибудь спросить Судьбу; „всякой по очереди входилъ въ сумрачной гротъ, освѣщенный одною „лампадою, и писалъ на стѣнѣ „вопросъ — черезъ минуту, на томъ „же мѣстѣ, огненными буквами „изображался отвѣтъ. Я хотѣлъ „знать, скоро ли будутъ у меня „милыя внучата? и къ ужасу моему увидѣлъ сіи слова: *можетъ „быть никогда.* Рука моя дрожала; „но я написалъ еще другіе вопросы: *„Развѣ у дочери моей каменное „сердце? развѣ она никогда любить „не будетъ?* Послѣдовалъ другой „отвѣтъ: *Она уже любитъ, но не „хочетъ открыть любви своей, и „крушится втайнѣ.* Тутъ слезы „покатились изъ глазъ моихъ; тронутое мое сердце излилось въ „нѣжныхъ жалобахъ на тебя, *прекрасная Царевна! Чѣмъ я заслужилъ такую неискренность, такую „недовѣренность? Будетъ ли отецъ*

*„врагомъ любезной своей дочери?*
*„Могу ли противиться сердечному*
*„твоему выбору, милая Царевна?*
*„Не всегда ли желанія твои были*
*„мнѣ закономъ? Не бросался ли я*
*„на старости лѣтъ моихъ за тою*
*„бабочкою, которую ты хвалила? Не*
*„собственною ли рукою поливалъ я*
*„тѣ цвѣточки, которые тебѣ нра-*
*„вились?"* — — Тутъ Царевна заплакала, схватила руку отца своего, поцѣловала ее съ жаромъ — сказала: *батюшка! батюшка!* — взглянула ему въ глаза, и ушла въ свой теремъ.

„И такъ мудрецъ сказалъ мнѣ „правду? (размышлялъ *Царь доброй „человѣкъ:*) она не могла скрыть „своего внутренняго движенія. Же-„стокая! думалъ ли я.... И для „чего таить? Для чего было не „сказать, которой изъ Царевичей „плѣнилъ ея сердце? Можетъ быть „онъ не такъ богатъ, не такъ „знатенъ, какъ другіе; но развѣ

„мнѣ надобны богатство и знат-
„ность? Развѣ мало у меня
„серебра и золота? Развѣ онъ
„не будетъ славенъ по женѣ сво-
„ей? Надобно все узнать." — Онъ
ту же минуту рѣшился итти къ
*прекрасной Царевнѣ;* подошелъ къ
дверямъ ея терема, и услышалъ
голосъ мущины, которой говорилъ:
„Нѣтъ, *прекрасная Царевна!* ни-
„когда отецъ твой не согласится
„признать меня зятемъ своимъ!"
Сердце родителя сильно затрепе-
тало. Онъ растворилъ дверь....
Но какое перо опишетъ теперь
его чувства? Что представилось
глазамъ его? Безобразной придвор-
ной карла, съ горбомъ напереди,
съ горбомъ назади, обнималъ Царев-
ну, которая, проливая слезы, осы-
пала его страстными поцѣлуями!
—Царь окаменѣлъ. *Прекрасная Ца-
ревна* бросилась передъ нимъ на ко-
лѣни и сказала ему твердымъ го-
лосомъ: „Родитель мой! умерьтви

„меня, или отдай за любезнаго, „милаго, безцѣннаго карлу! Никогда „не буду я супругою другова. Ду„ша моя живетъ его душею, сердце „мое его сердцемъ. Въ жизни и въ „смерти мы неразлучны."—Между тѣмъ карла стоялъ покойно, и смотрѣлъ на Царя съ почтеніемъ, но безъ робости. Царь долго былъ неподвиженъ и безгласенъ. Наконецъ, воскликнувъ: *что я вижу? что слышу?* упалъ на кресла, и голова его къ лѣвому плечу склонилась. Царевна обнимала его колѣни. Онъ взглянулъ на нее, такъ, что прекрасная не могла снести сего взора, и потупила глаза въ землю. *Ты, ты...* Голосъ его перервался. Онъ посмотрѣлъ на карлу — вскочилъ — хлопнулъ дверью и ушелъ.

„Какъ, какъ могла *прекрасная Царевна* полюбить горбатаго карлу?" спроситъ, или — не спроситъ читатель. Великой Шекспиръ говоритъ, что причина любви бываетъ

безъ причины: хорошо сказано для Поэта! но Психологъ тѣмъ не удовольствуется, и захочетъ, чтобы мы показали ему, какимъ образомъ родилась сія склонность, по видимому невѣроятная. Древнія лѣтописи, въ изъясненіе такого моральнаго феномена, говорятъ слѣдующее:

Придворной карла былъ человѣкъ отмѣнно умной. Видя, что своенравная Натура произвела его на свѣтъ маленькимъ уродцомъ, и что наружность его очень непримѣтлива, рѣшился онъ замѣнить тѣлесные недостатки душевными красотами — сталъ учиться съ величайшею прилѣжностію, читалъ древнихъ и новыхъ Авторовъ, и, подобно Аѳинскому Ритору Демосѳену, ходилъ на берегъ моря декламировать волнамъ громкія рѣчи, имъ сочиняемыя. Такимъ образомъ скоро пріобрѣлъ онъ сіе великое, сіе драгоцѣнное искусство, кото-

рое покоряетъ сердца людей, и самаго нечувствительнаго человѣка заставляетъ плакать и смѣяться — то дарованіе и то искусство, которымъ Ѳракійской Орфей плѣнялъ и звѣрей и птицъ, и лѣса и камни, и рѣки и вѣтры — *красноречіе!* Сверьхъ того онъ имѣлъ пріятной голосъ, игралъ хорошо на арфѣ и гитарѣ, пѣлъ трогательныя пѣсни своего сочиненія, и могъ прекраснымъ образомъ оживлять полотно и бумагу, изображая на нихъ или Героевъ древности, или совершенство красоты женской, или кристальные ручейки, осѣняемые высокими ивами, и призывающіе къ сладкой дремотѣ утомленнаго пастуха съ пастушкою. Скоро слухъ о достоинствахъ и талантахъ чуднаго карлы разнесся по всему городу и всему государству. Всѣ искали его знакомства: и старые и молодые, и мущины и женщины — однимъ словомъ, умной карла во-

шелъ въ превеликую моду. Ражная услуга, оказанная имъ отечеству.... Но о семъ будетъ говорено въ другомъ мѣстѣ.

Когда *прекрасной Царевнѣ* было еще не болѣе десяти или двенадцати лѣтъ отъ роду, умной карла ходилъ къ ней въ теремъ сказывать сказки о благодѣтельныхъ Феяхъ и злыхъ волшебникахъ — подъ именами первыхъ описывалъ онъ святыя добродѣтели, которыя дѣлаютъ человѣка щастливымъ; подъ именами послѣднихъ гибельные пороки, которые ядовитымъ дыханіемъ своимъ превращаютъ цвѣтущую долину жизни въ юдоль мрака и смерти. Царевна часто проливала слезы, слушая горестныя похожденія любезныхъ Принцовъ и Принцессъ; но радость сіяла на прекрасномъ лицѣ ея, когда они, преодолѣвъ наконецъ многочисленныя искушенія рока, въ объятіяхъ любви. наслаждались всею полно-

тою земнаго блаженства. Любя повѣсти краснорѣчиваго карлы, непримѣтно полюбила она и повѣствователя, и проницательные глаза ея открыли въ немъ самомъ тѣ трогательныя черты милой чувствительности, которыя украшали романическихъ его Героевъ. Сердце ея сдѣлало, такъ сказать, нѣжную привычку къ его сердцу, у котораго научилось оно чувствовать. Самая наружность карлы стала ей пріятна, ибо сія наружность была въ глазахъ ея образомъ прекрасной души; и скоро показалось Царевнѣ, что тотъ не можетъ быть красавцемъ, кто ростомъ выше двадцати пяти вершковъ, и у кого нѣтъ напереди и назади горба. — Что принадлежитъ до нашего Героя, то онъ, не имѣя слѣпаго самолюбія, никакъ не думалъ, чтобы Царевна могла имъ плѣниться, а потому и самъ былъ почти равнодушенъ къ ея прелестямъ: ибо любовь

не раждается безъ надежды. Но когда въ минуту живѣйшей симпатіи прекрасная сказала ему: *я люблю тебя!* когда вдругъ открылось ему поле такого блаженства, о которомъ онъ прежде и мечтать не осмѣливался: тогда въ душѣ его мгновенно воспылали глубоко-таившіяся искры. Въ восторгѣ бросился онъ на колѣни передъ Царевною, и воскликнулъ въ сладостномъ упоеніи сердца: *ты моя!* Правда, что онъ скоро образумился; вспомнилъ высокой родъ ея, вспомнилъ себя, и закрылъ руками лице свое — но Царевна поцѣловала его и сказала: *я твоя, или ничья!* — Дѣвическая робость не позволяла ей открыться родителю въ своей страсти.

„Сія любовь *прекрасной Царевны* хотя и къ умному, но безобразному карлѣ (говоритъ одинъ изъ насмѣшниковъ тогдашняго времени) приводитъ на мысль того Царя древности, которой смертельно влю-

бился въ лягушечьи глаза, и созвавъ мудрецовъ своего государства, спросилъ у нихъ: что всего любезнѣе? *Цвѣтущая юность*, отвѣчалъ одинъ по долгомъ размышленіи — *красота*, отвѣчалъ другой — *науки*, отвѣчалъ третій — *Царская милость*, отвѣчалъ четвертой съ низкимъ поклономъ, и такъ далѣе. Царь вздохнулъ, залился слезами, и сказалъ: *Нѣтъ, нѣтъ! всего любезнѣе — лягушечьи глаза!*"

Теперь обратимся къ нашей повѣсти. Мы сказали, что *Царь добрей человѣкъ* хлопнулъ дверью и ушелъ изъ Царевнина терема, но не сказали, куда? И такъ да будетъ извѣстно читателямъ, что онъ ушелъ въ свою горницу, заперся тамъ одинъ, думалъ, думалъ, и наконецъ призвалъ къ себѣ карлу — по томъ *прекрасную Царевну* — говорилъ съ ними долго, и съ жаромъ; но какъ, и что, о томъ молчитъ Исторія.

На другой день было публиковано во всемъ городѣ, что *Царь доброй человѣкъ* желаетъ говорить съ народомъ — и народъ со всѣхъ сторонъ окружилъ дворецъ, такъ, что не гдѣ было пасть яблоку. Царь вышелъ на балконъ, и когда восклицанія: *да здравствуетъ нашъ доброй Государь!* умолкли, спросилъ у своихъ подданныхъ: *друзья! любите ли вы Царевну?* Тысячи голосовъ отвѣчали: *мы обожаемъ прекрасную!*

*Царь.* Желаете ли, чтобы она избрала себѣ супруга?

*Тысячи голосовъ.* Ахъ! желаемъ сердечно! Онъ долженъ быть твоимъ наслѣдникомъ, *Царь доброй человѣкъ!* Мы станемъ любить его, какъ тебя и дочь твою любимъ!

*Царь.* Но довольны ли будете вы ея выборомъ?

*Тысячи голосовъ.* Кто милъ Царевнѣ, тотъ милъ и твоимъ подданнымъ!

Въ сію минуту поднялся на балконѣ занавѣсъ — явилась *прекрасная Царевна* въ снѣгоцвѣтной одеждѣ, съ распущенными волосами, которые какъ бѣлой ленъ развѣвались на плечахъ ея — взглянула какъ солнце на толпы народныя, и милліоны дикихъ людей покорились бы сему взору. Карла стоялъ подлѣ нее; спокойно и величаво смотрѣлъ на волнующійся народъ, нѣжно и страстно на Царевну. Тысячи восклицали: *да здравствуетъ прекрасная!*

Царь, указывая на карлу, сказалъ: „вотъ онъ — тотъ, кого Царевна вѣчно любить клянется, и съ кѣмъ хочетъ она соединиться на вѣки!“

Всѣ изумились — потомъ начали жужжать какъ шмели, и говорили другъ другу: *Можно ли, можно ли... То ли намъ послышалось? Какъ этому быть? она прекрасна; она Цар-*

*ская дочь — а онъ карла, горбатъ, не Царской сынъ!*

*Я люблю его,* сказала Царевна — и послѣ сихъ словъ, карла показался народу почти красавцемъ.

„Вы удивляетесь (продолжалъ *Царь доброй человѣкъ*) — но такъ Судьбѣ угодно. Я долго думалъ, и наконецъ даю мое благословеніе. Впрочемъ вамъ извѣстно, что онъ имѣетъ достоинства; не забыли вы, можетъ быть, и важной услуги, оказанной имъ отечеству. Когда варвары, подъ начальствомъ гигантскаго Царя своего, какъ грозная буря приближились къ нашему государству; когда серпъ выпалъ изъ рукъ устрашеннаго поселянина, и блѣдный пастухъ въ ужасѣ бѣжалъ отъ стада своего: тогда юный карла, одинъ и безоруженъ, съ масличною вѣтвію явился въ станѣ непріятельскомъ, и запѣлъ сладостную пѣснь мира — умиленіе изобразилось на лицахъ варварскихъ —

Царь ихъ бросилъ мечь изъ руки своей, обнялъ Пѣснопѣвца, взялъ выпвь его и сказалъ: *мы друзья!* По томъ сей грозной Гигантъ былъ мирнымъ гостемъ моимъ — и тысячи его удалились отъ страны нашей. Чѣмъ наградить тебя? спросилъ я тогда у юнаго карлы. *Твоею милостію*, отвѣчалъ онъ съ улыбкою. Теперь" - - -

Тутъ весь народъ въ одинъ голосъ воскликнулъ: *да будетъ онъ супругомъ прекрасной Царевны! да царствуетъ надъ нами!*

Торжественная музыка загремѣла — загремѣли хоры и гимны — *Царь доброй человѣкъ* сложилъ руки любовниковъ — и бракосочетаніе совершилось со всѣми пышными обрядами.

Карла жилъ долго и щастливо съ прекрасною своею супругою. Когда *Царь доброй человѣкъ*, послѣ дѣятельной жизни, скончался блаженною смертію, то есть заснулъ,

какѣ утомленный странникѣ при шумѣ ручейка на зеленомѣ лугу засыпаетѣ: тогда зять его вѣ вѣнцѣ сафиро-рубинномѣ и сѣ златымѣ скиптромѣ возсѣлѣ на высокомѣ тронѣ и обѣщалѣ народу царствовать сѣ правдою. Онѣ исполнилѣ обѣтѣ свой, и безпристрастная Исторія назвала его однимѣ изѣ лучшихѣ владыкѣ земныхѣ. Дѣти его были прекрасны подобно матери, и разумны подобно родителю.

---

# ЮЛІЯ.

Женщины жалуются на мущинъ, мущины на женщинъ: кто правъ? кто виноватъ?—Кому рѣшить тяжбу? —Естьли мнѣ, то я, ничего не слушая и не разбирая, оправдаю. . . любезнѣйшихъ — слѣдственно женщинъ?. . Безъ сомнѣнія. Но мущины будутъ недовольны моимъ рѣшеніемъ; докажутъ мое пристрастіе; обьявятъ, что я подкупленъ. . . милымъ взоромъ какой нибудь Лидіи, пріятною улыбкою какой нибудь Арефы; перенесутъ дѣло въ вышній судъ, и приговоръ мой останется — увы! — безъ всякаго дѣйствія. Вотъ маленькое предисловіе къ слѣдующей повѣсти.

Юлія была украшеніемъ нашей

столицы; являлась — и мущины только на нее смотрѣли, только ею занимались, только ее слушали. А женщины?... женщины тихонько говорили между собою, и съ лукавою усмѣшкою взглядывали на Юлію, стараясь замѣтить въ ней какой нибудь недостатокъ, который хотя нѣсколько могъ бы успокоить ихъ самолюбіе. Тщетное стараніе! Юлія сіяла какъ солнце: зависть искала въ немъ черныхъ пятенъ, не находила, и съ болію въ глазахъ, съ отчаяніемъ въ сердцѣ, должна была... итти прочь!

Нужно ли сказывать, что всѣ молодые люди обожали Юлію, и почитали за славу обожать ее? Одинъ вздыхалъ, другой плакалъ, третій игралъ ролю томнаго меланхолика; и обо всякомъ, кто задумывался, говорили: „онъ влюбленъ въ Юлію!"

Что же Юлія? Любила болѣе всего — самое себя; съ гордою улыбкою смотрѣла на право, на лѣво, и

думала: „кто мнѣ подобенъ? кто меня достоинъ?“ *Думала*, прошу замѣтить; а не *показывала*. Удивляясь красотѣ и разуму ея, всякой удивлялся между прочимъ и скромности ея взоровъ: искусство, однѣмъ милымъ женщинамъ свойственное!

По мало по малу, приближаясь къ концу втораго десятилѣтія жизни своей, Юлія стала чувствовать, что ѳиміамъ суетности есть — дымъ; хотя весьма пріятной, но все дымъ, которой худо питаетъ душу. Какъ ни обожай себя; какъ ни любуйся своими достоинствами —не довольно! Надобно любить что нибудь кромѣ магической буквы Я —и Юлія начала съ большимъ вниманіемъ разсматривать многочисленную толпу своихъ искателей. Иногда взоръ ея отдавалъ преимущество молодому Легкоуму, которой въ разсужденіи красоты могъ бы поспорить съ самимъ Купидо-

номъ, и не занимался ничѣмъ, кромѣ Юліи и — зеркала; иногда статному Храброну, лаврами увѣнчанному воину, которому не доставало только Греческаго платья, чтобъ быть совершеннымъ Марсомъ; иногда забавному Пустослову, которой, не смотря на важность судейскаго званія своего, вертѣлся на одной ногѣ какъ Вестрисъ, сочинялъ всякой день по десяти Французскихъ каланбуровъ, и зналъ наизусть *лексиконъ анекдотовъ*. Все не на долго — черезъ минуту Легкоумъ казался ей безразсуднымъ, самолюбивымъ мальчишкою, Храбронъ — виднымъ драгуномъ, и болѣе ничего — забавной Пустословъ скучною обезьяною. Наконецъ глаза ея остановились на любезномъ Арисѣ, которой въ самомъ дѣлѣ былъ любезенъ; вѣсы склонились на его сторону, и сердце съ разумомъ на сей разъ согласились.

Кто былъ Арисъ? — Молодой че-

ловѣкъ, воспитанный въ чужихъ краяхъ подъ смотрѣніемъ не наемнаго Гофмейстера, но благоразумнаго и нѣжнаго отца своего. Полезныя и пріятныя знанія украшали его душу, добродѣтельныя правила сердце. Не будучи красавцемъ, онъ нравился своею миловидностію и кроткими, любезными взорами, одушевленными огнемъ внутренняго чувства. Онъ краснѣлся, какъ невинная дѣвушка, отъ всякаго нескромнаго слова, сказаннаго въ его присутствіи; говорилъ не много, но всегда основательно и пріятно; не старался блистать ни умомъ, ни знаніями, и слушалъ каждаго—по крайней мѣрѣ съ терпѣніемъ. Чувствуютъ ли въ свѣтѣ цѣну такихъ людей? Рѣдко. Тамъ сусальное золото предпочитается иногда истинному; скромность, подруга достоинствъ, остается въ тѣни своей, а дерзость заслуживаетъ вѣнокъ и рукоплесканіе.

Арисъ любилъ Юлію—какъ не любить того, что прекрасно и любезно?— но безчисленное множество ея обожателей устрашало его. Онъ смотрѣлъ на нее издали, не вздыхалъ, не клалъ руки на сердце съ томнымъ видомъ; однимъ словомъ, не думалъ представлять картиннаго любовника; но Юлія знала, что онъ любилъ ее страстно. Дивитесь, естьли угодно, проницанію красавицъ! Скорѣе не примѣтятъ онѣ солнца на ясномъ небѣ въ полдень, нежели дѣйствія своихъ прелестей въ глазахъ нѣжнаго мущины, какъ бы ни хотѣлъ онъ скрывать чувства свои. Юлія отличила Ариса отъ другихъ искателей, ободрила его застѣнчивость пріятнымъ взглядомъ, пріятною улыбкою; начала съ нимъ говорить, ласкать его, показывать уваженіе къ его достоинствамъ, вниманіе къ его словамъ, желаніе видѣть его чаще. „Завтра вы будете въ кон-

„цертѣ, въ саду; завтра вы буде-„те къ намъ обѣдать, ужинать; „вчера было у насъ скушно: вы не „хотѣли къ намъ пріѣхать!“— Арисъ не былъ изъ числа тѣхъ людей, которые малѣйшую ласку со стороны женщинъ принимаютъ за доказательство любви, и почитаютъ себя щастливыми Адонисами тогда, когда объ нихъ и не думаютъ; однакожь, не смотря на скромность свою, онъ позволилъ себѣ надѣяться; а надежда для страсти есть то же, что тихой Апрѣльской дождь для молодой зелени, что вѣтеръ для искры. Онъ готовъ былъ броситься на колѣни и сказать Юліи: „будь моя на вѣки!“.. чего Юлія ожидала, чего она хотѣла, и конечно не для того, чтобы отвѣчать: *нѣтъ!* какъ вдругъ на горизонтѣ большаго свѣта явился новой феноменъ, которой обратилъ на себя общее вниманіе: молодой Князь N*, любимецъ Природы и

щастія, которыя осыпали его всѣми блестящими дарами своими; знатной, богатой, прекрасной собою. Во всѣхъ обществахъ говорили о молодомъ Князѣ; всѣ хвалили его, а болѣе всѣхъ женщины, особливо тѣ, на которыхъ онъ взглядывалъ ласковѣе, нежели на другихъ — которымъ онъ сказалъ пять или шесть пріятныхъ словъ. Не могли надивиться уму его — даже и тогда, когда онъ говорилъ о погодѣ. Не мудрено — разгоряченное воображеніе есть микроскопъ, которой все увеличиваетъ въ тысячу, въ милліонъ разъ — и люди съ такимъ же упрямствомъ могутъ искать остроумія тамъ, гдѣ нѣтъ его, съ какимъ иногда не хотятъ чувствовать, гдѣ оно есть.

Между тѣмъ носился по городу слухъ, что Князь нечувствителенъ къ женскимъ прелестямъ; что Амуровы стрѣлы не берутъ его сердца; что оно, посредствомъ тайной

эластической силы, сжимается и остается невредимо; что бѣдной Венеринъ сынъ, желая ранить его, опустошилъ колчанъ свой, и все по напрасну. Какой вызовъ для самолюбія женщинъ! Какая слава для побѣдительницы! И всякой изъ нихъ казалось, что Купидонъ, огорченный, расплаканный, подходитъ къ ней, беретъ ее за руку, и съ умильнымъ взоромъ говоритъ: „отмсти, отмсти за меня, или я умру съ горя!" Умереть Купидону! Боже мой! какой ужасъ! За чѣмъ будетъ жить въ свѣтѣ безъ прелестнаго малютки? Надобно за него вступиться; надобно помочь ему, надобно отмстить, и — чего бы то ни стоило — тронуть, побѣдить, плѣнить новаго Алькида — и всѣ мастера золотыхъ дѣлъ въ нашей столицѣ занялись одною работою: кованіемъ цѣпей, по заказу красавицъ (*).

(*) Вотъ отъ чего вошли въ моду золотыя цѣпи, которыя, за нѣсколько

Страшись, вѣтреной Князь! Но Князь улыбался, расхаживалъ какъ гордой лебедь, и — въ одномъ публичномъ собраніи — встрѣтился съ Юліею. За нимъ всѣ красавицы, за нею всѣ молодые люди — какая встрѣча! Они посмотрѣли другъ на друга: какой взоръ! Юлія затмѣвала женщинъ, Князь N* мущинъ. „Онъ долженъ любить ее!“ думали первыя. „Она должна любить его!“ думали послѣдніе. Тѣ и другія потупили глаза въ землю, простились съ надеждою, и разошлись въ разныя стороны.——Одинъ Арисъ остался подлѣ Юліи. Онъ началъ говорить: ему отвѣчали сухо, коротко — казалось, что она была въ разсѣяніи.

На другой день Арисъ пріѣхалъ къ Юліи; но головная боль не поз-

времени передъ симъ, гремѣли и сіяли на всѣхъ нашихъ молодыхъ женщинахъ.

волила ей выйти изъ своей комнаты. На третій онъ увидѣлъ ее на балѣ: Князь сидѣлъ подлѣ нее — Князь танцовалъ съ нею — Князь занималъ ее пріятнымъ своимъ разговоромъ. Арису поклонились учтиво — *учтиво* — болѣе ничего. Спросили, здоровъ ли онъ? и не дожидались отвѣта. Арисъ подошелъ съ другой стороны: его не примѣтили — и какъ примѣтить? онъ подошелъ не оттуда, гдѣ сидѣлъ Князь. — Бѣдной Арисъ! догадайся. Ты могъ быть щастливъ; но минута прошла! Что дѣлать? Удалиться. — Онъ то и сдѣлалъ; не нужно сказывать, съ какимъ чувствомъ. — — Оставимъ его. — Пусть онъ поплачетъ въ уединеніи, и, естьли можно, забудетъ милую вѣтреницу.

Между тѣмъ Юлія восхищалась Княземъ. Молча, онъ казался ей Антиноемъ (*); когда говорилъ, Ци-

(*) Славной красавецъ, которому Императоръ Адріанъ посвятилъ храмъ.

цероном; когда говорилъ: *Юлія, я обожаю тебя!* полубогомъ. Онъ не обманывалъ, и въ самомъ дѣлѣ плѣнился ея красотою, такъ, что не хотѣлъ быть ни въ одномъ концертѣ, гдѣ не пѣла Юлія; ни на одномъ балѣ, гдѣ не танцовала Юлія; ни на одномъ гульбищѣ, гдѣ не гуляла Юлія. Онъ любилъ прежде играть въ карты: для Юліи оставилъ ихъ. Любилъ часа по три въ день проводить съ Англійскими лошадьми своими: для Юліи забылъ ихъ. Любилъ спать до двухъ часовъ за полдень: для Юліи перемѣнилъ образъ жизни, и рѣдко не просыпался въ полдень, чтобы на крыльяхъ Зефира — или, по крайней мѣрѣ, въ великолѣпной Англійской каретѣ — летѣть къ Юліи. — Такая любовь не шутка. Вы скажете, что въ рыцарскія времена любили иначе — государи мои! всякой вѣкъ имѣетъ свои обычаи: мы живемъ въ осьмомъ-надесять! Красавицы наши снисхо-

дительны и жалостливы; ни которая изъ нихъ, сидя въ ложѣ, не броситъ перчатки на гриву разъяреннаго льва, и не пошлетъ за нею своего рыцаря (*), для того что рыцарь — не пойдетъ за нею!

Юлія думала, что Князь не могъ жить безъ нее; только ей казалось чудно, что онъ, говоря безпрестанно о сердцѣ, никогда не упоминалъ о рукѣ. Многія изъ пріятельницъ тихонько поздравляли ее съ такимъ завиднымъ женихомъ; но женихъ молчалъ. — Наконецъ она дала ему почувствовать свое удивленіе: нѣжной Князь оскорбился. „Юлія сом-

(*) Это случилось во Франціи, при Королѣ Францискѣ I, въ то время, какъ звѣриныя сраженія были любимою забавою Двора. Одна молодая Дама, сидя въ амфитеатрѣ, нарочно уронила перчатку свою на то мѣсто, гдѣ сражались львы, и сказала рыцарю Делоржу: *подними ее — или ты меня не любишь!*

нѣвается въ силѣ прелестей своихъ!" сказалъ онъ съ жаромъ: „Юлія хочетъ промѣнять огненнаго Амура на холоднаго Гименея! милую улыбку перваго на вѣчную угрюмость послѣдняго! гирланду розовую на цѣпь желѣзную! О Юлія! любовь не терпитъ принужденія; одно слово, и все блаженство исчезнетъ! Могъ ли бы Петрарка въ узахъ брака любить свою Лаура такъ пламенно? Ахъ нѣтъ! воображеніе его не произвело бы ни одного изъ тѣхъ нѣжныхъ Сонетовъ, которыми я восхищаюсь. Такъ любить должно, и такой любви достойна Юлія!" — Между тѣмъ Юлія поблѣднѣла. Князь увидѣлъ, что его философія ей не нравится; надобно было перемѣнить языкъ, чтобы успокоить красавицу. — „По крайней мѣрѣ, сказалъ онъ, продлимъ, сколько можно, время любви нашей: оно уже никогда, никогда не возвратится, прелестная Юлія!" — Тутъ онъ вздохнулъ. Юлія не

могла съ нимъ согласиться; она требовала вѣрнаго слова. Князь далъ его — и въ награжденіе зато хотѣлъ, чтобы она позволила ему нѣкоторыя вольности въ обхожденіи. Всякой день присвоивалъ онъ себѣ новое право... два жаркія сердца бились такъ сильно, такъ близко другъ ко другу... Но скромность есть нужная добродѣтель и для самаго сказочника. Къ тому же — не знаю, отъ чего — собственное сердце мое бьется такъ сильно, когда я воображаю себѣ подобныя сцены... Можетъ быть какія нибудь темныя воспоминанія... Оставимъ —

Оставимъ всѣ подробности, и скажемъ просто, что бывали минуты, въ которыя одна богиня невинности могла спасти Юліину невинность. Она почувствовала опасность, и Князь принужденъ былъ назначить день для торжественной помолвки. Въ ожиданіи сего дня онъ истощилъ всѣ возможныя хитро-

сти, чтобы побѣдить ея твердость —— но тщетно! Въ самое то время, когда ей, по всѣмъ человѣческимъ вѣроятностямъ, надлежало забыться, она строгимъ взоромъ отсылала его отъ себя—по крайней мѣрѣ шага на два, такъ что онъ лишился всей надежды быть щастливо-дерзкимъ безъ имени супруга.

Однажды поутру, когда Юлія открыла глаза, и съ первою мыслію представила себѣ любезнаго своего Князя, вручили ей письмецо слѣдующаго содержанія:

„Вы любезны; но что любезнѣе воль„ности? Мнѣ горестно разстать„ся съ вами; но мысль о вѣчной обя„занности еще горестнѣе. Сердце „не знаетъ законовъ, и перестаетъ „любить, когда захочетъ: чтожь „будетъ супружество? несносное „бремя. Вы не хотѣли любить по „моему, любить только для удоволь„ствія любви,—— любить, пока лю-

„бишь: и такъ—простите! Называйте меня вѣроломнымъ, естьли „угодно; но давно говорятъ въ свѣтѣ, что клятва любовниковъ пишется на пескѣ, и что самой легкой вѣтерокъ завѣваетъ ее. Впрочемъ, съ такими милыми свойствами, съ такими прелестями, „вамъ не трудно найти достойнаго супруга, . . . можетъ быть вѣрнаго, постояннаго! Родятся Фениксы:—но я, въ семъ смыслѣ, не „Фениксъ; и по тому оставляю „васъ въ покоѣ. Меня уже нѣтъ въ „Москвѣ. Простите!—Князь N*.“

Юлія затрепетала, и, слѣдуя обыкновенію новыхъ Дидонъ, упала въ обморокъ. Черезъ нѣсколько минутъ опомнилась, для того, чтобы опять забыться. Наконецъ, собравъ силы свои, она нашла для себя нѣкоторое облегченіе въ томъ, чтобы проклинать мущинъ. Они всѣ изверги, злодѣи, вѣроломные; тигрица воспитала ихъ молокомъ

„своимъ; подъ языкомъ носятъ они „змѣиной ядъ, а въ сердцѣ ихъ шипитъ ехидна. Слезы ихъ слезы „крокодиловы; повѣрь имъ, и ги„бель неизбѣжна!"—Такими нѣжными красками писала портретъ нашъ отчаянная Юлія. Извинительно; но справедливо ли? Въ одну ли форму отлиты сердца мущинъ? Могутъ ли всѣ отвѣчать за одного? . . Но человѣкъ въ страсти есть худой Логикъ: *одинъ* кажется ему *всѣми*, и *всѣ одним*.

Не позже какъ на другой день узнали въ городѣ о разрывѣ нашихъ любовниковъ. „Князь N* оставилъ Юлію!" говорили мущины, пожимая плечами. „Князь N* оставилъ Юлію," говорили женщины съ коварною улыбкою — и всякая изъ нихъ думала: „меня бы онъ не оставилъ!"—Какъ показаться въ свѣтѣ? Юлія возненавидѣла его, и нѣсколько времени не выходила изъ своего кабинета.

Недѣли черезъ двѣ послѣ сей исторіи пріѣхалъ къ ней Арисъ. Она подумала... и велѣла его пустить.—Бѣдной Арисъ! онъ долженъ былъ страдать вмѣстѣ со всѣми мущинами отъ стрѣлъ Юліина краснорѣчія, и слушать, съ видомъ кающагося преступника, когда бранили непостоянство и вѣроломныхъ! Другой на его мѣстѣ взглянулъ бы на Юлію такими глазами, что она конечно бы закраснѣлась и замолчала; но доброй Арисъ любилъ, не могъ преодолѣть страсти своей, и пріѣхалъ не для того, чтобы мстить огорченной красавицѣ.

Юлія довольна была его посѣщеніемъ; желала видѣть его въ другой, въ третій разъ—и черезъ нѣсколько времени сердце ея перестало кипѣть гнѣвомъ на мущинъ. Арисова нѣжность, кротость, сердечныя достоинства, которыхъ въ свѣтскомъ шумѣ не могла она такъ

сильно и живо чувствовать, тронули ея душу въ искреннихъ разговорахъ тихаго кабинета. „Для чего, сказала Юлія сквозь слезы, для чего другіе мущины не подобны вамъ! Тогда нѣжнѣйшая склонность нашего сердца не была бы для насъ источникомъ тоски и горести.“... Арисъ воспользовался сею минутою, и Юлія не могла отказаться отъ руки его, съ тѣмъ условіемъ, чтобы оставить навсегда *коварной свѣтъ* — какъ она говорила, стараясь загладить въ мысляхъ своихъ послѣднія черты легкомысленнаго Князя N* — „коварной свѣтъ, недостой„ный быть свидѣтелемъ нашего „благополучія, любезной Арисъ! „Презримъ суетность его — онъ „мнѣ несносенъ — и удалимся въ „деревню!“ — „Всѣ дни мои, отвѣчалъ онъ съ радостными слезами, будутъ посвящены твоему удовольствію, несравненная Юлія! Я радъ жить съ тобою на краю міра; ни-

когда, никогда не оскорблю тебя ни взоромъ, ни упрекомъ, ни жалобою. — Воля твоя — мой законъ! Ты дѣлаешь меня щастливымъ: угадывать твои желанія, исполнять ихъ; зависѣть отъ тебя совершенно, есть священной долгъ моей благодарности!" — Арисъ не обманетъ Юліи; а Юлія — увидимъ!

Первыя шесть или семь недѣль протекли для нихъ въ деревнѣ какъ шесть или семь веселыхъ дней. Добродѣтельный супругъ восхищался прелестною супругою всякой часъ, всякую минуту. Юлія была чувствительна къ его нѣжности — и сердца ихъ сливались въ тихихъ восторгахъ. Казалось, что сама Природа брала участіе въ ихъ радостяхъ: она цвѣла тогда во всемъ пространствѣ садовъ своихъ. Вездѣ благоухали ясмины и ландыши; вездѣ пѣли соловьи и малиновки; вездѣ курился ѳиміамъ любви, и все

питало удовольствіями любовь нашихъ супруговъ.

„Боже мой! (говорила Юлія) какъ могутъ люди жить въ городѣ! Какъ могутъ они выѣзжать изъ деревни! Тамъ шумъ и безпокойство; здѣсь чистое невинное удовольствіе. Тамъ вѣчное принужденіе; здѣсь покой и свобода. Ахъ другъ мой! . . (съ умильнымъ взоромъ брала она Арисову руку, и прижимала ее къ своей груди). . . ахъ другъ мой! только въ одной сельской тишинѣ, въ однихъ объятіяхъ Натуры, чувствительная душа можетъ насладиться всею полнотою любви и нѣжности!“

Въ концѣ лѣта Юлія все еще хвалила сельскую жизнь, хотя и не съ такимъ уже краснорѣчіемъ, не съ такимъ жаромъ. Но—за красным лѣтомъ слѣдуетъ мрачная осень. Цвѣты и въ полѣ и въ саду увяли; зелень поблекла; листья слетѣли съ деревьевъ; птички. . . Богъ знаетъ, куда дѣвались—и все

стало такъ печально, такъ уныло, что Юлія потеряла всю охоту хвалить деревенское уединеніе. Арисъ примѣтилъ, что она, смотря въ окно, часто закрывала бѣлымъ платкомъ алой свой ротикъ, и что бѣлой платокъ, какъ будто бы отъ вѣянія зефира, поднимался на немъ и опускался — то есть, сказать просто, Юлія зѣвала! Арисъ вздохнулъ — взялъ томъ Новой Элоизы, развернулъ и прочиталъ нѣсколько страницъ. . . о блаженствѣ взаимной любви. Юлія перестала зѣвать, слушала, и наконецъ сказала: „Прекрасно! только знаешь ли, мой другъ? Мнѣ кажется, что Руссо писалъ болѣе по воображенію, нежели по сердцу. Хорошо, естьли бы такъ было; но такъ ли бываетъ въ самомъ дѣлѣ? Удовольствіе щастливой любви есть конечно первое въ жизни; но можетъ ли оно быть всегда равно живо, всегда наполнять душу? можетъ ли замѣнить всѣ

другія удовольствія? можетъ ли населить для насъ пустыню? Ахъ! сердце человѣческое ненасытимо; оно хочетъ безпрестанно чего нибудь новаго, новыхъ идей, новыхъ впечатлѣній, которыя, подобно утренней росѣ, освѣжаютъ внутреннія чувства его, и даютъ имъ новую силу. На примѣръ, я думаю, что самая пылкая любовь можетъ простыть въ совершенномъ уединеніи; она имѣетъ нужду въ сравненіяхъ, чтобы тѣмъ болѣе чувствовать цѣну предмета своего." —Арисъ вздохнулъ и сказалъ: „я не такъ думалъ; но.... мы завтра ѣдемъ въ городъ!"

Юлія снова явилась въ свѣтъ, и съ новымъ блескомъ красоты своей, съ богатствомъ, съ пышностію: довольно—свѣтъ принялъ ее съ рукоплесканіемъ, и розы со всѣхъ сторонъ посыпались на Юлію. Веселье за`весельемъ, удовольствіе за удовольствіемъ—такъ какъ и прежде

—съ тою розницею, что замужняя женщина имѣетъ еще болѣе удобности наслаждаться всѣми пріятностями свѣтской жизни.

Героиня наша хотѣла жить открытымъ домомъ, и по крайней мѣрѣ четыре раза въ недѣлю ужинало у нее 30 или 40 человѣкъ. Арисъ молчалъ; дѣлалъ все, что ей угодно было. Юлія чувствовала сію нѣжность, и, оставаясь съ нимъ наединѣ, награждала его за то восхитительными своими ласками. „Не правда ли, другъ мой—говорила она съ прелестною улыбкою—что городскія забавы и разнообразіе предметовъ еще болѣе оживляютъ любовь нашу? Сердце мое, утомленное свѣтскимъ шумомъ, наслаждается покоемъ въ твоихъ объятіяхъ.“— Арисъ вздыхалъ,— такъ тихо, что Юлія не слыхала того.

Но однажды ввечеру Арисъ измѣнился въ лицѣ:—между гостями,

пріѣхавшими къ Юліи, увидѣлъ онъ Князя N*! Сердце его затрепетало; однакожь, черезъ нѣсколько минутъ, сіе невольное движеніе укротилось. Разумъ сказалъ сердцу: *молчи!* и Арисъ подошелъ къ Князю съ учтивымъ привѣтствіемъ. Только во весь тотъ вечеръ боялся онъ пристально смотрѣть на Юлію, чтобы не привести ее въ замѣшательство; чтобы она не перетолковала его взоровъ въ худую сторону, и не нашла въ нихъ какого нибудь подозрѣнія, безпокойства, неудовольствія.

Послѣ ужина, когда всѣ разъѣхались, Юлія сѣла на софу, взяла Ариса за руку, и сказала ему съ улыбкою: „Ты видѣлъ, мой другъ, съ какою холодною учтивостію обходилась я съ Княземъ N*. Не принять его, отказать ему отъ дому, было бы съ моей стороны неблагоразумно. Пусть видитъ этотъ легкомысленной Нарциссъ, что онъ

мнѣ ничего; что прошедшее заблужденіе не оставило въ душѣ моей никакихъ слѣдовъ; что я не имѣю причины бояться сердца своего, и что онъ не можетъ привести меня въ краску."—Арисъ, Арисъ поцѣловалъ ея руку, и отдалъ справедливость благоразумію супруги своей!

Черезъ два дни опять ужинъ, и Князь опять явился вмѣстѣ съ прочими гостями; былъ веселъ, забавенъ; говорилъ съ хозяйкою болѣе, нежели съ кѣмъ нибудь; о хозяинѣ не думалъ; взглядывалъ на него почти съ презрѣніемъ, и велъ себя какъ должно модному человѣку.— Коротко сказать, онъ не пропускалъ случая быть у Юліи. „Какъ весело въ ея домѣ!" говорили мущины и женщины. „Хозяйка любезна какъ Ангелъ," говорили первые. „Милой Князь N* разливаетъ вокругъ себя удовольствіе," говорили послѣднія.—Между тѣмъ начались

толки. Одни съ усмѣшкою смотрѣли на Ариса; другіе пожимали плечами. „Чему дивиться?“ шептали другъ другу на ухо: „старая дружба! Теперь же и менѣе опасности. Мужъ тихъ, скроменъ — и все съ концомъ!“

Арисъ не перемѣнялся въ разсужденіи Юліи; но скоро увидѣлъ въ ней перемѣну. Иногда она задумывалась, блѣднѣла, хотѣла быть одна; черезъ часъ лице ея покрывалось нѣжнѣйшимъ румянцемъ: она бросалась въ объятія супруга своего, цѣловала его съ жаромъ, хотѣла что-то сказать, и не говорила ни слова. Скромной Арисъ также молчалъ; иногда слезы катились изъ глазъ его — но кто былъ ихъ свидѣтелемъ? тихое уединеніе; самая густая алея въ саду его, которая, послѣ Юліи, сдѣлалась ему всего милѣе. Арису казалось, что хладныя тѣни ея съ чувствомъ при-

касались къ его сердцу, и согрѣвались его теплотою.

Въ одинъ день, передъ вечеромъ, онъ пріѣхалъ домой, и спѣшилъ въ любимую свою алею; входитъ — и видитъ Князя N*, сидящаго на дерновомъ канапѣ подлѣ Юліи, которая, опустивъ голову на плечо къ нему, смотрѣла въ землю. Онъ цѣловалъ ея руку и говорилъ: „Ты меня любишь, и я долженъ умереть въ твоихъ объятіяхъ! Юлія! тебѣ ли имѣть предразсужденія? Слѣдуй влеченію своего сердца; слѣдуй"... Но Юлія услышала шорохъ, взглянула — и затрепетала... Пусть всякой вообразитъ себя на мѣстѣ бѣднаго Ариса!... Что дѣлать? Заколоть ихъ однимъ кинжаломъ; утолить кровію жажду справедливаго мщенія; а потомъ... умертвить и самаго себя?.. Нѣтъ! Арисъ сражался съ собою — не долѣе минуты; она была ужасна — но онъ усмирилъ кипящее сердце,

и скрылся! — Человѣкъ, которой видѣлъ его выходящаго изъ алеи, сказывалъ мнѣ, что лице его было блѣдно какъ полотно; что ноги его примѣтно дрожали; что изъ сердца его, какъ будто бы насильно, вырывался какой-то глухой стонъ; что онъ, взглянувъ на небо и вздохнувъ нѣсколько разъ сряду, вдругъ пошелъ скорыми шагами.

Въ тотъ же вечеръ принесли къ Юліи слѣдующее письмо:

„Я не нарушилъ даннаго слова; „не оскорбилъ тебя ни жалобою, ни „укоризною; надѣялся на силу нѣж„ности и любви моей, обманулся и „долженъ терпѣть!—Послѣ того, „что я видѣлъ и слышалъ, . . . намъ „не льзя жить вмѣстѣ. Не хочу „обременять тебя моимъ присут„ствіемъ. Права супружества не„сносны, когда любовь не освящаетъ „ихъ. Юлія — прости! . . . Вы сво„бодны! Забудьте, что у васъ былъ „супругъ; долго—или никогда объ

„немъ не услышите! Океанъ раз-
„дѣлитъ насъ. Не будетъ у меня
„ни отечества, ни друзей; будетъ
„одно чувство, для горести и ме-
„ланхоліи! —- Въ приложенномъ па-
„кетѣ найдете бумагу, по которой
„можете располагать моимъ имѣ-
„ніемъ; найдете еще портретъ—
„бывшей супруги моей... Нѣтъ, я
„возьму его съ собою; буду гово-
„рить съ нимъ какъ съ тѣнію умер-
„шаго друга; какъ съ единствен-
„нымъ и послѣднимъ милымъ пред-
„метомъ умирающаго сердца!"

Надобно знать, что Юлія, уви-
дѣвъ Ариса въ алеѣ, нѣсколько ми-
нутъ сидѣла безмолвно; по томъ
бросилась въ слѣдъ за нимъ, назва-
ла его два раза именемъ... голосъ
ея перервался, ноги подогнулись—
она должна была опереться на пле-
чо Князю, и едва могла дойти до
дому. Тамъ, не видя Ариса, упала
на софу, закрыла лице руками, и
не говорила ни слова. Тщетно при-

ступалъ къ ней услужливой Князь; тщетно старался успокоить ее:— она молчала.

Дрожащею рукою схватила Юлія письмо Арисово—прочитала его— и слезы въ три ручья покатились изъ глазъ ея. Князь хотѣлъ взять письмо. . . „Постой!“ сказала она твердымъ голосомъ: „ты не можешь его читать: оно писано добродѣтельнымъ! . . . Туманъ разсѣялся—и я презираю себя! . . . О женщины! вы жалуетесь на коварство мущинъ: ваше легкомысліе, ваше непостоянство служитъ имъ оправданіемъ. Вы не чувствуете цѣны нѣжнаго, добродѣтельнаго сердца; хотите нравиться всему свѣту, гоняетесь за блестящими побѣдами, и бываете жертвою суетности своей (*).— Государь мой! вы видите меня въ

(*) „У мѣста ли такая выходка?“ скажетъ критикъ: „можетъ ли женщина въ *такомъ* случаѣ проповѣды-

послѣдній разъ. Обманывайте другихъ женщинъ, смѣйтесь надъ слабыми; только прошу забыть, оставить меня навсегда. Я не обвиняю никого, кромѣ собственной безразсудности моей. Въ свѣтѣ не будетъ вамъ недостатка въ удовольствіяхъ; но я — гнушаюсь вами и всѣми подобными вамъ. Клянусь самой себѣ, что отнынѣ дерзкой порокъ не осмѣлится взглянуть мнѣ прямо въ глаза. Дивитесь скорой перемѣнѣ; вѣрьте ей или не вѣрьте: для меня все одно.“—Сказала, и какъ молнія изчезла.

Князь стоялъ подобно неподвижной статуѣ; наконецъ опомнился, засмѣялся—искренно или притворно, оставимъ безъ рѣшенія— сѣлъ въ карету и поѣхалъ въ спектакль.

Юлія — узнавъ, что Арисъ уѣхалъ изъ Москвы, неизвѣстно ку-

„вать мораль?“ *Можетъ*, отвѣчаю ему: можетъ, можетъ! а доказательство... объявлю послѣ

да, и только съ однимъ камердинеромъ — сама немедленно оставила городъ и удалилась въ деревню. „Здѣсь протекутъ дни мои въ безмолвномъ уединеніи," сказала она со вздохомъ: „сельской домикъ! я могла, но не умѣла быть щастлива въ тихихъ стѣнахъ твоихъ; я вышла изъ тебя съ достойнѣйшимъ, нѣжнѣйшимъ супругомъ: возвращаюсь одна, бѣдною вдовою, но съ сердцемъ, любящимъ добродѣтель. Она будетъ моимъ утѣшеніемъ, моимъ товарищемъ, моею подругою; я буду разсматривать, буду цѣловать образъ ея въ чертахъ незабвеннаго Ариса!"—Въ сію минуту слезы ея капали на портретъ его, которой она въ рукахъ держала.

Надобно отдать справедливость вамъ, любезныя женщины: когда вы на что нибудь рѣшитесь, не въ минуту легкомыслія, не словомъ, но душею, и съ глубокимъ

чувствомъ истины: твердость ваша бываетъ тогда удивительна—— и славнѣйшіе Герои постоянства, которыхъ до небесъ возноситъ Исторія, должны раздѣлить съ вами лавры свои.

Юлія—-которая на тонинькой волосокъ была отъ того, чтобы сдѣлаться новою Аспазіею, новою Лаисою——Юлія сдѣлалась вдругъ Ангеломъ непорочности. Всѣ суетныя желанія замерли въ ея сердцѣ; она посвятила жизнь свою памяти любезнаго супруга; воображала его стоящаго передъ собою; изливала передъ нимъ свои чувства; говорила: „Ты меня оставилъ; ты имѣлъ право оставить меня; не смѣю желать твоего возвращенія—— желаю только спокойствія любезной душѣ твоей; желаю, чтобы ты забылъ супругу свою, естьли образъ ея мучитъ твое сердце. Будь щастливъ, гдѣ бы ты ни былъ! Со мною милая тѣнь твоя; со мною воспо-

минаніе любви твоей: я не умру съ горести! Хочу жить, чтобы ты имѣлъ въ свѣтѣ нѣжнаго друга. Можетъ быть, посредствомъ тайной симпатіи, сердце твое, не взирая на разлуку, на пространство, которое насъ раздѣляетъ, согрѣется, оживится моею любовію; можетъ быть, погруженному въ тихой сонъ, вѣющій зефиръ скажетъ тебѣ: *Ирисъ не одинъ во мірѣ* — откроешь милые глаза свои, и вдалекѣ, въ туманѣ, увидишь горестную Юлію, которая слѣдуетъ за тобою своимъ духомъ, своимъ сердцемъ; можетъ быть. . . . ахъ! я противъ воли своей желаю. . . Нѣтъ, нѣтъ! хочу обожать его безъ всякой надежды!"

Въ душѣ ея царствовало тихое уныніе, болѣе пріятное, нежели мучительное. Добродѣтельныя чувства не совмѣстны съ тоскою: самыя горькія слезы раскаянія имѣютъ въ себѣ нѣчто сладкое. Пре-

красна и заря добродѣтели; а что иное есть раскаяніе?

Скоро Юлія узнала, что она беременна: новое, сильное чувство, которое потрясло душу ея! . . . . радостное или печальное? . . . Юлія нѣсколько времени сама не могла разобрать идей своихъ. — „Я буду „матерью? . . . Но кто возьметъ на „руки младенца съ нѣжною улыб„кою? Кто обольетъ его слезами „любви и радости? Кому скажу я: „*вотъ сынъ нашъ! вотъ дочь наша!* „Нещастной младенецъ! ты родишь„ся сиротою, и образъ горести бу„детъ первымъ предметомъ от„крывающихся глазъ твоихъ! . . . „Но. . . . такъ угодно Провидѣнію! „Новая обязанность жить и тер„пѣть безъ роптанія! — Родись, ми„лой младенецъ! Сердце мое будетъ „тебѣ отцомъ и матерью. Я утѣ„шусь для тебя и тобою; не ос„корблю нѣжной души твоей ни „горестными вздохами, ни мрач-

„нымъ видомъ! Одна любовь ожи-
„даетъ тебя въ моихъ объятіяхъ,
„и часъ твоего рожденія обновитъ
„жизнь мою!“

Юлія хотѣла приготовить себя къ священному званію матери. Эмиль — книга единственная въ своемъ родѣ — не выходилъ изъ рукъ ея. — „Я не умѣла быть доб-
„родѣтельною супругою (говорила
„она со вздохомъ): по крайней мѣ-
„рѣ буду хорошею матерью, и не-
„бреженіе *одного* долгу заглажу
„вѣрнымъ исполненіемъ *другова!*“

Она считала дни и минуты; пристрастилась заранѣе къ милому младенцу, еще невидимому; заранѣе цѣловала его въ мысляхъ своихъ, называла всѣми нѣжными именами — и всякое его движеніе было для нее движеніемъ радости.

Онъ родился — сынъ — прекраснѣйшій младенецъ, соединенный образъ отца и матери. Юлія не чувствовала болѣзни, не чувствовала

слабости: имъ, имъ только занималась, имъ дышала; плакала—улыбалась, чтобы заставить его улыбнуться—и сердце ея, вкусивъ сладкія чувства матери, открыло въ себѣ новой источникъ радостей, чистѣйшихъ, святыхъ, неописанныхъ радостей. Не уставали глаза ея, смотря на младенца; не уставалъ языкъ ея, называя его тысячу разъ *любезнымъ, милымъ сыномъ!* Огнемъ любви своей согрѣвала она юную душу его; наблюдала ея начальныя дѣйствія, отъ первой слезы до первой его усмѣшки, и вливала въ него, нѣжными взорами, собственную свою чувствительность.—Нужно ли сказывать, что она сама была кормилицею своего сына?

Юліи казалось, что всѣ предметы вокругъ ее перемѣнились и сдѣлались ласковѣе. Прежде она не выходила почти изъ комнаты своей; открытое небо, пространство, необозримыя равнины, питали въ ея душѣ

горестную идею одиначества. *Что я въ неизмѣримой области творенія?* спрашивала она у самой себя, и погружалась въ задумчивость. Шумъ рѣки и лѣса увеличивалъ ея меланхолію; веселье летающихъ птичекъ было чуждо ея сердцу. Теперь Юлія спѣшитъ показывать маленькаго любимца своего всей Натурѣ. Ей кажется, что солнце свѣтитъ на него свѣтлѣе; что каждое дерево наклоняется обнять его; что ручеекъ ласкаетъ его своимъ журчаніемъ; что птички и бабочки для его забавы порхаютъ и рѣзвятся. *Я мать*, думаетъ она, и смѣлыми шагами идетъ по лугу.

Удовольствія, которыхъ Юлія искала нѣкогда въ свѣтѣ, казались ей теперь ничтожнымъ, обманчивымъ призракомъ въ сравненіи съ существеннымъ, питательнымъ наслажденіемъ матери. Ахъ! она была бы совершенно щастлива, естьли бы мысль о горестномъ Ари-

сѣ не тревожила ея сердца. „Я проливаю радостныя слезы — говорила она самой себѣ — я наслаждаюсь въ то время, когда онъ въ горестномъ уединеніи скитается по свѣту, упрекая себя любовію къ недостойной супругѣ! Какой Ангелъ извѣститъ его о перемѣнѣ моего сердца? Юлія могла бы. . . . такъ, въ присутствіи самого Неба осмѣлюсь сказать, что Юлія могла бы теперь загладить передъ нимъ вину свою! . . . Но онъ не знаетъ; онъ воображаетъ меня въ объятіяхъ — порока; воображаетъ меня мертвою для всѣхъ чувствъ добродѣтели! . . . Пусть онъ возвратится хотя на минуту; хотя для того, чтобы видѣть нашего сына! Пусть онъ — сказавъ: *ты не достойна имъ веселиться* — возметъ его у меня! Я рада лишиться всѣхъ утѣшеній, чтобы утѣшить оскорбленнаго супруга моего. . . . рада быть нещастлива для его благопо-

лучія! А онъ будетъ щастливъ; съ Ангеломъ красоты и невинности забудетъ всѣ печали!"

Между тѣмъ маленькой Эрастъ (*) расцвѣталъ какъ розанъ; онъ могъ уже бѣгать по лугу; могъ говорить Юліи: *люблю тебя, маменька!* могъ ласкать ее съ чувствомъ, и нѣжными рученками отирать пріятныя слезы, которыя часто катились изъ глазъ ея.

Однажды весною—время, которое всегда напоминало Юліи первую весну замужства ея — она пошла гулять съ маленькимъ своимъ Эрастомъ, сѣла на цвѣтущемъ пригоркѣ близъ дороги и — между тѣмъ, какъ младенецъ рѣзвился и прыгалъ вокругъ ее — сняла съ груди своей портретъ Арисовъ и разсматривала его съ умиленіемъ.—Таковъ ли онъ теперь? думала Юлія: „Ахъ нѣтъ! „черты его конечно перемѣнились.

(*) Имя сына ея.

„Когда живописецъ изображалъ ихъ, „онъ сидѣлъ противъ меня, смо„трѣлъ на меня съ любовію, былъ „веселъ и щастливъ! А теперь.... „теперь"... Взоръ Юліинъ помрачился. Она задумалась, и легкой сонъ закрылъ на минуту глаза ея.

Безпокойная душа видитъ и мечты безпокойныя (*): Юліи представилось во снѣ необозримое море, которое шумѣло и пѣнилось подъ черными тучами; излучистыя молніи сверкали во мракѣ, страшные громы гремѣли, и ужасъ носился всюду на крыльяхъ бури. Вдругъ показывается корабль, игралище, жертва волнъ разъяренныхъ —исчезаетъ въ пропастяхъ кипящей влаги, и снова является, чтобы навсегда погрузиться въ безднѣ.... Злополучные мореплавате-

(*) *Ужасной сонъ бываетъ передъ щастливымъ событіемъ*, говоритъ Гишпанская пословица; я воспользовался ею для окончанія моей повѣсти.

ли! . . . Юлія, сидя на кремнистой скалѣ, видитъ гибель ихъ, и страдаетъ въ чувствительномъ сердцѣ своемъ. Сильной валъ несется къ берегу, выбрасываетъ на песокъ человѣка, и удаляется. Юлія спѣшитъ къ нещастному —- хочетъ оживить его, и узнаетъ въ немъ Ариса. . . хладнаго, мертваго. Она трепещетъ, пробуждается. . . . и видитъ Ариса на яву: онъ въ ея объятіяхъ, и навѣки!

Я знаю слабость пера своего, и для того не скажу болѣе ни слова о сей рѣдкой сценѣ; ни слова о первыхъ восклицаніяхъ, непосредственно вылетѣвшихъ изъ глубины сердца; ни слова о краснорѣчивомъ безмолвіи первыхъ минутъ; ни слова о слезахъ радости и блаженства!.. Чтобы живѣе представить себѣ картину, читатель вообразитъ еще маленькаго Эраста, котораго Юлія взяла на руки и подала Арису. Младенецъ, наученный Природою, ла-

скалъ отца своего и смотрѣлъ съ улыбкою на Юлію (*).

Уже три года живутъ они въ деревнѣ, живутъ какъ нѣжнѣйшие любовники, и свѣтъ для нихъ не существуетъ. Арисъ не перемѣнился; онъ всегда былъ дѣятельнымъ мудрецомъ. Но Юлія примѣромъ своимъ доказала, что легкомысліе молодой женщины можетъ быть иногда покрываломъ или завѣсою величайшихъ добродѣтелей.

Нѣжность Арисова такъ далеко простирается, что онъ не позволяетъ Юліи описывать черными красками прежняго ея вѣтренаго

(*) Откуда взялся Арисъ? спросятъ любопытные. Онъ нѣсколько лѣтъ странствовалъ по чужимъ землямъ. Вѣрный другъ, оставленный имъ въ Москвѣ, увѣдомлялъ его о Юліи. Наконецъ, увѣрившись въ ея добродѣтели, летѣлъ онъ къ обожаемой супругѣ, сказать ей: *я не переставалъ обожать тебя!*

характера. — „Ты рождена быть „добродѣтельною, говоритъ Арисъ: „нескромное желаніе нравиться, „плодъ безразсуднаго воспитанія и „худыхъ примѣровъ, произвело минутныя твои заблужденія. Тебѣ „надлежало только одинъ разъ почувствовать цѣну истинной любви, „цѣну добродѣтели, чтобы исправиться и возненавидѣть порокъ. Ты „удивляешься, другъ мой, для чего „я молчалъ и не хотѣлъ говорить „тебѣ о слѣдствіяхъ вѣтрености „твоей: я былъ увѣренъ, что укоризны могутъ скорѣе ожесточить „сердце, нежели тронуть его чувствительность. Нѣжное терпѣніе со стороны мужа есть въ такомъ случаѣ самое дѣйствительнѣйшее средство. Выговоры, упреки, заставили бы тебя думать, „что я ревнивъ; ты почла бы себя „оскорбленною — и сердца наши „могли бы навсегда удалиться другъ „отъ друга. Слѣдствіе доказало

„справедливость моей системы.
„Разлука казалась мнѣ послѣднимъ
„способомъ, который должно бы-
„ло употребить для твоего ис-
„правленія. Я оставилъ тебя на
„судъ собственнаго твоего сердца
„—признаюсь, не хладнокровно,
„не безъ мучительной горести—
„но лучь надежды питалъ и не об-
„манулъ меня! ты моя, совершен-
„но и навѣки!"

Иногда Юлія вооружается противъ женщинъ: Арисъ ихъ защитникъ. „Повѣрь мнѣ, другъ мой, (говоритъ онъ) повѣрь, что порочныя женщины бываютъ отъ порочныхъ мущинъ; первыя для того дурны, что послѣдніе не стоятъ лучшихъ."

Арисъ и Юлія могутъ не соглашаться въ разныхъ мнѣніяхъ; но въ томъ они согласны, что удовольствіе щасливыхъ супруговъ и родителей есть первое изъ всѣхъ земныхъ удовольствій.

---

# ДРЕМУЧІЙ ЛѢСЪ.

## СКАЗКА ДЛЯ ДѢТЕЙ,

сочиненная въ одинъ день на слѣдующія заданныя слова:

*Балконъ, лѣсъ, шаръ, лошадь, хижина, лугъ, малиновой кустъ, дубъ, Оссіанъ, источникъ, гробъ, музыка* (*).

---

Бьетъ восемь часовъ. Время пить чай, друзья мои. Любезная хозяйка ожидаетъ насъ на *балконѣ*.

Вечеръ сумраченъ. Грозныя облака мчатся по синему небу. Тамъ, на западѣ, образуется черная ту-

(*) Т. е. всѣ сіи слова надлежало помѣстить въ піесѣ одно за другимъ, въ томъ порядкѣ, въ которомъ они были заданы.

ча. Вѣтеръ воетъ среди развалинъ нашей древней церкви. Все уныло, все печально!

Вы на меня смотрите, любезные матушки!... Понимаю. Вы хотите, чтобы я, подъ шумомъ вѣтра, подъ тѣнію сизыхъ облаковъ, разсказалъ вамъ какую нибудь старинную быль, жалкую или ужасную, и минувшее превратилъ для васъ въ настоящее. Не правда ли?—Хорошо; слушайте.

Взгляните на древній, густой, мрачной лѣсъ, которой возвышается передъ глазами нашими: какъ страшенъ видъ его! какія черныя тѣни лежатъ на его кудрявой вершинѣ! Вы слышите глухой шумъ деревъ, потрясаемыхъ вѣтромъ,— и чувствуете хладъ ужаса въ сердцахъ своихъ. Знайте же, что въ старину, вѣковъ за десять передъ нашимъ вѣкомъ, этотъ лѣсъ былъ въ десять разъ обширнѣе, темнѣе, ужаснѣе. Никто не прокла-

дывалъ въ немъ ни дорожки, ни тропинки; дикіе звѣри жили въ его мрачныхъ пустыняхъ, и томный странникъ въ самый жаркій полдень не смѣлъ искать прохлады въ густой сѣни его.

Молва, которая носилась по окрестнымъ деревнямъ, еще болѣе пугала робкихъ людей. Говорили, что въ этомъ *дремучемъ лѣсу* — (надобно знать, что ему не было другова имени) — издавна жилъ и царствовалъ одинъ злой волшебникъ или чародѣй, кумъ и другъ адскаго Белзевула. Часто, въ глубокую полночь, вылетали оттуда пламенные *шары*, носились по мрачному воздуху и вдругъ съ трескомъ исчезали. Часто при свѣтѣ луны, когда поселяне издали смотрѣли на лѣсъ, расхаживало между деревами какое-то чудовище, наровнѣ съ высокими соснами, и огненными глазами своими освѣщало все вокругъ себя саженей на сто.

Сверьхъ того случалось нѣсколько тысячь разъ, что молодыя *лошади*, которыя, будучи смѣлѣе людей, заходили иногда въ чащу бора, возвращались домой всѣ въ ранахъ, всѣ въ крови; и деревенскіе жители по естественной Логикѣ заключали, что одинъ злой чародѣй, кумъ Велзевуловъ, могъ искусать ихъ такимъ немилосердымъ образомъ. — Вы согласитесь, друзья мои, что это было въ самомъ дѣлѣ очень, очень страшно.

Не знаю, какъ называлась наша деревня въ то время, о которомъ говорю я; но знаю, что въ ней жили иногда, подъ кровлею смиренной *хижины*, доброй старикъ и добрая старушка (мужъ и жена) въ мирѣ и согласіи, по закону Небесному, закону чистой совѣсти; жили щастливо какъ Филоменъ и Бавкида, съ тою розницею, что Фригійскіе супруги не имѣли дѣтей, а у нашихъ былъ сынъ, Ангелъ красотою,

голубь смиренїемЪ, и — вЪ двадцать лѣтЪ — старикЪ разумомЪ. Зависть находила вЪ немЪ только одинЪ порокЪ; а именно тотЪ, что онЪ не любилЪ женщинЪ, и не думалЪ искать себѣ невѣсты, кЪ великому огорченїю всѣхЪ деревенскихЪ красавицЪ, которыя, имѣя чувствительныя сердца, не могли смотрѣть равнодушно на бѣло-румяное лице, черные глаза, величавую осанку и прямой станЪ любезнаго юноши. Тщетно приступали кЪ нему отецЪ и мать; тщетно говорили ему: „обрадуй насЪ вЪ глубокой старости, сынЪ безцѣнной, обрадуй насЪ своею женидьбою. АхЪ! уже ли никогда милыя внучата не будутЪ играть на колѣняхЪ нашихЪ?“ — „Любезные родители!“ отвѣчалЪ онЪ сквозь слезы: „не мучьте вашего бѣднаго сына; ради Бога не мучьте его! Я готовЪ умереть за васЪ; но только не могу жениться безЪ сердеч-

ной склонности. Что мнѣ дѣлать? Наши красавицы не прельщаютъ меня. Будемъ ждать суженой невѣсты, любезные родители, и молиться Богу!"—Что дѣлать? Добрые старики вздыхали и молились Богу.

Теперь — слушайте со вниманіемъ! . . . Въ одну ночь, когда доброй старикъ, добрая старушка и доброй сынъ ихъ наслаждались тихимъ и покойнымъ сномъ, раздался въ хижинѣ гремящій голосъ, и сказалъ — родителямъ: *пошлите сына въ дремучій лѣсъ; тамъ найдетъ онъ свое и ваше благополучіе* — а сыну: *поди въ дремучій лѣсъ; тамъ найдешь свое и родителей твоихъ благополучіе.* Старики проснулись съ трепетомъ; но молодой человѣкъ открылъ глаза съ улыбкою, и сказалъ отцу и матери: „Вы слышали Небесный голосъ, голосъ моего Ангела хранителя; надобно ему повиноваться; надобно итти въ

*дремучій лѣсъ.*—„Итти въ *дремучій лѣсъ!*" воскликнули съ ужасомъ добрые старики: „любезной сынъ! что говоришь ты? Тамъ вѣрная смерть ожидаетъ тебя. Нѣтъ, не Ангелъ хранитель твой, а какой нибудь злой, адской духъ, желающій погибели нашей, произнесъ такія ужасныя слова." Молодой человѣкъ не хотѣлъ перемѣнить своихъ мыслей, и наконецъ положено было ждать дальнѣйшихъ происшествій. — Что же? другая ночь наступила, и тотъ же голосъ раздался въ хижинѣ; слова были тѣ же: *поди въ дремучій лѣсъ!* Опять затрепетели родители, и молодой человѣкъ съ прежнею улыбкою сказалъ имъ: „видите!" — Третья ночь наступила: тотъ же голосъ, тѣ же слова, съ прибавленіемъ: *горе неимущимъ вѣры!* — Тогда отецъ и мать, не смотря на ужасъ свой, не смотря на боязливую любовь къ милому сыну,

ощутили необходимость повиноваться Небу. Воля Его была явна и несомнительна: какой злой, адской духъ могъ говорить о святой вѣрѣ? Молодой человѣкъ увѣщевалъ ихъ имѣть полную довѣренность къ темнымъ путямъ вышней Премудрости; старался успокоить ихъ веселымъ видомъ своимъ, и доказывалъ, что *дремучій лѣсъ* можетъ быть страшенъ для другихъ, а не для него.

Наконецъ родители, заплакавъ горько, согласились разстаться съ любимцемъ души своей. Нѣжная мать отпустила съ нимъ все нужное для дороги, и надѣла ему на шею маленькой образъ, которымъ благословила ее покойная бабушка; и которой хранилъ ихъ смиренное жилище не хуже того, какъ статуя Минервина хранила нѣкогда великолѣпную Трою. Доброй старикъ положилъ обѣ руки на голову юношѣ, взглянулъ не небо, и ска-

залъ: *Ты будь щитомъ его!*—Они разстались. . . . на разсвѣтѣ дня, самаго прекраснаго изъ весеннихъ. Родители стояли неподвижно и глядѣли на своего милаго, которой, съ посохомъ въ рукѣ, шелъ прямо къ *дремучему лѣсу*, не зная точно, за какимъ дѣломъ. Уже онъ скрылся отъ глазъ ихъ. . . . но они все смотрѣли; смотрѣли на мрачной боръ, которой казался имъ мрачнѣе и грознѣе, нежели когда нибудь.

Но намъ, друзья мои, не должно оставлять юнаго Героя. Будучи добръ и невиненъ въ сердцѣ своемъ, безъ всякаго ужаса приближался онъ къ лѣсу—вступилъ въ него—и (слѣдомъ за бѣленькимъ кроликомъ, которой передъ нимъ рѣзвился и прыгалъ) вышелъ сквозь густоту деревъ на зеленый *лугъ*, гдѣ цвѣты благоухали, свѣтлые ручейки журчали и бѣлыя козы щипали мураву вокругъ прекраснаго сельскаго домика, обсаженнаго *ма-*

*линовыми* и смородинными *кустами.* Но молодой человѣкъ забылъ и цвѣты и ручьи, и бѣлыхъ козъ и сельской домикъ, когда увидѣлъ вдругъ передъ своими глазами. . . „Какое нибудь чудовище?" думаете вы — „какого нибудь дракона, змѣя, крокодила, или злаго волшебника, въ высокой шапкѣ, верьхомъ на летучей мыши?" . . . Нѣтъ, друзья мои! совсѣмъ иное, совсѣмъ другое. Онъ увидѣлъ—юную, прекрасную женщину (въ легкомъ бѣломъ платьѣ, съ золотымъ поясомъ), которая похожа была не на Венеру, но на Ангела непорочнаго. Она приближилась къ юношѣ, взглянула на него большими, свѣтлыми голубыми глазами, въ коихъ изображалась вмѣстѣ и кротость сердечная и пронзительная горесть, —- поклонилась ему, взяла съ нѣжностію за руку, и, не говоря ни слова, повела его къ сельскому домику. Могъ ли онъ нейти съ нею? Могъ ли чего ни-

будь страшиться, видя ея прелести и любезность, печать Небеснаго блоговоленія, зеркало красотѣ душевныхѣ? Уже сердце его нѣжно влеклося кѣ ея сердцу; уже горесть ея трогала его душу; уже хотѣлѣ онѣ спросить о причинѣ слезѣ, блиставшихѣ на ея ресницахѣ. . . . но тутѣ другое явленіе представилось глазамѣ его. Подѣ тѣнію древняго *дуба*, омрачавшаго домикѣ своими густыми вѣтьвями, сидѣлѣ бѣловласый почтенный старецѣ, вѣ длинной тканой одеждѣ, какую горные Шотландскіе вѣтры развѣвали нѣкогда на священныхѣ Друидахѣ и Бардахѣ, современникахѣ *Оссіановыхѣ*. Онѣ воззрѣлѣ на юношу очами томными. . . но вѣ нихѣ сіяли еще искры небеснаго огня, пламенѣющаго вѣ сердцѣ мужей великихѣ. . . воззрѣлѣ, и простирая кѣ нему свои обьятія, сказалѣ тихимѣ, но внятнымѣ голосомѣ: „Не„бо посылаетѣ тебя, о добродѣ-

„тельной юноша! въ сію уединен-
„ную пустыню, да будешь свидѣ-
„телемъ моей смерти и облада-
„телемъ сокровища, которое до-
„стойно первѣйшаго изъ царей зем-
„ныхъ, но котораго не всѣ цари
„земные достойны. Приближься къ
„моему сердцу, да обниму тебя
„вмѣстѣ съ сею любезною дщерію,
„любимицею души моей, которую
„благое Провидѣніе назначило тебѣ
„въ супруги. Она будетъ лю-
„бить тебя, ты будешь любить
„ее, и мирное щастіе увѣнчаетъ
„дни ваши. Знай, сынъ мой — ибо
„мнѣ дано уже священное право
„называть тебя симъ именемъ —
„знай, что я былъ однимъ изъ тѣхъ
„смертныхъ, которымъ Божество
„благоволитъ открывать вѣчную
„премудрость Свою и тайны чу-
„десной Природы, да покланяются
„они Его величію въ восторгѣ
„душъ своихъ. Здѣсь, удаленный
„отъ суеты мірской, удаленный

„отъ злыхъ и развращенныхъ лю-
„дей, въ безмолвной тишинѣ уеди-
„ненія, я вникалъ духомъ въ зако-
;„ны Небесные, правящіе вселен-
„ною. Но и земныя радости весе-
„лили душу мою. Я наслаждался
„нѣжнымъ, сердечнымъ союзомъ,
„безъ коего нѣтъ для смертныхъ
„истиннаго благополучія; наслаж-
„дался любовію милой, добродѣ-
„тельной супруги, которую ви-
„дишь ты въ цвѣтущемъ образѣ
„ея дочери. Но давно уже пересе-
„лилась она въ обители небесныя:
„я спѣшу тамъ соединиться съ нею
„новымъ союзомъ. Пришелъ часъ
„мой — чувствую хладную руку
„смерти — острая коса ея свер-
„каетъ предъ очами моими. Всѣ
„живущіе подъ солнцемъ должны
„рано или поздно въ прахъ обра-
„титься. Я предвидѣлъ конецъ
„свой, и только объ участи милой
„дочери моей сокрушался: невин-
„ность оставалась сиротою въ мі-

„рѣ. Я молился—излилъ душу свою
„предъ вѣчною Благостію—и Ми-
„лосердый услышалъ моленіе чи-
„стаго сердца: Онъ обѣщалъ по-
„слать добродѣтельнаго супруга
„моей любезной—гласъ Неба воз-
„вѣстилъ мнѣ время, въ которое
„надлежало тебѣ явиться въ нашей
„пустынѣ. Сіе мирное уединеніе
„должно быть вовѣки твоимъ оби-
„талищемъ; здѣсь будешь имѣть
„все нужное для умѣренной, покой-
„ной жизни. Приведи сюда роди-
„телей твоихъ: пусть нѣкогда и
„они лежатъ въ землѣ подлѣ суп-
„руги моей, вмѣстѣ со мною, на
„берегу свѣтлаго *источника*, въ
„тѣни сего древняго дуба, гдѣ я
„такъ часто углублялся въ свя-
„щенныя размышленія! . . . Прови-
„дѣнію не угодно включить тебя
„въ число мудрецовъ земныхъ; но
„Оно включаетъ тебя въ число
„добрыхъ—сего довольно—не жа-
„луйся на судьбу свою. Ты не по-

„чувствуешь никогда тѣхъ неизъ-
„яснимыхъ горестей и внутрен-
„нихъ терзаній, которыя, по за-
„кону Всевышняго, бываютъ здѣсь
„долею многовѣдѣнія... Грядущее
„отверзается предъ моимъ взо-
„ромъ... Зрю времена ужаса и
„страха, зрю вѣки гибели и клят-
„вы, среди просвѣщенія и величай-
„шихъ успѣховъ разума человѣче-
„скаго. Еще далеки времена сіи;
„но они пріидутъ. Блѣдная злоба,
„вооруженная смертоносным кин-
„жаломъ, будетъ свирѣпствовать
„на земномъ шарѣ и разить сла-
„быхъ; рѣки потекутъ кровію, и
„стенанія нещастныхъ заглушатъ
„бурю. Добрые и праведные осып-
„лютъ пепломъ главы свои, за-
„кроютъ лица, и обліются горьки-
„ми слезами.... Но и тогда най-
„дутся еще тихія убѣжища для
„миролюбивой добродѣтели. Такимъ
„образомъ *одно чувствительное се-*
„*мейство, общество нѣжнѣйшихъ*

*„друзей, удаляясь отъ шумнаго мі-„ра, поселится нѣкогда близъ сего „дремучаго лѣса* (*), *котораго ночь „озарится со временемъ лучами „свѣта; здѣсь, не взирая на всемір-„ный мятежъ, насладится оно лю-„бовію и святою дружбою....* Гла-„за мои темнѣютъ; слова замира-„ютъ на устахъ моихъ... Прости-„те. Богъ не оставитъ васъ, ми-„лыя дѣти. Обнимите меня.... „хладѣющее сердце мое чувст-„вуетъ еще теплоту вашего.... „Простите.... умираю.“ — И свя-тый мужъ скончался, подобно какъ тихій свѣтъ зари вечерней умираетъ подъ мантіею ночи.

Не буду говорить вамъ о слезахъ нѣжной дочери, которыя вмѣстѣ со слезами добраго юноши лились на хладное тѣло старца; но души не было въ семъ тѣлѣ, и

(*) Тамъ жилъ Авторъ въ семействѣ друзей своихъ.

земля требовала его въ нѣдра свои. Смертные остатки безсмертнаго мужа, сообразно съ его волею, погреблися на берегу свѣтлаго источника, въ тѣни древняго дуба, подлѣ *гроба* его супруги. Преданіе говоритъ, что въ самую ту минуту раздалася въ лѣсу небесная *музыка*, и что ея гармоническіе звуки тихо изчезли въ вышнихъ пространствахъ воздуха.

Трогательныя и торжественныя слова умирающаго отца; его нѣжные взоры, обращаемые то на милую дочь, то на добраго юношу; имя *любезныхъ дѣтей*, которымъ онъ называлъ ихъ вмѣстѣ, съ любовію прижимая ихъ другъ ко другу въ своихъ хладѣющихъ объятіяхъ; наконецъ послѣдній взоръ его, которой, такъ сказать, между ими дѣлился, и горестный, священный обрядъ погребенія, сливавшій въ одно ихъ чувства—все питало, все умножало взаимную страсть двухъ

юныхъ сердецъ, одно для другаго сотворенныхъ.

Уже сѣнистый вечеръ готовъ былъ спуститься на землю, когда Герой нашъ, ведя за руку любезную свою, явился глазамъ добрыхъ стариковъ (*); разставшись съ нимъ, они не хотѣли войти въ хижину, стояли у воротъ, и ждали безпрестанно его возвращенія. „Любезныя родители! вотъ мое, вотъ „ваше благополучіе! вотъ оно!" ... Онъ разсказалъ имъ все.

Вы легко можете представить себѣ ихъ удивленіе, ихъ радость. Плакали, обнимались, говорили, и не слыхали словъ своихъ.— Но — подивитесь странной привязанности людей къ наслѣдственному крову, даже къ самому низкому и бѣдному! — имъ не хотѣлось промѣнять хижины своей на прекра-

(*) Надобно думать, что бѣлой кроликъ былъ опять его путеводителемъ.

сной домикѣ *дремучаго лѣса.* Одно чудо могло ихъ къ тому принудить: вдругъ откуда ни взялся вѣтеръ, сорвалъ хижину и унесъ изъ виду, такъ что ни малѣйшаго слѣда ея на землѣ не осталось. Дѣлать было не чего; старики вздохнули, выронили капли двѣ слезъ, и пошли, куда Небесная воля призывала ихъ, и гдѣ они лучше могли наслаждаться остаткомъ дней своихъ.

Что принадлежитъ до юныхъ любовниковъ, то блаженство ихъ было совершенно; оно скончалось только вмѣстѣ съ ихъ жизнію, и еще сіяло въ мірѣ какъ заря вечерняя— сіяло въ благополучіи многочисленнаго ихъ потомства.

---

Здѣсь заключается исторія *дремучаго лѣса.*

„А злой волшебникъ, а пламенные шары, которые вылетали изъ

лѣсу; а страшное чудовище, которое расхаживало наровнѣ съ соснами; а огненные глаза его, которые саженей на сто все вокругъ освѣщали; а молодыя лошади, которыя возвращались домой всѣ въ ранахъ, всѣ въ крови?"—Вы требуете изъясненія, друзья мои! Знайте же, что слухъ о зломъ волшебникѣ принадлежалъ къ числу нелѣпыхъ басенъ, до которыхъ издавна охотники добрые люди; что пламенные шары составлялись изъ обыкновенныхъ воздушныхъ огней; что ужасное чудовище существовало только въ воображеніи робкихъ поселянъ, а свѣтлые глаза его были ничто иное, какъ маленькіе червячки, которые въ лѣтнія ночи блестятъ на травѣ и на деревьяхъ; что молодыхъ лошадей кусалъ въ бору не кумъ Веллзевуловъ, а сильной оводъ.

# НАТАЛЬЯ,

## БОЯРСКАЯ ДОЧЬ.

---

Кто изъ насъ не любитъ тѣхъ временъ, когда Руские были Рускими; когда они въ собственное свое платье наряжались, ходили своею походкою, жили по своему обычаю, говорили своимъ языкомъ и по своему сердцу, то есть говорили такъ, какъ думали? По крайней мѣрѣ я люблю сіи времена; люблю на быстрыхъ крыльяхъ воображенія летать въ ихъ отдаленную мрачность, подъ сѣнію давно-истлѣвшихъ вязовъ искать брадатыхъ моихъ предковъ, бесѣдовать съ ними о приключеніяхъ древности, о характерѣ славнаго народа Рускаго

и съ нѣжностію цѣловать ручки у моихъ прабабушекъ, которыя не могутъ насмотрѣться на своего почтительнаго правнука, не могутъ наговориться со мною (ибо женщины, а особливо старыя, во всякія времена бывали говорливы) и не могутъ надивиться моему разуму, потому что я, разсуждая съ ними о старыхъ и новыхъ модахъ, всегда отдаю преимущество ихъ подкапкамъ и шубейкамъ передъ нынѣшними bonnets à la... и всѣми Галло-Албіонскими нарядами, блистающими на Московскихъ красавицахъ въ концѣ осьмагонадесять вѣка. Такимъ образомъ (конечно понятнымъ для всѣхъ читателей) старая Русь извѣстна мнѣ болѣе, нежели многимъ изъ моихъ согражданъ; и естьли угрюмая Парка еще нѣсколько лѣтъ не перерѣжетъ жизненной моей нити, то наконецъ не найду я и мѣста въ головѣ своей для всѣхъ анекдотовъ и повѣ-

стей, разсказываемыхъ мнѣ жителями прошедшихъ столѣтій. Чтобы облегчить не много грузъ моей памяти, намѣренъ я сообщить любезнымъ читателямъ одну быль или исторію, слышанную мною въ области тѣней, въ царствѣ воображенія, отъ бабушки моего дѣдушки, которая въ свое время почиталась весьма краснорѣчивою, и почти всякой вечеръ сказывала сказки Царицѣ N. N. Только страшусь обезобразить повѣсть ея; боюсь, чтобы старушка не примчалась на облакѣ съ того свѣта и не наказала меня клюкою своею за худое риторство. . . Ахъ нѣтъ! прости безразсудность мою, великодушная тѣнь — ты неудобна къ такому дѣлу! Въ самой земной жизни своей была ты смирна и незлобна какъ юная овечка; рука твоя не умертвила здѣсь ни комара, ни мушки, и бабочка всегда покойно отдыхала на носу твоемъ: и такъ возможно

ли, чтобы теперь, когда ты плаваешь въ морѣ неописаннаго блаженства, и дышишь чистѣйшимъ эѳиромъ неба — возможно ли, чтобы рука твоя поднялась на твоего покорнаго праправнука? Нѣтъ! ты дозволишь ему безпрепятственно упражняться въ похвальномъ ремеслѣ марать бумагу, взводить небылицы на живыхъ и мертвыхъ, испытывать терпѣніе своихъ читателей, и наконецъ, подобно вѣчно-зѣвающему богу Морфею, низвергать ихъ — на мягкіе диваны и погружать въ глубокой сонъ. . . . Ахъ! въ самую сію минуту я вижу необыкновенной свѣтъ въ темномъ моемъ коридорѣ; вижу огненные круги, которые вертятся съ блескомъ и съ трескомъ, и наконецъ — о чудо! — являютъ мнѣ твой образъ, образъ неописанной красоты, неописаннаго величества! Очи твои сіяютъ какъ солнцы; уста твои алѣютъ какъ заря утренняя,

какъ вершины снѣжныхъ горъ при восходѣ дневнаго свѣтила — ты улыбаешься, какъ юное твореніе въ первый день бытія своего улыбалось — и въ восторгѣ слышу я *сладко-гремящія* слова твои: „продолжай, любезной мой праправнукъ!" Такъ, я буду продолжать, буду; и вооружась перомъ моимъ, мужественно начертаю исторію *Натальи, боярской дочери*, исторію, которую, какъ выше сказано, слышалъ я отъ тебя въ царствѣ тѣней. — Но прежде должно мнѣ отдохнуть; восторгъ, въ которой привело меня явленіе пра-прабабушки, утомилъ душевныя мои силы. На нѣсколько минутъ кладу перо — и сіи написанныя строки да будутъ вступленіемъ или предисловіемъ!

---

Въ престольномъ градѣ славнаго Рускаго царства, въ Москвѣ бѣлокаменной, жилъ Бояринъ Матвѣй

Андреевъ, человѣкъ богатой, умной, вѣрной слуга Царской, и, по обычаю Рускихъ, великой хлѣбосолъ. Онъ владѣлъ многими помѣстьями, и былъ не обидчикомъ, а покровителемъ и заступникомъ своихъ бѣдныхъ сосѣдей,—чему въ наши просвѣщенныя времена можетъ быть не всякой повѣритъ, но что въ старину совсѣмъ не почиталось рѣдкостію. Царь называлъ его правымъ глазомъ своимъ, и правой глазъ никогда Царя не обманывалъ. Когда ему надлежало разбирать какую нибудь важную тяжбу, онъ призывалъ къ себѣ въ помощь Боярина Матвѣя, и Бояринъ Матвѣй, кладя чистую руку на чистое сердце, говорилъ: *сей правъ* (не по такому-то указу, состоявшемуся въ такомъ-то году, но) *по моей совѣсти; сей виноватъ по моей совѣсти*— и совѣсть его была всегда согласна съ правдою и съ совѣстію Царскою. Дѣло рѣшилось безъ замедленія:

правой подымалъ на небо слезящее око благодарности, указывая рукою на добраго Государя и добраго Боярина; а виноватой бѣжалъ въ густые лѣса, сокрыть стыдъ свой отъ человѣковъ.

Еще не можемъ мы умолчать объ одномъ похвальномъ обыкновеніи Боярина Матвѣя, обыкновеніи, которое достойно подражанія во всякомъ вѣкѣ и во всякомъ царствѣ; а именно, каждой дванадесятой праздникъ поставлялись длинные столы въ его горницахъ, чистыми скатертьми накрытые, и Бояринъ, сидя на лавкѣ подлѣ высокихъ воротъ своихъ, звалъ къ себѣ обѣдать всѣхъ мимоходящихъ бѣдныхъ (*) людей, сколько ихъ могло помѣститься въ жилищѣ боярскомъ; по томъ, собравъ полное число, возвращался въ домъ, и указавъ мѣсто

(*) Въ истинѣ сего увѣрялъ меня не одинъ старой человѣкъ.

каждому гостю, садился самъ между ими. Тутъ въ одну минуту являлись на столахъ полныя чаши и блюда, и ароматической паръ горячаго кушанья какъ бѣлое тонкое облако вился надъ головами обѣдающихъ. Между тѣмъ хозяинъ ласково бесѣдовалъ съ гостями, узнавалъ ихъ нужды, подавалъ имъ хорошіе совѣты, предлагалъ свои услуги, и наконецъ веселился съ ними какъ съ друзьями. Такъ въ древнія Патріархальныя времена, когда вѣкъ человѣческой былъ не столь кратокъ, почтенными сѣдинами украшенный старецъ насыщался земными благами со многочисленнымъ своимъ семействомъ — смотрѣлъ вокругъ себя, и видя на всякомъ лицѣ, во всякомъ взорѣ живое изображеніе любви и радости, восхищался въ душѣ своей. — Послѣ обѣда всѣ неимущіе братья, наполнивъ виномъ свои чарки, восклицали въ одинъ голосъ: *Доброй,*

*доброй бояринѣ и отецѣ нашѣ! мы пьемѣ за твое здоровье! Сколько капель вѣ нашихѣ чаркахѣ, столько лѣтѣ живи благополучно!* Они пили, и благодарныя слезы ихѣ капали на бѣлую скатерть.

Таковѣ былѣ Бояринѣ Матвѣй, вѣрной слуга Царской, вѣрной другѣ человѣчества. Уже минуло ему шестьдесятѣ лѣтѣ; уже кровь медленнѣе обращалась вѣ жилахѣ его; уже тихое трепетаніе сердца возвѣщало наступленіе жизненнаго вечера и приближеніе ночи — но доброму ли бояться сего густаго, непроницаемаго мрака, вѣ которомѣ теряются дни человѣческіе? Ему ли страшиться сего тѣнистаго пути, когда сѣ нимѣ доброе сердце его, когда сѣ нимѣ добрыя дѣла его? Онѣ идетѣ впередѣ безтрепетно, наслаждается послѣдними лучами заходящаго свѣтила, обращаетѣ покойной взорѣ на прошедшее, и сѣ радостнымѣ — хотя

темнымъ, но не менѣе того радостнымъ предчувствіемъ заноситъ ногу въ оную неизвѣстность. — Любовь народная, милость Царская были наградою добродѣтелей стараго Боярина; но вѣнцемъ его щастія и радостей была любезная Наталья, единственная дочь его.. Уже давно оплакалъ онъ матъ ея, которая заснула вѣчнымъ сномъ въ его объятіяхъ; но кипарисы супружеской любви покрылись цвѣтами любви родительской — въ юной Натальѣ увидѣлъ онъ новой образъ умершей, и, вмѣсто горькихъ слезъ печали, возсіяли въ глазахъ его сладкія слезы нѣжности. Много цвѣтовъ въ полѣ, въ рощахъ и на лугахъ зеленыхъ; но нѣтъ подобнаго розѣ; роза всѣхъ прекраснѣе: много было красавицъ въ Москвѣ бѣлокаменной, ибо царство Руское искони почиталось жилищемъ красоты и пріятностей; но никакая красавица не могла сравниться съ

Натальею — Наталья была всѣхъ прелестнѣе. Пусть читатель вообразитъ себѣ бѣлизну Италіанскаго мрамора и Кавказскаго снѣга: онъ все еще не вообразитъ бѣлизны лица ея — и представя себѣ цвѣтъ Зефировой любовницы, все еще не будетъ имѣть совершеннаго понятія объ алости щекъ Натальиныхъ. Я боюсь продолжать сравненіе, чтобы не наскучить читателю повтореніемъ извѣстнаго; ибо въ наше роскошное время весьма истощился магазинъ піитическихъ уподобленій красоты, и не одинъ писатель съ досады кусаетъ перо свое, ища и не находя новыхъ. Довольно знать и того, что самые богомольные старики, видя Боярскую дочь у обѣдни, забывали класть земные поклоны, и самыя пристрастныя матери отдавали ей преимущество передъ своими дочерями. Сократъ говорилъ, что красота тѣлесная бываетъ всегда

изображенiемъ душевной. Намъ должно повѣрить Сократу, ибо онъ былъ вопервыхъ искуснымъ ваятелемъ, (слѣдственно зналъ принадлежности красоты тѣлесной) а во вторыхъ мудрецомъ или любителемъ мудрости (слѣдственно зналъ хорошо красоту душевную). По крайней мѣрѣ наша прелестная Наталья имѣла прелестную душу, была нѣжна какъ горлица, невинна какъ агнецъ, мила какъ Май мѣсяцъ; однимъ словомъ, имѣла всѣ свойства благовоспитанной дѣвушки, хотя Рускiе не читали тогда ни Локка о *воспитанiи*, ни Руссова *Эмиля* — вопервыхъ для того, что сихъ Авторовъ еще и на свѣтѣ не было, а вовторыхъ и по тому, что худо знали грамотѣ — не читали и воспитывали дѣтей своихъ, какъ Натура воспитываетъ травки и цвѣточки, то есть, поили и кормили ихъ, оставляя все прочее на произволъ Судьбы; но сiя Судьба

была къ нимъ милостива, и за довѣренность, которую имѣли они къ ея всемогуществу, награждала ихъ почти всегда добрыми дѣтьми, утѣшеніемъ и подпорою ихъ старыхъ дней.

Одинъ великой Психологъ, котораго имени я право не упомню, сказалъ, что описаніе дневныхъ упражненій человѣка есть вѣрнѣйшая характеристика его сердца. По крайней мѣрѣ я такъ думаю, и съ позволенія моихъ любезныхъ читателей опишу, какъ Наталья, Боярская дочь, проводила время свое отъ восхода до заката краснаго солнца. Лишь только первые лучи сего великолѣпнаго свѣтила показывались изъ-за утренняго облака, изливая на тихую землю жидкое, неосязаемое золото: красавица наша пробуждалась, открывала черные глаза свои, и перекрестившись бѣлою атласною, до нѣжнаго локтя обнаженною рукою, вставала, надѣ-

вала на себя тонкое шелковое платье, камчатную шѣлогрѣю, и съ распущенными темнорусыми волосами подходила къ круглому окну высокаго своего терема, чтобы взглянуть на прекрасную картину оживляемой Натуры — взглянуть на златоглавую Москву, съ которой лучезарной день снималъ туманный покровъ ночи, и которая, подобно какой нибудь огромной птицѣ, пробужденной гласомъ утра, въ вѣяніи вѣтерка стряхивала съ себя блестящую росу — взглянуть на Московскія окрестности, на мрачную, густую, необозримую Марьину рощу, которая какъ сизый, кудрявый дымъ терялась отъ глазъ въ неизмѣримомъ отдаленіи, и гдѣ жили тогда всѣ дикіе звѣри сѣвера; гдѣ страшной ревъ ихъ заглушалъ мелодіи птицъ поющихъ. Съ другой стороны являлись Натальину взору сверкающіе изгибы Москвы рѣки, цвѣтущія поля и ды-

мящіяся деревни, откуда съ веселыми пѣснями выѣзжали трудолюбивые поселяне на работы свои — поселяне, которые и по сіе время ни въ чемъ не перемѣнились, такъ же одѣваются, такъ живутъ и работаютъ, какъ прежде жили и работали, и среди всѣхъ измѣненій и личинъ представляютъ намъ еще истинную Рускую физіономію. Наталья смотрѣла, опершись на окно, и чувствовала въ сердцѣ своемъ тихую радость; не умѣла краснорѣчиво хвалить Натуры, но умѣла ею наслаждаться; молчала и думала: *какъ хороша Москва бѣлокаменная! какъ хороши ея окружности!* Но того не думала Наталья, что сама она въ утреннемъ своемъ нарядѣ была всего прекраснѣе. Юная кровь, разгоряченная ночными сновидѣніями, красила нѣжныя щеки ея алѣйшимъ румянцемъ; солнечные лучи играли на бѣломъ ея лицѣ, и проницая сквозь черныя, пу-

шистыя ресницы, сіяли въ глазахъ ея свѣтлѣе, нежели на золотѣ. Волосы, какъ темно-кофейной бархатъ, лежали на плечахъ и на бѣлой, полу-открытой груди; но скоро прелестная скромность, стыдясь самаго солнца, самаго вѣтерка, самыхъ нѣмыхъ стѣнъ, закрывала ее полотномъ тонкимъ. По томъ будила она свою няню, вѣрную служанку ея покойной матери. *Вставай, мама!* говорила Наталья: *скоро заблаговѣстятъ къ обѣднѣ.* Мама вставала, одѣвалась, называла свою барышню раннею птичкою, умывала ее ключевою водою, чесала ея длинные волосы бѣлымъ костянымъ гребнемъ, заплетала ихъ въ косу, и украшала голову нашей прелестницы жемчужною повязкою. Такимъ образомъ снарядившись, дожидались онѣ благовѣста, и заперевъ замкомъ свѣтлицу свою, (чтобы въ отсутствіе ихъ не закрался въ нее какой нибудь недоброй человѣкъ) от-

правлялись къ объднѣ. „Всякой день?" спросишъ читатель. Конечно — таковъ былъ въ старину обычай — и развѣ зимою одна жестокая вьюга, а лѣтомъ проливной дождь съ грозою могли тогда удержать красную дѣвицу отъ исполненія сей набожной должности. Становясь всегда въ уголкѣ трапезы, Наталья молилась Богу съ усердіемъ, и между тѣмъ изъ подлобья посматривала на право и на лѣво. Въ старину не было ни клобовъ, ни маскарадовъ, куда нынѣ ѣздятъ себя казать и другихъ смотрѣть: и такъ гдѣ же, какъ не въ церкви могла тогда любопытная дѣвушка поглядѣть на людей? Послѣ обѣдни Наталья раздавала всегда нѣсколько копѣекъ бѣднымъ людямъ, и приходила къ своему родителю, съ нѣжною любовію поцѣловать его руку. Старецъ всегда плакалъ отъ радости, видя, что дочь его день ото дня становилась лучше и ми-

лѣе, и не зналъ, какъ благодарить Бога за такой неоцѣненной даръ, за такое сокровище. Наталья садилась подлѣ него, или шить въ пяльцахъ, или плести кружево, или сучить шелкъ, или низать ожерелье. Нѣжной родитель хотѣлъ смотрѣть на работу ея, но вмѣсто того смотрѣлъ на нее самое, и наслаждался безмолвнымъ умиленіемъ. Читатель! знаешь ли ты по собственному опыту родительскія чувства? Естьли нѣтъ, то вспомни по крайней мѣрѣ, какъ любовались глаза твои пестрою гвоздичкою или бѣленькимъ ясминомъ, тобою посаженнымъ; съ какимъ удовольствіемъ разсматривалъ ты ихъ краски и тѣни, и сколь радовался мыслію: *это мой цвѣтокъ; я посадилъ его и выростилъ!* вспомни, и знай, что отцу еще веселѣе смотрѣть на милую дочь, и веселѣе думать: *она моя!* — Послѣ Рускаго сытнаго обѣда Бояринъ Матвѣй

ложился отдыхать, а дочь свою съ ея мамою отпускалъ гулять или въ садъ, или на большой зеленой лугъ, гдѣ нынѣ возвышаются *красныя ворота* съ трубящею Славою. Наталья рвала цвѣты, любовалась летающими бабочками, питалась благоуханіемъ травъ, возвращалась домой весела и покойна, и принималась снова за рукодѣлье. Наступалъ вечеръ — новое гулянье, новое удовольствіе; иногда же юныя подруги приходили дѣлить съ нею часы прохлады, и разговаривать о всякой всячинѣ. Самъ доброй Бояринъ Матвѣй бывалъ ихъ собесѣдникомъ, естьли государственныя или нужныя домашнія дѣла не занимали его времени. Сѣдая борода его не пугала молодыхъ красавицъ; онъ умѣлъ забавлять ихъ пріятнымъ образомъ, и разсказывалъ имъ приключенія благочестиваго Князя Владиміра и могучихъ богатырей Россійскихъ.

Зимою, когда не льзя было гулять ни въ саду ни въ полѣ, Наталья каталась въ саняхъ по городу, и ѣздила по вечеринкамъ, на которыя собирались однѣ дѣвушки, тѣшиться и веселиться и невиннымъ образомъ сокращать время. Тамъ мамы и няни выдумывали для своихъ барышенъ разныя забавы; играли въ жмурки, прятались, хоронили золото, пѣли пѣсни, рѣзвились не нарушая благопристойности, и смѣялись безъ насмѣшекъ, такъ что скромная и цѣломудренная Дріада могла бы всегда присутствовать на сихъ вечеринкахъ. Глубокая полночь разлучала дѣвушекъ, и прелестная Наталья въ объятіяхъ мрака наслаждалась покойнымъ сномъ, которымъ всегда юная невинность наслаждается.

Такъ жила Боярская дочь, и семнадцатая весна жизни ея наступила; травка зазеленѣлась, цвѣты расцвѣли въ полѣ, жаворонки за-

пѣли — и Наталья, сидя поутру въ свѣтлицѣ своей подъ окномъ, смотрѣла въ садъ, гдѣ съ кусточка на кусточекъ порхали птички, и нѣжно лобызаясь своими маленькими носиками, прятались въ густоту листьевъ. Красавица въ первой разъ замѣтила, что онѣ летали парами — сидѣли парами, и скрывались парами. Сердце ея какъ будто бы вздрогнуло — какъ будто бы какой нибудь чародѣй дотронулся до него волшебнымъ жезломъ своимъ! Она вздохнула — вздохнула въ другой и въ третій разъ — посмотрѣла вокругъ себя — увидѣла, что съ нею никого не было, никого, кромѣ старой няни (которая дремала въ углу горницы на красномъ весеннемъ солнышкѣ) — опять вздохнула, и вдругъ бриллiантовая слеза сверкнула въ правомъ глазѣ ея, — потомъ и въ лѣвомъ — и обѣ выкатились — одна капнула на грудь, а другая остановилась на румяной

щекѣ, въ маленькой нѣжной ямкѣ, которая у милыхъ дѣвушекъ бываетъ знакомъ того, что Купидонъ цѣловалъ ихъ при рожденіи. Наталья подгорюнилась—чувствовала нѣкоторую грусть, нѣкоторую томность въ душѣ своей; все казалось ей не такъ, все неловко; она вставала и опять сѣла — наконецъ, разбудивъ свою маму, сказала ей, что сердце у нее тоскуетъ. Старушка начала крестить милую свою барышню, и съ нѣкоторыми *набожными оговорками* (*) бранить того человѣка, которой взглянулъ на прекрасную Наталью не чистымъ глазомъ, или похвалилъ ея прелести не чистымъ языкомъ, не отъ чистаго сердца, не въ доброй часъ; ибо старушка была увѣрена, что ее сглазили, и что внутренняя тоска ея происходитъ не отъ чего дру-

(*) На прим. *прости Господи*, и прочее тому подобное, что можно еще слышать и отъ нынѣшнихъ нянюшекъ.

гова. Ахъ добрая старушка! хотя ты и долго жила на свѣтѣ, однакожь многова не знала; не знала, что и какъ въ нѣкоторыя лѣта начинается у нѣжныхъ дочерей боярскихъ; не знала - - - Но можетъ быть и читатели (естьли до сей минуты они все еще держатъ въ рукахъ книгу и не засыпаютъ) —— можетъ быть и читатели не знаютъ, что за бѣда случилась вдругъ съ нашею Героинею; чего она искала глазами въ горницѣ, отъ чего вздыхала, плакала, грустила. Извѣстно, что до сего времени веселилась она какъ вольная птичка; что жизнь ея текла, какъ прозрачной ручеекъ стремится по бѣленькимъ камешкамъ между злачныхъ, цвѣтущихъ бережковъ: что жь сдѣлалось съ нею? Скромная Муза, повѣдай! - - - Съ небеснаго лазореваго свода, а можетъ быть откуда нибудь и повыше, слетѣла какъ маленькая птичка Колибри, порхала,

порхала по чистому весеннему воздуху, и влетѣла въ Натальино нѣжное сердце — *потребность любить, любить, любить!!!* Вотъ вся загадка; вотъ причина красавицыной грусти — и естьли она покажется кому нибудь изъ читателей не совсѣмъ понятною, то пусть требуетъ онъ подробнѣйшаго изъясненія отъ любезнѣйшей ему осьмнадцатилѣтней дѣвушки.

Съ сего времени Наталья во многомъ перемѣнилась — стала не такъ жива, не такъ рѣзва — иногда задумывалась, — и хотя по прежнему гуляла въ саду и въ полѣ, хотя по прежнему проводила вечера съ подругами, но не находила ни въ чемъ прежняго удовольствія. Такъ человѣкъ, вышедшій изъ лѣтъ дѣтства, видитъ игрушки, которыя составляли забаву его младенчества, — берется за нихъ, хочетъ играть; но чувствуя, что онѣ уже не веселятъ его,

оставляетъ ихъ со вздохомъ. — Красавица наша не умѣла самой себѣ дать отчета въ своихъ новыхъ, смѣшенныхъ, темныхъ чувствахъ. Воображеніе представляло ей чудеса. На примѣръ, часто казалось ей, (не только во снѣ, но даже и наяву) что передъ нею, въ мерцаніи отдаленной зари, носится какой-то образъ, прелестной, милой призракъ, которой манитъ ее къ себѣ Ангельскою улыбкою, и потомъ исчезаетъ въ воздухѣ. *Ахъ!* восклицала Наталья, и простертыя руки ея медленно опускались къ землѣ. Иногда же воспаленнымъ мыслямъ ея представлялся огромной храмъ, въ которой тысячи людей, мущинъ и женщинъ, спѣшили съ радостными лицами, держа другъ друга за руку. Наталья хотѣла также войти въ него; но невидимая рука удерживала ее за одежду, и неизвѣстный голосъ говорилъ ей: *стой въ притворѣ храма; никто безъ*

*милаго друга не входитъ въ его внутренность.* — Она не понимала сердечныхъ своихъ движеній; не знала, какъ толковать сны свои; не разумѣла, чего желала; но живо чувствовала какой-то недостатокъ въ душѣ своей, и томилась. — Такъ, красавицы! ваша жизнь съ нѣкоторыхъ лѣтъ не можетъ быть щастлива, естьли течетъ она какъ уединенная рѣка въ пустынѣ; а безъ милаго пастушка цѣлой свѣтъ для васъ пустыня, и веселые голоса подругъ, веселые голоса птичекъ кажутся вамъ печальными отзывами уединенной скуки. Напрасно, обманывая самихъ себя, хотите вы пустоту души своей наполнить чувствами дѣвической дружбы; напрасно избираете лучшую изъ подругъ своихъ въ предметъ нѣжныхъ побужденій вашего сердца! Нѣтъ, красавицы, нѣтъ! сердце ваше желаетъ чего-то другова: оно хочетъ такого

сердца, которое не приближалось бы къ нему безъ сильнаго трепета; которое вмѣстѣ съ нимъ составляло бы одно чувство, нѣжное, страстное, пламенное — а гдѣ найти его, гдѣ? Конечно не въ Дафнѣ, конечно не въ Хлоѣ, которыя вмѣстѣ въ вами могутъ только горевать, тайно или явно — горевать и крушиться, желая и не находя того, чего вы сами ищете и не находите въ хладной дружбѣ, но что найдете—или въ противномъ случаѣ вся жизнь ваша будетъ безпокойнымъ, тяжелымъ сномъ — найдете въ тѣни миртовой бесѣдки, гдѣ сидитъ теперь въ уныніи, въ тоскѣ милой юноша съ свѣтлоголубыми глазами, и въ печальныхъ пѣсняхъ жалуется на вашу наружную жестокость. — Любезной читатель! прости мнѣ сіе отступленіе! Не одинъ Стернъ былъ рабомъ пера своего. — Обратимся снова къ нашей повѣсти.

Бабушка моего дѣдушки съ великимъ краснорѣчіемъ описывала грусть нѣжной боярской дочери, можетъ быть отъ того, что она знала ее по собственному своему опыту; но я, покорной ея праправнукъ, весьма ослабилъ копію сего описанія. Чувствую—но пособить не чѣмъ—и такъ далѣе!

Бояринъ Матвѣй скоро примѣтилъ, что Наталья стала пасмурнѣе; родительское сердце его потревожилось. Онъ разспрашивалъ ее съ нѣжною заботливостію о причинѣ такой перемѣны, и наконецъ заключивъ, что дочь его неможетъ, отправилъ нарочнаго гонца къ столѣтней теткѣ своей, которая жила въ темнотѣ Муромскихъ лѣсовъ, собирала травы и коренья, обходилась болѣе съ волками и медвѣдями, нежели съ людьми Рускими, и прослыла естьли не чародѣйкою, то по крайней мѣрѣ велемудрою старушкою, искусною въ ле-

ченіи всѣхъ недуговъ человѣческихъ. Бояринъ Матвѣй описалъ ей всѣ признаки Натальиной болѣзни, и просилъ, чтобы она посредствомъ своего искусства возвратила внукѣ своей здравіе, а ему старику радость и спокойствіе. — Успѣхъ сего посольства остается въ неизвѣстности; впрочемъ нѣтъ большой нужды и знать его. Теперь должны мы приступить къ описанію важнѣйшихъ приключеній.

Время и въ старину такъ же скоро летѣло, какъ нынѣ, и между тѣмъ, какъ наша красавица вздыхала и томилась, годъ перевернулся на оси своей: зеленые ковры весны и лѣта покрылись пушистымъ снѣгомъ; грозная царица хлада возсѣла на ледяной престолъ свой, и дохнула вьюгами на Руское царство; то есть, зима наступила, и Наталья по своему обыкновенію пошла однажды къ обѣднѣ. Помолившись съ усердіемъ, она ненарочно

обратила глаза свои къ лѣвому крылосу — и что же увидѣла? Прекрасной, молодой человѣкъ, въ голубомъ кафтанѣ съ золотыми пуговицами, стоялъ тамъ какъ царь среди всѣхъ прочихъ людей, и блестящій, проницательный взоръ его встрѣтился съ ея взоромъ. Наталья въ одну секунду вся закраснѣлась, и сердце ея, затрепетавъ сильно, сказало ей: *вотъ онъ!* . . . Она потупила глаза свои, но не надолго; снова взглянула на красавца, снова запылала въ лицѣ своемъ, и снова затрепетала въ своемъ сердцѣ. Ей казалось, что любезной призракъ, которой ночью и днемъ прельщалъ ея воображеніе, былъ ничто иное, какъ образъ сего молодаго человѣка — и потому она смотрѣла на него какъ на своего милаго знакомца. Новой свѣтъ возсіялъ въ душѣ ея, какъ будто бы пробужденной явленіемъ солнца, но еще не пришедшей въ себя послѣ многихъ не-

связныхъ и замѣшанныхъ сновидѣній, волновавшихъ ее въ теченіе долгой ночи. „И такъ — думала Наталья — и такъ подлинно есть на „свѣтѣ такой милой красавецъ, такой человѣкъ, — такой прелестной „юноша? ... Какой ростъ! какая „осанка! какое бѣлое, румяное лице! А глаза, глаза у него какъ „молніи; я, робкая, боюсь глядѣть „на нихъ. Онъ на меня смотритъ, „смотритъ очень пристально — „даже и тогда, когда молится. Конечно и я знакома ему; можетъ „быть и онъ, подобно мнѣ, грустилъ, вздыхалъ, думалъ, думалъ „и видѣлъ меня, — хотя темно, „однакожь видѣлъ, такъ какъ я видѣла его въ душѣ моей.“

Читатель долженъ знать, что мысли красныхъ дѣвушекъ бываютъ очень быстры, когда въ сердцѣ у нихъ начинаетъ ворошиться то, чего онѣ долго не называютъ именемъ, и что Наталья въ сіи ми-

нуты чувствовала. Обѣдня показалась ей очень коротка. Няня десять разъ дергала ее за камчатную тѣлогрѣю, и десять разъ говорила ей: *пойдемъ, барышня; все кончилось.* Но барышня все еще не трогалась съ мѣста, для того что и прекрасной незнакомецъ стоялъ какъ вкопаной подлѣ лѣваго крылоса; они посматривали другъ на друга, и тихонько вздыхали. Сія нѣмая сцена продолжалась нѣсколько минутъ; но старая мама, по слабости зрѣнія своего, ничего не видала, и думала, что Наталья читаетъ про себя молитвы и для того нейдетъ изъ церкви. Наконецъ дьячекъ загремѣлъ ключами: тутъ красавица опомнилась, и видя, что церковь хотятъ запирать, пошла къ дверямъ; а за нею и молодой человѣкъ — она на лѣво, онъ на право. Наталья раза два обступилась; раза два роняла платокъ, и должна была ворочаться назадъ;

незнакомецъ оправлялъ кушакъ свой, стоялъ на одномъ мѣстѣ, смотрѣлъ — на красавицу, и все еще не надѣвалъ бобровой шапки своей, хотя на дворѣ было холодно.

Наталья пришла домой, и ни о чемъ больше не думала, какъ о молодомъ человѣкѣ въ голубомъ кафтанѣ съ золотыми пуговицами. Она была не печальна, однако жь и не очень весела, подобно такому человѣку, который наконецъ узналъ, въ чемъ состоитъ его блаженство, но имѣетъ еще слабую надежду имъ насладиться. За обѣдомъ она не ѣла, по обыкновенію всѣхъ влюбленныхъ — ибо для чего не сказать намъ прямо и просто, что Наталья влюбилась въ незнакомца? „Въ одну минуту?“ (скажетъ читатель:) „увидѣвъ въ первой разъ, и не слыхавъ отъ него ни слова?“ Милостивые государи! я разсказываю, какъ происходило самое дѣло: не сомнѣвайтесь въ истинѣ; не сомнѣвай-

тесь въ силѣ того взаимнаго влеченія, которое чувствуютъ два сердца, другъ для друга сотворенныя! А кто не вѣритъ симпатіи, тотъ поди отъ насъ прочь, и не читай нашей исторіи, которая сообщается только для однѣхъ чувствительныхъ душъ, имѣющихъ сію сладкую вѣру!—

Когда Бояринъ Матвѣй послѣ обѣда заснулъ —(не на Вольтерскихъ креслахъ, такъ какъ нынѣ спятъ бояре, а на широкой дубовой лавкѣ)— Наталья пошла съ нянею въ свѣтлицу свою, сѣла подъ любимымъ окномъ, вынула изъ кармана бѣлой платокъ, хотѣла что-то сказать, но раздумала—взглянула на окончины, расписанныя морозомъ—оправила жемчужную повязку на головѣ своей, и потомъ, смотря себѣ на колѣни, тихимъ и немного дрожащимъ голосомъ спросила у няни, каковъ показался ей молодой человѣкъ, бывшій у обѣдни? Ста-

рушка не понимала, о комЪ говоритЪ она. Надлежало изЪясниться; но легко ли это для стыдливой дѣвушки? *Я говорю о томЪ*, продолжала Наталья — *о томЪ, которой — которой былЪ всѣхЪ лучше.* Няня все еще не понимала, и красавица принуждена была сказать, что онЪ стоялЪ подлѣ лѣваго крылоса, и вышелЪ изЪ церкви за ними. „Я не примѣтила его" — холодно отвѣчала старушка, и Наталья тихонько пожала прекрасными своими плечиками, удивляясь, какЪ можно было его не примѣтить!

На другой день Наталья пришла всѣхЪ ранѣе кЪ обѣднѣ, и вышла всѣхЪ позже изЪ церкви; но красавца вЪ голубомЪ кафтанѣ тамЪ не было — на третій день также не было, и чувствительная Боярская дочь не хотѣла ни пить ни ѣсть, перестала спать и насилу ходить могла, однакожь старалась таить

внутреннее свое мученіе какъ отъ родителя, такъ и отъ няни. Только по ночамъ лились слезы ея на мягкое изголовье. „Жестокой! (думала она) жестокой! за чѣмъ скрываешься отъ глазъ моихъ, которые тебя всеминутно ищутъ: Развѣ ты хочешь безвременной смерти моей? Я умру, умру — и ты не выронишь ни слезки на гробѣ злощастной!" — Ахъ! для чего самая нѣжнѣйшая, самая пламеннѣйшая изъ страстей родится всегда съ горестію? ибо какой влюбленной не вздыхаетъ, какой влюбленной не тоскуетъ въ первые дни страсти своей, думая, что его не любятъ взаимно!

На четвертой день Наталья опять пошла къ обѣднѣ, не смотря ни на слабость свою, ни на жестокой морозъ, ни на то, что Бояринъ Матвѣй, примѣтивъ наканунѣ необыкновенную блѣдность на лицѣ ея, просилъ ее беречь

себя и не выходить со двора въ холодное время. Еще никого не было въ церкви. Красавица, стоя на своемъ мѣстѣ, смотрѣла на двери. Вошелъ первой человѣкъ—не онъ! вошелъ другой—не онъ! третій, четвертой—все не онъ! вошелъ пятой, и всѣ жилки затрепетали въ Натальѣ—это онъ, тотъ красавецъ, котораго образъ навсегда въ душѣ ея впечатлѣлся! Отъ сильнаго внутренняго волненія она едва не упала, и должна была опереться на плечо няни своей. Незнакомецъ поклонился на всѣ четыре стороны, а ей особливо, и притомъ гораздо ниже и почтительнѣе, нежели прочимъ. Томная блѣдность изображалась на его лицѣ, но глаза его сіяли еще свѣтлѣе прежняго; онъ смотрѣлъ почти безпрестанно на прелестную Наталью (которая отъ нѣжныхъ чувствъ стала еще прелестнѣе), и вздыхалъ такъ неосторожно, что

она примѣтила движеніе груди его, и не взирая на свою скромность, угадывала причину. Любовь, надеждою оживляемая, алѣла въ сію минуту на щекахъ милой нашей красавицы; любовь сіяла въ ея взорахъ; любовь билась въ ея сердцѣ; любовь подымала руку ея, когда она крестилась.—Часъ обѣдни былъ для нее одною блаженною секундою. Всѣ стали выходить изъ церкви; она вышла послѣ всѣхъ, а съ нею и молодой человѣкъ. Вмѣсто того, чтобы итти опять въ другую сторону, онъ пошелъ уже слѣдомъ за Натальею, которая поглядывала на него и черезъ правое и черезъ лѣвое плечо свое. Чудное дѣло! любовники никогда не могутъ насмотрѣться другъ на друга, подобно какъ алчной корыстолюбецъ не можетъ никогда насытиться золотомъ. — У воротъ Боярскаго дому Наталья въ послѣдній разъ взглянула на красавца, и нѣжнымъ взоромъ сказала

ему: *прости, милой незнакомецъ!* Калитка хлопнула, и Натальѣ послышалось, что молодой человѣкъ вздохнулъ; по крайней мѣрѣ она сама вздохнула.—Старушка няня была на сей разъ примѣтливѣе и не дожидавшись еще ни слова отъ Натальи, начала говорить о незнакомомъ красавцѣ, которой провожалъ ихъ отъ церкви. Она хвалила его съ великимъ жаромъ; доказывала, что онъ похожъ на ея покойнаго сына; не сомнѣвалась въ знатномъ родѣ его, и желала барышнѣ своей такого супруга. Наталья радовалась, краснѣлась, задумывалась, отвѣчала: *да! нѣтъ!* и сама не знала, что отвѣчала.

На другой, на третій, на четвертой день опять ходили къ обѣднѣ; видѣли, кого видѣть желали—возвращались домой, и у воротъ говорили нѣжнымъ взоромъ: *прости!* Но сердце красной дѣвушки есть удивительная вещь: чѣмъ оно до-

вольно нынѣ, тѣмъ не довольно завтра—все болѣе и болѣе, и желаніямъ конца нѣтъ. Такимъ образомъ и Натальѣ показалось уже мало того, чтобы смотрѣть на прекраснаго незнакомца, и видѣть нѣжность въ глазахъ его; ей захотѣлось слышать его голосъ, взять его за руку, быть поближе къ его сердцу, и проч. Что дѣлать? какъ быть? Такія желанія искоренять трудно; а когда они не исполняются, красавицѣ бываетъ грустно.—Наталья опять принялась за слезы. Судьба, Судьба! уже ли ты не сжалишься надъ нею? Уже ли захочешь, чтобы свѣтлые глаза ея отъ слезъ померкли?—Посмотримъ, что будетъ.

Однажды передъ вечеромъ, когда Боярина Матвѣя не было дома, Наталья увидѣла въ окно, что калитка ихъ растворилась—вошелъ человѣкъ въ голубомъ кафтанѣ, и работа выпала изъ рукъ Натальи-

ныхъ — ибо сей человѣкъ былъ прекрасной незнакомецъ. *Няня!* сказала она слабымъ голосомъ: *кто это?* Няня посмотрѣла, улыбнулась и вышла вонъ.

„Онъ здѣсь! няня усмѣхнулась; пошла къ нему, вѣрно къ нему — ахъ, Боже мой! что будетъ?" думала Наталья, смотрѣла въ окно и видѣла, что молодой человѣкъ вошелъ уже въ сѣни. Сердце ея летѣло къ нему на встрѣчу; но нѣкоторая робость говорила ей: *останься!* Красавица повиновалась сему послѣднему голосу, только съ мучительнымъ принужденіемъ, съ великою тоскою: ибо всего несноснѣе противиться влеченію своего сердца. Она вставала, ходила, бралась за то и за другое, и четверть часа показалась ей годомъ. Наконецъ дверь растворилась, и скрыпъ ея потрясъ Натальину душу. Вошла няня — взглянула на барышню, улыбнулась, и — не сказала ни

слова. Красавица также не начинала говорить, и только однимъ робкимъ взоромъ спрашивала: *что, няня? что?* Старушка какъ будто бы веселилась ея смущенiемъ, ея нетерпѣнiемъ — долго молчала и спустя уже нѣсколько минутъ, сказала ей: „знаешь ли, барышня, что этотъ молодой человѣкъ боленъ?" — *Боленъ? чѣмъ?* спросила Наталья, и цвѣтъ въ лицѣ ея перемѣнился. — „Очень боленъ, продолжала няня: у него такъ болитъ сердце, что бѣдной не можетъ ни пить ни ѣсть, блѣденъ какъ полотно, и насилу ходитъ. Ему сказали, что у меня есть лекарство на эту болѣзнь, и для того онъ прибрелъ ко мнѣ, плачетъ горькими слезами, и проситъ, чтобы я помогла ему. Повѣришь ли, барышня, что у меня слезы на глазахъ навернулись? Такая жалость!" — Что же, няня? дала ли ты ему лекарство? — „Нѣтъ; я велѣла подождать." —

Подождать? гдѣ?—„Въ нашихъ сѣняхъ.“—Можно ли? Тамъ превеликой холодъ; со всѣхъ сторонъ несетъ, а онъ боленъ!—„Чтожь мнѣ дѣлать? Внизу у насъ такой чадъ, что онъ можетъ угорѣть до смерти: куда жь его ввести, пока изготовлю лекарство? Развѣ сюда? Развѣ прикажешь ему войти въ теремъ? Это будетъ доброе дѣло, барышня; онъ человѣкъ честной — станетъ за тебя Богу молиться, и никогда не забудетъ твоей милости. Теперь же батюшки нѣтъ дома — сумерки, темно — никто не увидитъ, и бѣды никакой нѣтъ: вѣдь только въ сказкахъ мущины бываютъ страшны для красныхъ дѣвушекъ! Какъ думаешь, сударыня?“ Наталья (не знаю, отъ чего) дрожала, и прерывающимся голосомъ отвѣчала ей: *я думаю. . . . какъ хочешь. . . . ты лучше моего знаешь.* Тутъ няня отворила дверь — и молодой человѣкъ бросился къ

ногамъ Натальинымъ. Красавица ахнула, и глаза ея на минуту закрылись; бѣлыя руки повисли, и голова приклонилась къ высокой груди. Незнакомецъ осмѣлился поцѣловать ея руку, въ другой, въ третій, четвертой разъ — потомъ осмѣлился поцѣловать красавицу въ розовыя губы, въ другой, въ третій, четвертой разъ, и съ такимъ жаромъ, что мама испугалась, и закричала: *баринъ! баринъ! помни уговоръ!* Наталья открыла черные глаза свои, которые прежде всего встрѣтились съ черными глазами незнакомца, ибо они въ сію минуту были къ нимъ всего ближе; и въ тѣхъ и въ другихъ изображались пламенныя чувства, любовію кипящее сердце. Наталья съ трудомъ могла приподнять голову, чтобы вздохомъ облегчить грудь свою. Тогда молодой человѣкъ началъ говорить — не языкомъ романовъ, но языкомъ истинной чув-

ствительности; сказалъ простыми, но нѣжными, страстными словами, что онъ увидѣлъ и полюбилъ ее, полюбилъ такъ, что не можетъ быть щастливъ и не хочетъ жить безъ взаимной любви ея. Красавица молчала; только сердце и взоры ея говорили — но недовѣрчивой незнакомецъ желалъ еще словеснаго подтвержденія, и стоя на колѣняхъ, спросилъ у нее: „Наталья, прекрасная Наталья! любишь ли меня? Твой отвѣтъ рѣшитъ судьбу мою: я могу быть щастливѣйшимъ человѣкомъ на свѣтѣ, или шумящая Москва-рѣка будетъ гробомъ моимъ.“ — „Ахъ барышня! сказала жалостливая няня: отвѣчай скорѣе, что онъ тебѣ нравенъ! Уже ли захочешь ты погубить его душу?“ — *Ты милъ сердцу моему*, произнесла Наталья нѣжнымъ голосомъ, положивъ руку на плечо его. *Дай Богъ*, примолвила она, поднявъ глаза на небо, и обративъ ихъ снова

на восхищеннаго незнакомца—*дай Богъ, чтобъ я была столько же мила тебѣ!* Они обняли другъ друга; казалось, что дыханіе ихъ остановилось. Кто видалъ, какъ въ первой разъ цѣломудренные любовники обнимаются; какъ въ первой разъ добродѣтельная дѣвушка цѣлуетъ милаго друга, забывая въ первой разъ дѣвическую стыдливость: пусть тотъ и вообразитъ себѣ сію картину; я не смѣю описывать ее,—но она была трогательна — самая старая няня, свидѣтельница такого явленія, выронила капли двѣ слезъ и забыла напомнить любовнику объ уговорѣ; но богиня непорочности присутствовала невидимо въ Натальиномъ теремѣ.

Послѣ первыхъ минутъ нѣмаго восторга молодой человѣкъ, смотря на красавицу, залился слезами. *Ты плачешь?* сказала Наталья нѣжнымъ голосомъ, приклонивъ голову свою къ его плечу.—„Ахъ! я дол-

женъ открыть тебѣ мое сердце, прелестная Наталья! (*) отвѣчалъ онъ: оно еще не совершенно увѣрено въ своемъ щастіи.“—*Чтожъ ему надобно?* спросила Наталья, и съ нетерпѣніемъ ожидала отвѣта. —„Обѣщай, что ты исполнишь мое требованіе.“—*Скажи, скажи; что такое? Исполню, все сдѣлаю, что велишь мнѣ!*—„Въ нынѣшнюю ночь, когда зайдетъ мѣсяцъ — въ то время, какъ поютъ первые пѣтухи — я пріѣду въ саняхъ къ вашимъ воротамъ; ты должна ко мнѣ выйти и ѣхать со мною: вотъ чего отъ тебя требую!“—*Ѣхать? въ нынѣшнюю ночь? куда?*—„Сперва въ церковь, гдѣ мы обвѣнчаемся; а по

(*) Читатель догадается, что старинные любовники говорили не совсѣмъ такъ, какъ здѣсь говорятъ они; но тогдашняго языка мы не могли бы теперь и понимать. Надлежало только *нѣкоторымъ образомъ* поддѣлаться подъ древній *колоритъ*.

томъ туда, гдѣ я живу."—*Какъ? безъ вѣдома отца моего? безъ его благословенія?*—„Безъ его вѣдома, безъ его благословенія, или я погибъ!" — *Боже мой! ... Сердце у меня замерло. Уѣхать тихонько изъ дому родительскаго! Что же будетъ съ батюшкою? Онъ умретъ съ горя, и на душѣ моей останется страшной грѣхъ. Милой другъ! для чего намъ не броситься къ ногамъ его? Онъ полюбитъ тебя; благословитъ, и самъ отпуститъ насъ въ церковь.*—„Мы бросимся къ ногамъ его, но черезъ нѣкоторое время. Теперь онъ не можетъ согласиться на бракъ нашъ. Самая жизнь моя будетъ въ опасности, когда меня узнаютъ." — *Когда тебя узнаютъ? тебя, милаго душѣ моей? ... Боже мой! какъ люди злы, естьли ты говоришь правду! Только я не могу повѣрить. Скажи мнѣ, какъ тебя зовутъ?* — „Алексѣемъ." — *Алексѣемъ? Я всегда любила это имя.*

*Что жъ бѣды, естьли тебя узнаютъ?*
—„Все будетъ тебѣ извѣстно, когда ты согласишься сдѣлать меня щастливымъ. Прелестная, милая Наталья! время проходитъ; мнѣ не льзя быть долѣе съ тобою. Чтобы родитель твой, котораго я самъ люблю и почитаю за добрыя дѣла его—чтобы родитель твой не сокрушался и не почиталъ дочери своей погибшею, я напишу къ нему письмо, и увѣдомлю, что ты жива, и что онъ можетъ скоро увидѣть тебя. Скажи, скажи, чего ты хочешь: жизни моей или смерти?"—При сихъ словахъ, произнесенныхъ твердымъ голосомъ, онъ всталъ, и смотрѣлъ огненными, пламенными глазами на красавицу. „Ты меня спрашиваешь?" сказала она съ чувствительностію: „развѣ я не обѣщала тебѣ повиноваться? Съ самаго младенчества привыкла я любить моего родителя, потому что и онъ любитъ меня, очень,

очень любитъ—(тутъ Наталья обтерла платкомъ слезы свои, которыя одна за другою капали изъ глазъ ея)—тебя знаю не давно, а люблю еще больше, нежели его; какъ это случилось, не знаю.“ — Алексѣй обнялъ ее съ новымъ восхищеніемъ, снялъ золотой перстень съ руки своей, надѣлъ его на руку Натальѣ, сказалъ: *ты моя!* и скрылся какъ молнія. Старушка няня проводила его со двора.

Кто будетъ обвинять Наталью; кто будетъ порицать ее за то, что она, видѣвъ только раза три молодаго человѣка, и услышавъ отъ него нѣсколько пріятныхъ словъ, вдругъ рѣшилась бѣжать съ нимъ изъ родительскаго дому, не зная, куда — поручить судьбу свою незнакомому человѣку, котораго, по собственнымъ рѣчамъ его, можно было счесть подозрительнымъ—а что всего болѣе, оставить такого добраго, чувствительнаго, нѣжнаго

отца: тотъ не знаетъ, что есть любовь; не знаетъ ея всемогущества. Ахъ! она можетъ сдѣлать преступникомъ самаго добродѣтельнѣйшаго человѣка! И кто, любивъ пламенно въ жизни своей, не поступилъ ни въ чемъ противъ строгой нравственности: тотъ— щастливъ! щастливъ тѣмъ, что страсть его не была въ противоположности съ добродѣтелію—иначе послѣдняя призна́ла бы слабость свою, и слезы тщетнаго раскаянія полились бы рѣкою. Лѣтописи человѣческаго сердца увѣряютъ насъ въ сей печальной истинѣ.

Что принадлежитъ до няни, то молодой человѣкъ (послѣ того, какъ онъ увидѣлъ Наталью въ церкви) нашелъ способъ переговорить съ нею и склонилъ ее на свою сторону разными пышными обѣщаніями и подарками. Увы! кого не ослѣпляетъ серебро и золото, а особливо подъ старость, когда корысто-

любіе бываетъ главною страстію человѣка! Старушка забыла то, что она болѣе сорока лѣтъ служила безпорочно и вѣрно въ домѣ Боярина Матвѣя — забыла и продала себя незнакомцу. Однакожь, по остатку честности, взяла съ него слово жениться на прекрасной Натальѣ, и до того времени не употреблять во зло ея любви и невинности.

Наталья, по уходѣ своего любовника, стояла нѣсколько минутъ неподвижно; на лицѣ ея видны были знаки сильныхъ душевныхъ движеній, но не сомнѣнія, не колеблемости — ибо она уже рѣшилась! и хотя тихой голосъ изъ глубины сердца, какъ будто бы изъ отдаленной пещеры, спрашивалъ ее: *что ты дѣлаешь, безразсудная?* но другой голосъ, гораздо сильнѣйшій, въ томъ же самомъ сердцѣ отвѣчалъ за нее: *люблю!*

Няня возвратилась успокоить

Наталью, говоря ей, что она будетъ супругою молодаго красавца, и что жена, по самому закону, должна все оставить и все забыть для мужа своего.— „Забыть?“ перервала Наталья, вслушавшись въ послѣднія слова: „нѣтъ! я буду помнить моего родителя, буду всякой день объ немъ молиться. Къ тому же онъ сказалъ, что мы скоро бросимся къ ногамъ батюшкинымъ — не такъ ли, няня?“—*Конечно, барышня!* отвѣчала старушка: *а что онъ сказалъ, то будетъ.* — „Вѣрно будетъ!“ сказала Наталья, и лице ея стало веселѣе.

Бояринъ Матвѣй возвратился домой поздно, и думая, что дочь его уже спитъ, не зашелъ къ ней въ теремъ. Полночь приближалась — Наталья думала не обо снѣ, а объ миломъ другѣ, которому навѣки отдала она сердце свое, и котораго съ нетерпѣніемъ ожидала къ себѣ. Еще мѣсяцъ сіялъ на небѣ — мѣ-

сяцъ, которымъ прежде глаза ея всегда веселились; теперь онъ сталъ ей непріятенъ; теперь думала красавица: „Какъ медленно катишься ты по круглому небу! Зайди скорѣе, мѣсяцъ свѣтлый! Онъ, онъ прїидетъ за мною, когда ты сокроешься!" — Луна опустилась — уже часть ея зашла за кругъ земной — мракъ въ воздухѣ сгустился — пѣтухи запѣли — мѣсяцъ исчезъ, и серебрянымъ кольцомъ брякнули въ Боярскія ворота. Наталья вздрогнула. *Ахъ, няня! бѣги, бѣги скорѣе; онъ пріѣхалъ!* — Черезъ минуту явился молодой человѣкъ, и Наталья бросилась въ его объятія. Вотъ письмо къ твоему родителю, — сказалъ онъ, показавъ бумагу. — „Письмо къ моему родителю? Ахъ! прочти его! я хочу слышать, что ты написалъ." — Молодой человѣкъ развернулъ бумагу, и прочиталъ слѣдующія строки: „Я люблю милую дочь твою болѣе всего на

„свѣтѣ—ты не согласился бы отдать ее за меня — она ѣдетъ со „мною—прости насъ!—любовь всего сильнѣе — можетъ быть со „временемъ я буду достоинъ называться зятемъ твоимъ.“ — Наталья взяла письмо, и хотя не умѣла читать, однакожь смотрѣла на него, и слезы лились изъ глазъ ея. „Напиши, сказала она, напиши еще, что я прошу его не плакать, не крушиться, и что эта бумага мокра отъ слезъ моихъ; напиши, что я не вольна сама въ себѣ, и чтобы онъ или забылъ или простилъ меня.“

Молодой человѣкъ вынулъ изъ кармана перо и черниницу—написалъ, что говорила Наталья, и оставилъ письмо на столѣ. По томъ красавица, надѣвъ лисью шубу свою, помолившись Богу, взявъ съ собою тотъ образъ, которымъ благословила ее покойная мать, и подавъ руку щасливому любовнику, вы-

шла изъ терема, сошла съ высокаго крыльца, со двора, — взглянула на родительской домъ, обтерла последнія слезы, сѣла въ сани, прижалась къ милому, и сказала: *вези меня, куда хочешь!* Кучеръ ударилъ по лошадямъ, и лошади помчались; но вдругъ раздался жалобной голосъ: *меня покинули, меня бѣдную, нещастную!* Молодой человѣкъ оглянулся и увидѣлъ бѣгущую няню, которая оставалась на минуту въ свѣтлицѣ, чтобы прибрать нѣкоторыя изъ драгоцѣнныхъ Натальиныхъ вещей, и которую наши любовники совсѣмъ было-забыли. Лошадей удержали, посадили старушку, снова поскакали, и черезъ четверть часа выѣхали изъ Москвы. На правой сторонѣ дороги, вдали, свѣтился огонекъ: туда поворотили, и Наталья увидѣла деревянную, низенькую церковь, занесенную снѣгомъ. Алексѣй—(читатель не забылъ имени молодаго человѣка) —

Алексѣй ввелъ любовницу свою во внутренность сего ветхаго храма (конечно не похожаго на тотъ, которой представлялся Натальѣ во снѣ; но такъ юное воображеніе украшаетъ всѣ предметы!) храма, освѣщеннаго одною маленькою, слабо-горящею лампадою. Тамъ встрѣтилъ ихъ старой священникъ, согбенный бременемъ лѣтъ, и дрожащимъ голосомъ сказалъ имъ: „я долго ждалъ васъ, любезныя дѣти! Внукъ мой уже заснулъ.“ Онъ разбудилъ мальчика, въ углу церкви спавшаго; поставилъ любовниковъ передъ налой и началъ ихъ вѣнчать. Мальчикъ читалъ, пѣлъ, что надобно; съ удивленіемъ глядѣлъ на жениха и невѣсту, и дрожалъ при всякомъ порывѣ вѣтра, которой шумѣлъ въ худое окно церкви. Алексѣй и Наталья молились усердно, и произнося обѣтъ свой, смотрѣли другъ на друга съ умиленіемъ и сладкими слезами. По совершеніи

обряда престарѣлый священникъ сказалъ новобрачнымъ: *Я не знаю и не спрашиваю, кто вы; но именемъ великаго Бога, Котораго намъ и мракъ ночи и шумъ бури проповѣдуетъ* — (въ сіе мгновеніе страшно зашумѣлъ вѣтеръ)— *именемъ Непостижимаго, ужаснаго для злыхъ, для добрыхъ милосердаго, обѣщаю вамъ благоденствіе во жизни, естьли вы будете всегда любить другъ друга; ибо любовь супружеская есть любовь святая, Божеству пріятная, и кто соблюдаетъ ее въ чистомъ сердцѣ — въ нечистомъ же она жить не можетъ — тотъ пріятенъ Всевышнему. Грядите съ миромъ, и помните слова мои!* Новобрачные приняли благословеніе отъ старца, поцѣловали съ почтеніемъ руку его, поцѣловали другъ друга, вышли изъ церкви и поѣхали.

Вѣтеръ заносилъ дорогу; но рѣзвые кони летѣли какъ молнія — ноздри ихъ дымились, паръ вился

столбомъ, и пушистой снѣгъ отъ копытъ ихъ подымался вверьхъ облаками. Скоро путешественники наши въѣхали въ темноту лѣса, гдѣ совсѣмъ не было дороги. Старушка няня дрожала отъ страха; но прекрасная Наталья, чувствуя подлѣ себя милаго друга, ничего не боялась. Молодой супругъ отводилъ рукою всѣ вѣтьви и сучья, которые грозили уколоть бѣлое лицо супруги его. Онъ держалъ ее въ своихъ объятіяхъ, когда сани опускались во глубину сугробовъ, и жаркими поцѣлуями удалялъ холодъ отъ нѣжныхъ розъ, которыя цвѣли на устахъ ея. Около четырехъ часовъ ѣздили они по лѣсу, пробираясь сквозь ряды высокихъ деревъ. Уже лошади начинали утомляться, и съ трудомъ вытаскивали ноги свои изъ глубинъ снѣжныхъ; сани двигались медленно, и наконецъ Наталья, пожавъ руку своего любезнаго, тихимъ голосомъ спросила у

него: *скоро ли мы пріѣдемъ?* Алексѣй посмотрѣлъ вокругъ себя, на вершины деревъ, и сказалъ, что жилище его не далеко. Въ самомъ дѣлѣ черезъ нѣсколько минутъ выѣхали они на узкую равнину, гдѣ стоялъ маленькой домикъ, обнесенной высокимъ заборомъ. На встрѣчу къ нимъ вышли пять или шесть человѣкъ съ пуками зажженной лучины и вооруженные длинными ножами, которые висѣли у нихъ на кушакахъ. Старушка няня, видя сіе дикое, уединенное жилище, посреди непроходимаго лѣса; видя сихъ вооруженныхъ людей и примѣтивъ на лицахъ ихъ нѣчто суровое и свирѣпое, пришла въ ужасъ, сплеснула руками и закричала: *ахти! мы погибли! мы въ рукахъ — у разбойниковъ!*

Теперь могъ бы я представить страшную картину глазамъ читателей — прельщенную невинность, обманутую любовь, нещастную красавицу во власти варваровъ, убійцъ

— женою атамана разбойниковъ, свидѣтельницею ужасныхъ злодѣйствъ, и наконецъ, послѣ мучительной жизни, издыхающую на эшафотѣ подъ сѣкирою правосудія, въ глазахъ нещастнаго родителя; могъ бы представить все сіе вѣроятнымъ, естественнымъ, и чувствительной человѣкъ пролилъ бы слезы горести и скорби — но въ такомъ случаѣ я удалился бы отъ исторической истины, на которой основано мое повѣствованіе. Нѣтъ, любезной читатель, нѣтъ! на сей разъ побереги слезы свои — успокойся — старушка няня ошиблась — Наталья не у разбойниковъ!

Наталья не у разбойниковъ!...Но кто же сей таинственный молодой человѣкъ, или, говоря языкомъ Оссіанскимъ, *сынъ опасности и мрака*, живущій во глубинѣ лѣсовъ? — Прошу читать далѣе.

Наталья потревожилась восклицаніемъ няни, схватила Алексѣя за

руку, и смотря ему въ глаза съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, но съ полною довѣренностію къ любимцу души своей, спросила: *гдѣ мы?* Молодой человѣкъ взглянулъ со гнѣвомъ на старушку; по томъ, устремивъ нѣжный взоръ на милую Наталью, отвѣчалъ ей съ улыбкою: *ты у добрыхъ людей — не бойся!* Наталья успокоилась; ибо тотъ, кого она любила, велѣлъ ей успокоиться!

Вошли въ домикъ, раздѣленной на двѣ половины. „Здѣсь живутъ люди мои (сказалъ Алексѣй, указывая на право) а здѣсь я.“ Въ первой горницѣ висѣли мечи и бердыши, шишаки и панцыри, а въ другой стояла высокая кровать, и передъ иконою Богоматери горѣла лампада. Наталья тутъ же поставила и свой образъ; помолилась, и взглянувъ умильно на Алексѣя, низехонько поклонилась ему какъ хозяину въ домѣ. Молодой супругъ

снялъ съ красавицы лисью шубу, дыханіемъ своимъ отогрѣлъ ея руки, посадилъ ее на дубовую лавку, смотрѣлъ на прелестную, и плакалъ отъ радости. Милая Наталья вмѣстѣ съ нимъ плакала: ибо нѣжность и щастіе имѣютъ также слезы свои...

Красавица забыла свое любопытство, или, лучше сказать, она совсѣмъ не имѣла его, зная то, что милый душѣ ея не можетъ быть дурнымъ человѣкомъ. Ахъ! естьли бы всѣ люди, сколько ихъ было тогда въ Рускомъ царствѣ, въ одинъ голосъ сказали Натальѣ: *Алексѣй злодѣй!* она бы съ тихою улыбкою отвѣчала имъ: *нѣтъ!... сердце мое знаетъ его лучше, нежели вы; сердце мое говоритъ, что онъ всѣхъ любезнѣе, всѣхъ добрѣе. Я васъ не слушаю.*

Но Алексѣй самъ говорить началъ. „Любезная Наталья! сказалъ онъ: тайна жизни моей должна тебѣ

открыться. Воля Всевышняго соединила насъ навѣки; ничто уже не можетъ разорвать союза нашего. Супругъ не долженъ ничего скрывать отъ супруги своей. И такъ знай, что я сынъ нещастнаго Боярина Любославскаго" — — — *Сынъ Любославскаго? Возможно ли? Батюшка сказывалъ мнѣ, что онъ пропалъ безъ вѣсти.* — „Его уже нѣтъ на свѣтѣ! Выслушай. — Ты не помнишь, но конечно слыхала о тѣхъ волненіяхъ и бунтахъ, которые лѣтъ за тринадцать передъ симъ возмущали спокойствіе нашего царства. Нѣкоторые изъ знатнѣйшихъ честолюбивыхъ Бояръ возстали противъ законной власти юнаго Государя: но скоро гнѣвъ Божеской наказалъ мятежниковъ — разсѣялись какъ прахъ многочисленные ихъ сообщники, и кровь главныхъ бунтовщиковъ пролилась на лобномъ мѣстѣ. Родитель мой по нѣкоторому подозрѣнію, но совер-

шенію ложному, взятъ былъ подъ стражу. Онъ имѣлъ непріятелей, которые хотѣли его погибели; представили доказательства мнимой его измѣны и согласія съ мятежниками; отецъ мой клялся въ своей невинности, но обстоятельства осуждали его, и рука вышняго судіи готова была подписать ему смерть... надежда изчезала въ душѣ невиннаго — одинъ Всевышній могъ спасти его — и спасъ. Вѣрный другъ отворилъ ему дверь темницы — и родитель мой скрылся, взявъ съ собою самыхъ усерднѣйшихъ слугъ и меня, двѣнадцатилѣтняго сына своего. Въ предѣлахъ Росіи не было для насъ безопасности: мы удалились въ ту страну, гдѣ рѣка Свіяга вливается въ величественную Волгу, и гдѣ многочисленные народы поклоняются лжепророку Магомету — народы суевѣрные, но страннолюбивые. Они приняли насъ дружески, и мы около десяти лѣтъ

жили съ ними; не имѣли ни въ чемъ недостатка, но безпрестанно горевали о своемъ отечествѣ; сидѣли на высокомъ берегу Волги, и смотря на ея волны, несущіяся отъ странъ Россійскихъ, проливали жаркія слезы; всякая птица, летѣвшая съ запада (*), казалась намъ милѣе; всякую птицу, на западъ летѣвшую, провожали мы глазами и —вздохами.—Между тѣмъ отецъ мой ежегодно посылалъ въ Москву тайнаго гонца, и получалъ письма отъ своего друга, которыя всегда подавали ему надежду, что невинность наша рано или поздно откроется, и что мы съ честію можемъ возвратиться въ отечество. Но скорбь изсушила сердце моего родителя; силы его изчезали, и глаза покрывались густымъ мракомъ. Безъ ужаса чувствовалъ онъ приближеніе конца своего — благосло-

(*) То есть, отъ Россіи.

вилЪ меня—и сказавЪ: *Богъ и другъ нашъ не оставятъ тебя*, умерЪ вЪ моихЪ объятіяхЪ. Не буду говорить тебѣ о горести бѣднаго сироты; нѣсколько мѣсяцевЪ глаза мои не просыхали.—Я увѣдомилЪ друга нашего о моемЪ нещастіи: вЪ отвѣтѣ своемЪ, изъявляя душевную скорбь о кончинѣ невиннаго страдальца, умерщаго вЪ странѣ иноплеменныхЪ, и погребеннаго вЪ землѣ не Христіанской, сей благодѣтельный другЪ звалЪ меня вЪ Россію. „ВерстахЪ вЪ 40 отЪ Москвы „(писалЪ онЪ), вЪ дремучемЪ, непро„ходимомЪ лѣсу, построилЪ я уединенный домикЪ, неизвѣстный ни„кому, кромѣ меня и надежныхЪ „людей моихЪ. ТамЪ будешь ты „жить до времени вЪ совершенной „безопасности. Посланный знаетЪ „сіе мѣсто.“— Я изъявилЪ благодарность мою гостепріимнымЪ жителямЪ ВолжскихЪ береговЪ; простился зЪ зеленою могилою роди-

теля моего; поцѣловалъ и оросилъ слезою каждый цвѣточикъ, каждую травку, на ней растущую; возвратился съ вѣрными слугами въ предѣлы Россіи, облобызалъ отечественную землю — и въ густотѣ темнаго лѣса, на узкой равнинѣ, нашелъ сей пустынный домикъ, гдѣ ты теперь со мною, любезная Наталья. Здѣсь встрѣтилъ меня сѣдой старецъ, и сказалъ дрожащимъ голосомъ: *Ты сынъ Боярина Любославскаго! Господинъ мой, вѣрный другъ его — тотъ, кто хотѣлъ быть вторымъ отцомъ твоимъ, и строилъ для тебя сіе жилище — скончался! Но онъ помнилъ о сиротѣ при кончинѣ своей. Здѣсь найдешь все нужное для жизни; найдешь сокровища: они твои.* — Я поднялъ глаза на небо; молчалъ — и слезы мои катились градомъ. ,,Кто будетъ моимъ помощ-,,никомъ? думалъ я: моимъ настав-,,никомъ? Я одинъ въ свѣтѣ!... ,,Всевышній! Ты, кому поручилъ

меня родитель мой! не оставь бѣд-
„наго!“

„Я поселился въ пустынѣ; видѣлъ у себя множество серебра и золота, но ни мало имъ не утѣшался. Черезъ нѣсколько дней захотѣлось мнѣ побывать въ царственномъ градѣ, гдѣ никто не могъ узнать меня. Старой служитель моего благодѣтеля указалъ мнѣ на деревахъ разныя мѣты, которыя вели къ большой Московской дорогѣ, и которыя никому кромѣ насъ не могли быть понятны. Я увидѣлъ блестящія главы церквей, народное множество, огромные домы, всѣ чудеса царственнаго града, и радостныя слезы сверкнули въ глазахъ моихъ. Златые дни младенчества, дни невинности и забавы, проведенные мною въ Руской столицѣ, представились моимъ мыслямъ какъ веселое сновидѣніе. Я искалъ нашего бывшаго дому, и нашелъ однѣ пустыя стѣны, въ которыхъ порхали летучія

мыщи — хладной ужасъ разлился по моей внутренности.

„По томъ я часто бывалъ въ Москвѣ, и живалъ тамъ по два и по три дни, останавливаясь въ одной тихой гостинницѣ и называя себя иногороднымъ купцомъ; часто видалъ Государя, отца народнаго; часто слыхалъ о благодѣяніяхъ родителя твоего, когда Бояре, собираясь на площади противъ соборной церкви, разсказывали другъ другу всѣ добрыя и похвальныя дѣла, украшавшія столицу. Возвращаясь въ пустыню, я сражался съ дикими звѣрями, которыхъ мы должны были истреблять для собственной нашей безопасности; но часто, выпуская изъ рукъ добычу, упадалъ на землю и проливалъ слезы. Вездѣ было мнѣ грустно — въ пустомъ лѣсу и среди народа. Съ горестію ходилъ я по улицамъ царственнаго града, и смотря на людей, которые встрѣчались со мною, ду-

малъ: *Они идутъ къ роднымъ и ближнимъ; ихъ дожидаются; имъ будутъ рады — мнѣ итти не къ кому; меня никто не дожидается; никто о сиротѣ не думаетъ!* Иногда хотѣлось мнѣ броситься къ ногамъ Государя, увѣрить его въ невинности отца моего, въ моей вѣрности къ Царю благочестивому, и поручить его милосердію судьбу мою; но какая-то могущественная, невидимая рука не допускала меня исполнить сего намѣренія.

„Пришла мрачная осень, пришла скучная зима; лѣсное уединеніе сдѣлалось для меня еще несноснѣе. Я чаще прежняго сталъ ѣздить въ городъ и — увидѣлъ тебя, прекрасная Наталья. Ты показалась мнѣ Ангеломъ Божіимъ — — нѣтъ! говорятъ, что сіяніе Ангеловъ ослѣпляетъ глаза человѣческіе, и что на нихъ не льзя смотрѣть долго; а мнѣ хотѣлось безпрестанно глядѣть на тебя. Я видалъ прежде

многихъ красавицъ, дивился ихъ прелестямъ, и часто думалъ: *Господь Богъ не сотворилъ ничего лучше красныхъ Московскихъ дѣвушекъ;* но глаза мои на нихъ смотрѣли, а сердце молчало и не трогалось—онѣ казались мнѣ *чужими.* Ты же первымъ взглядомъ влила какой-то огонь въ мое сердце; первымъ взглядомъ привлекла къ себѣ душу мою, которая тотчасъ полюбила тебя какъ *родную свою.* Мнѣ хотѣлось броситься и прижать тебя къ моей груди, такъ крѣпко, чтобы ничто уже насъ разлучить не могло. — Ты ушла, и мнѣ показалось, что красное солнце закатилось, и ночь наступила. Я стоялъ на улицѣ, и не чувствовалъ снѣга, который на меня сыпался; наконецъ пришелъ въ себя — сталъ разспрашивать, и узнавъ, кто ты, возвратился въ свою гостинницу, и размышлялъ о милой дочери Боярина Матвѣя. Батюшка

часто говаривалъ мнѣ о любви, которую почувствовалъ онъ къ матери моей, увидѣвъ ее въ первый разъ, и которая не давала ему покоя до самаго того времени, какъ ихъ повели въ церковь. „Со мною то „же дѣлается, думалъ я; и мнѣ не „льзя быть ни покойнымъ ни ща„стливымъ безъ милой Натальи. Но „какъ надѣяться? Любимой Царской „Бояринъ захочетъ ли выдать дочь „свою за такого человѣка, котора„го отецъ почитается преступни„комъ? Правда, естьли бы она по„любила меня. . . съ нею и пусты„ня лучше Москвы бѣлокаменной. „Можетъ быть ошибаюсь — толь„ко мнѣ казалось, что она взгля„дывала на меня ласково. . . но я „вѣрно ошибаюсь. Какъ этому „быть? Такое щастіе не вдругъ „приходитъ!“ — Наступила ночь — и прошла, но глаза мои сномъ не смыкались. Ты безпрестанно была передо мною или въ душѣ моей —

крестилась бѣлою рукою своею, и прятала ее подъ соболью шубейку. —На другой день почувствовалъ я сильную боль въ головѣ и превеликую слабость, которая заставила меня около двухъ сутокъ пролежать на постелѣ.“—*Такъ!* перервала Натальяः *такъ! я это знала; сердце мое тосковало не даромъ. Ни на другой ни на третій день не было тебя у обѣдни.*

„Однакожь и самая болѣзнь не мѣшала мнѣ о тебѣ думать. Одинъ изъ слугъ моихъ былъ въ домѣ твоего родителя, видѣлся съ твоею нянею, и уговорилъ ее притти ко мнѣ въ гостинницу. Я открылъ старушкѣ любовь мою; просилъ, кланялся, увѣрялъ въ моей благодарности — и наконецъ она согласилась быть мнѣ помощницею. — Прочее ты знаешь. Я видѣлъ тебя въ церкви—иногда льстился быть любимымъ, примѣчая въ глазахъ твоихъ нѣжную умильность, и

краску на лицѣ твоемъ, когда встрѣчались наши взоры—наконецъ рѣшился узнать судьбу мою — упалъ къ ногамъ твоимъ, и бѣдной сирота сталъ щастливѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ. Могъ ли я послѣ твоего признанія разстаться съ тобою? Могъ ли жить подъ другимъ кровомъ, и всякой часъ безпокоиться, и всякой часъ думать: *жива ли она? не угрожаютъ ли ей какія опасности? холодной вѣтеръ не знобитъ ли нѣжнаго лица ея? не тоскуетъ ли ея сердце? ахъ! не сватается ли за прекрасную какой нибудь женихъ, богатой и знатной?* —Нѣтъ, нѣтъ! мнѣ оставалось умереть, или жить съ тобою!— Священникъ загородной церкви, который насъ вѣнчалъ, былъ не подкупленъ, а упрошенъ мною; слезы мои тронули старца.

„Теперь извѣстно тебѣ, кто супругъ твой; теперь совершились всѣ мои желанія. Грусть, скука!

простите! Для васъ уже нѣтъ мѣста въ уединенномъ моемъ домикѣ. Милая Наталья любитъ меня; милая Наталья со мною! — Но я вижу томность въ глазахъ твоихъ; тебѣ надобно успокоиться, любезная души моей. Ночь проходитъ, и скоро утренняя заря покажется на небѣ." —

Алексѣй поцѣловалъ Натальину руку. Красавица вздохнула. *Ахъ! для чего нѣтъ съ нами батюшки!* сказала она, прижавшись къ сердцу супруга: *когда мы съ нимъ увидимся? когда онъ благословитъ насъ? когда я при немъ поцѣлую тебя, милаго друга моего?* — „Тотъ (отвѣчалъ Алексѣй) тотъ милостивый Богъ, Который далъ мнѣ тебя, вѣрно все для насъ сдѣлаетъ. Положимся на Него: Онъ пошлетъ намъ случай упасть къ ногамъ твоего родителя и принять его благословеніе."

Сказавъ сіи слова, онъ всталъ и

вышелъ въ переднюю горницу. Тамъ сидѣли люди его съ нянею, которая (увѣрившись, что они не разбойники, и что длинные ножи служатъ имъ только обороною отъ лѣсныхъ звѣрей) перестала бояться, познакомилась съ ними, и съ любопытствомъ старой женщины разспрашивала о молодомъ ихъ господинѣ, о причинѣ пустыннической жизни его, и проч. и проч. Алексѣй пошепталъ на ухо одному человѣку, и черезъ минуту никого не осталось въ передней: старушку схватили подъ руки и увели въ другую половину. Молодой супругъ возвратился къ своей любезной — помогъ ей раздѣться — сердца ихъ бились. — онъ взялъ ее за бѣлую руку... Но скромная Муза моя закрываетъ бѣлымъ платкомъ лице свое — ни слова!.. Священный занавѣсъ опускается, священный и не проницаемый для глазъ любопытныхъ!

А вы, щастливые супруги, блаженствующие въ сердечныхъ восторгахъ подъ вліяніемъ звѣздъ небесныхъ; но будьте цѣломудренны въ самыхъ высочайшихъ наслажденіяхъ страсти своей! Невинная стыдливость да живетъ съ вами неразлучно — и нѣжныя цвѣты удовольствія не завянутъ никогда на супружескомъ ложѣ вашемъ! —

Уже солнце взошло высоко на небѣ, и разсыпало по снѣгу миліоны блестящихъ діамантовъ; но въ спальнѣ нашихъ супруговъ все еще царствовало глубокое молчаніе. Старушка мама давно встала, разъ десять подходила къ двери, слушала и ничего не слыхала; наконецъ вздумала тихонько постучаться, и сказала довольно громко: *пора вставать — пора вставать!* Черезъ нѣсколько минутъ дверь отперли.— Алексѣй былъ уже въ голубомъ кафтанѣ своемъ; но красавица лежала еще на постелѣ, и долго не могла

взглянуть на старушку, стыдясь — не извѣстно чего. Розы на щекахъ ея не много поблѣднѣли; въ глазахъ изображалась томная слабость — но никогда Наталья не была такъ привлекательна, какъ въ сіе утро. Она одѣлась съ помощію своей няни, помолилась Богу со слезами, и дожидалась супруга своего, который между тѣмъ занимался хозяйствомъ, приказывалъ готовить обѣдъ и прочее, что нужно въ домашнемъ быту. Когда онъ возвратился къ любезной супругѣ, она съ нѣжностію обняла его и сказала тихимъ голосомъ: *Милой другъ! я думаю о батюшкѣ — ахъ! онъ вѣрно тоскуетъ, плачетъ, сокрушается!.. Мнѣ бы хотѣлось объ немъ слышать; хотѣлось бы знать, здоровъ ли онъ* —— Наталья не договорила; но Алексѣй понялъ ея желаніе, и немедленно отправилъ въ Москву человѣка, чтобы навѣдаться о Бояринѣ Матвѣѣ.

Но мы предупредимъ сего посланнаго и посмотримъ, что дѣлается въ царственномъ градѣ.— Бояринъ Матвѣй долго ждалъ къ себѣ поутру милой своей Натальи, и наконецъ пошелъ въ ея теремъ. Тамъ все было пусто, все въ безпорядкѣ. Онъ изумился — увидѣлъ на столикѣ письмо, развернулъ его, прочиталъ—не вѣрилъ глазамъ своимъ— прочиталъ въ другой разъ—хотѣлъ еще не вѣрить—но дрожащія ноги его подогнулись—онъ упалъ на землю. Нѣсколько минутъ продолжалось его безпамятство. Образумившись, приказалъ онъ людямъ вести себя къ Государю. *Государь!* сказалъ трепещущій старецъ — *Государь!* . . . Онъ не могъ говорить, и подалъ Царю Алексѣево письмо. Чело благочестиваго Монарха помрачилось гнѣвомъ. *Кто сей недостойный соблазнитель?* сказалъ онъ: *но вездѣ найдетъ его грозная рука правосудія*— сказалъ, и во всѣ

страны Рускаго царства отправились гонцы, съ повелѣніемъ искать Наталью и ея похитителя.

Царь утѣшалъ Боярина какъ своего друга. Вздохи и слезы облегчили стѣсненную грудь нещастнаго родителя, и чувство гнѣва въ сердцѣ его уступило мѣсто нѣжной горести. ,,Богъ видитъ"—сказалъ онъ, взглянувъ на небо—,,Богъ ,,видитъ, какъ я любилъ тебя, не- ,,благодарная, жестокая, милая На- ,,талья! . . . Такъ, Государь! она и ,,теперь мила мнѣ, болѣе всего на ,,свѣтѣ! . . . Кто увезъ ее изъ ро- ,,дительскаго дому? Гдѣ она? что ,,съ нею дѣлается? . . . Ахъ! на ста- ,,рости лѣтъ моихъ я побѣжалъ бы ,,за нею на край свѣта! . . . Мо- ,,жетъ быть какой нибудь злодѣй ,,обольстилъ невинную и послѣ бро- ,,ситъ, погубитъ ее. . . Нѣтъ! дочь ,,моя не могла полюбить злодѣя!... ,,Но для чего же не открыться ро- ,,дителю? . . . Кто бы онъ ни былъ,

„я обнялъ бы его какъ сына. Развѣ
„Государь меня не жалуетъ? Развѣ
„онъ не сталъ бы жаловать и зя-
„тя моего?... Не знаю, что ду-
„мать!... Но ее нѣтъ!.. Я плачу:
„она не видитъ слезъ моихъ—ум-
„ру: она не затворитъ глазъ отца
„своего, отца, которой полагалъ
„въ ней жизнь и душу свою!...
„Правда, безъ воли Всевышняго ни-
„чего не дѣлается; можетъ быть
„я заслужилъ наказаніе руки Его...
„Покоряюсь безъ роптанія!... Объ
„одномъ прошу тебя, Господи: будь
„ей отцомъ милосердымъ во всякой
„странѣ. Пусть умру въ горести
„—-лишь бы дочь моя была благо-
„получна!.. Не льзя, чтобы она не
„любила меня; не льзя..."—(Тутъ
Бояринъ Матвѣй взялъ письмо, и
снова прочиталъ его.)—„Ты пла-
„кала; эта бумага мокра отъ слезъ
„твоихъ: я буду хранить ее на мо-
„емъ сердцѣ, какъ послѣдній знакъ
„любви твоей.—-Ахъ! естьли ты

„ко мнѣ возвратишься, хотя за „часъ до моей смерти... Но какъ „угодно Всевышнему! — Между „тѣмъ отецъ твой, сирота на старости, будетъ отцомъ нещастныхъ и горестныхъ; обнимая ихъ „какъ дѣтей своихъ—какъ твоихъ „братій—онъ скажетъ имъ со слезами: *друзья! молитесь о Натальѣ!*"—Такъ говорилъ Бояринъ Матвѣй, и чувствительной Царь былъ тронутъ до глубины сердца.

Отнынѣ, добрый Бояринъ, жизнь твоя покрывается мракомъ печали —увы! и самая добродѣтель не можетъ насъ предохранить отъ горести! Безпрестанно будешь ты думать о милой сердца твоего— вздыхать и сидѣть подгорюнившись передъ широкими воротами своего дому! Никто, никто не принесетъ тебѣ вѣсти о прелестной Натальѣ! Царскіе гонцы возвратятся, и вздохъ ихъ будетъ отвѣтомъ на вопросы твои. Сядутъ бѣд-

ные за столы нищелюбиваго Боярина, но хлѣбъ его покажется имъ горекъ — ибо они увидятъ скорбь на лицѣ своего благодѣтеля! —

Между тѣмъ Алексѣевъ посланный возвратился въ пустыню съ извѣстіемъ, что Бояринъ Матвѣй былъ во дворцѣ Царскомъ, и что во всей Россіи велѣно искать его пропавшей дочери. Но милая Наталья хотѣла знать болѣе, и спрашивала, что написано было на лицѣ родителя ея, когда онъ возвращался изъ дворца Государева; вздыхалъ ли онъ, плакалъ ли онъ — не произносилъ ли тихонько ея имени? Посланный не могъ отвѣчать ни *да*, ни *нѣтъ*; ибо онъ хотя и видѣлъ Боярина, но смотрѣлъ на него не проницательными глазами нѣжной дочери. *Для чего*, сказала Наталья, *для чего не могу я превратиться въ невидимку или въ маленькую птичку, чтобы слетать въ Москву бѣлокаменную, взглянуть на родителя,*

*поцѣловать руку его, выронить на нее слезу горючую, и возвратиться ко милому моему другу?* — „Ахъ нѣтъ! я не пустилъ бы тебя! отвѣчалъ Алексѣй: почему знать, что бы могло съ тобою случиться? Нѣтъ, мой другъ! я не могу и вздумать о разлукѣ — а ты можешь!“ — Наталья почувствовала нѣжную укоризну, и оправдалась передъ супругомъ улыбкою, слезами и поцѣлуемъ.

Теперь надлежало бы мнѣ описывать щастіе юныхъ супруговъ и любовниковъ, сокрытыхъ лѣснымъ мракомъ отъ цѣлаго свѣта; но вы, которые наслаждаетесь подобнымъ щастіемъ, скажите, можно ли описать его? — Наталья и Алексѣй, живучи въ своемъ уединеніи, не видали, какъ текло или летѣло время. Часы и минуты, дни и ночи, недѣли и мѣсяцы сливались въ пустынѣ ихъ какъ струи рѣчныя, не различаемыя глазомъ

человѣческимъ. Ахъ! удовольствія любви бываютъ всегда одинаковы, но всегда новы и безчисленны. Наталья просыпалась и — любила; вставала съ постели и — любила; молилась и — любила; что ни думала, все любила и всѣмъ наслаждалась — Алексѣй то же, и чувства ихъ составляли восхитительную гармонію.

Но читатель не долженъ думать, чтобы они въ уединенной жизни своей только смотрѣли другъ на друга и сидѣли отъ утра до вечера поджавъ руки — нѣтъ! Наталья принялась за рукодѣлье, за пяльцы, и скоро вышила разными шелками и разными узорами двѣ прекрасныя ширинки: первую для милаго супруга, чтобы онъ утиралъ ею бѣлое лице свое, а другую для любезнаго родителя. *Когда нибудь мы поѣдемъ къ нему!* говорила красавица, и тихонько вздыхала. — Что принадлежитъ до

Алексѣя, то онъ, сидя подлѣ своей супруги, рисовалъ перомъ разные ландшафты и картинки—любовался тѣмъ, что нравилось Натальѣ, и старался поправить то, что ей казалось несовершеннымъ. Такъ, любезный читатель! Алексѣй умѣлъ рисовать, и притомъ весьма не худо, ибо сама Природа выучила его сему искусству. Онъ видѣлъ образъ кудрявыхъ деревъ въ рѣкахъ прозрачныхъ, и вздумалъ означать тѣнь сію на бумагѣ; опытъ былъ удаченъ, и скоро чертежи его сдѣлались вѣрными копіями Натуры; не только дерева, но и другіе предметы изображались имъ съ величайшею точностію. Красавица смотрѣла на движеніе руки его, и дивилась, какъ онъ могъ однѣми чертами пера своего представлять разные виды: то рощу дубовую, то башни Московскія, то дворецъ Государевъ.—Но Алексѣй уже не сражался съ

дикими звѣрями, такъ какъ прежде; ибо они (какъ будто бы изъ уваженія къ прекрасной Натальѣ, новой обитательницѣ ихъ дремучаго лѣса) не приближались къ жилищу супруговъ, и ревѣли только въ отдаленіи.

Такимъ образомъ прошла зима; снѣгъ расталъ; рѣки и ручьи зашумѣли, земля опушилась травкою, и зеленые пучечки распустились на деревьяхъ. Алексѣй выбѣжалъ изъ своего домику, сорвалъ первой цвѣточекъ и принесъ его Натальѣ. Она улыбнулась, поцѣловала своего друга — и въ самую сію минуту запѣли въ лѣсу весенніе птички. *Ахъ! какая радость! какое веселье!* сказала красавица: — *мой другъ! пойдемъ гулять!* — Они пошли, и сѣли на берегу рѣки. ,,Знаешь ли, сказала Наталья супругу своему — знаешь ли, что прошедшею весною не могла я безъ грусти слушать птичекъ? Теперь мнѣ кажется, буд-

то я ихъ разумѣю и одно съ ними думаю. Посмотри: здѣсь на кусточкѣ поютъ двѣ птички — кажется, малиновки — посмотри, какъ онѣ обнимаются крылышками; онѣ любятъ другъ друга, такъ, какъ я люблю тебя, мой другъ, и какъ ты меня любишь! Не правда ли?" Всякой можетъ вообразить себѣ отвѣтъ Алексѣевъ и разныя удовольствія, которыя весна принесла съ собою для нашихъ пустынниковъ.

Но нѣжная дочь, наслаждаясь любовію, не забывала и своего родителя. Алексѣй долженъ былъ всякую недѣлю два или три раза посылать къ Москву человѣка, навѣдываться о Бояринѣ Матвѣѣ. Вѣсти привозились одинакія: Бояринъ дѣлалъ добрыя дѣла, печалился, кормилъ бѣдныхъ и говорилъ имъ: *друзья! помолитесь о Наталѣ!* Наталья вздыхала, и смотрѣла на образъ.

Однажды возвратился посланный

съ великою поспѣшностію. „Госу-
„дарь! сказалъ онъ Алексѣю: Моск-
„ва въ смятеніи. Свирѣпые Ли-
„товцы возстали на Руское цар-
„ство. Я видѣлъ, какъ жители пре-
„стольнаго града собирались пе-
„редъ дворцомъ Государевымъ, и
„какъ Бояринъ Матвѣй, именемъ
„Царя православнаго, ободрялъ вои-
„новъ; я видѣлъ, какъ толпы народ-
„ныя бросали вверьхъ шапки свои,
„восклицая въ одинъ голосъ: *ум-
„ремъ за Царя Государя! умремъ
„за отечество, или побѣдимъ Ли-
„товцевъ!* Я видѣлъ, какъ Руское
„воинство въ ряды становилось,
„какъ сверкали его мечи и берды-
„ши и копья булатныя. Завтра
„выдетъ оно въ поле, подъ началь-
„ствомъ воеводъ храбрѣйшихъ.“—
Сердце Алексѣево затрепетало;
кровь закипѣла — онъ схватилъ со
стѣны мечь отца своего — взгля-
нулъ на супругу — и мечь упалъ
на землю — слезы показались въ

глазахъ его. Наталья взяла его за руку и не говорила ни слова. — „Любезная Наталья! сказалъ Алексѣй по нѣкоторомъ молчаніи: ты желаешь возратиться въ домъ къ своему родителю?"

*Наталья.* Съ тобою, мой другъ, съ тобою! Ахъ! я не смѣла говорить тебѣ; только мнѣ всегда казалось, что мы напрасно скрываемся отъ батюшки. Увидя насъ, онъ такъ обрадуется, что все забудетъ; а я возьму за руку тебя и его, заплачу отъ радости, и скажу: *вотъ они; вотъ тѣ, которыхъ люблю — теперь я совершенно щастлива!*

*Алексѣй.* Но мнѣ надобно заслужить прежде милость Царскую. Теперь есть къ тому случай.

*Наталья.* Какой же, мой другъ?

*Алексѣй.* Ѣхать на войну, сразиться съ непріятелями Рускаго царства, и побѣдить. Царь увидитъ тогда, что Любославскіе любятъ

его, и вѣрно служатъ своему отечеству.

*Наталья.* Поѣдемъ, мой другъ! Лишь бы ты былъ со мною: я всюду готова.

*Алексѣй.* что ты говоришь, милая Наталья? Тамъ летаютъ смертоносныя стрѣлы; тамъ рубятся мечами: какъ тебѣ ѣхать со мною?

*Наталья.* И такъ ты хочешь меня оставить? хочешь моей смерти? потому что я не могу жить безъ тебя. Давно ли, мой другъ, давно ли говорилъ ты, что никогда не покинешь меня? А теперь думаешь ѣхать одинъ, и еще туда, гдѣ летаютъ стрѣлы? Кто защититъ тебя?.. Нѣтъ, ты возьмешь меня съ собою—или бѣдная Наталья не мила уже сердцу твоему!

Алексѣй обнялъ свою супругу. „Поѣдемъ, сказалъ онъ, поѣдемъ, и умремъ вмѣстѣ, естьли такъ Богу

угодно! Только на войнѣ не бываетъ женщинъ, милая Наталья!"— Красавица подумала, улыбнулась, пошла въ спальну и заперла за собою дверь. Черезъ нѣсколько минутъ вышелъ оттуда прекрасной отрокъ.... Алексѣй изумился; но скоро узналъ въ семъ юномъ красавцѣ любезную дочь Боярина Матвѣя, и бросился цѣловать ее. Наталья одѣлась въ платье своего супруга, которое носилъ онъ будучи тринадцати или четырнадцати лѣтъ. „Я меньшой братъ твой, сказала она съ усмѣшкою: теперь дай мнѣ только мечь острой и копье булатное, шишакъ, панцырь и щитъ желѣзной — увидишь, что я не хуже мущины."— Алексѣй не могъ нарадоваться своимъ милымъ героемъ, выбралъ ему самое легкое оружіе, нарядилъ его въ панцырь, сдѣланной изъ мѣдныхъ колецъ (на которыхъ было подписано: *съ нами Богъ; никто же на*

*ны!* (*); вооружилъ людей своихъ, готовыхъ умереть за любезнаго господина; надѣлъ латы покойнаго отца своего — и черезъ нѣсколько часовъ въ пустынномъ домикѣ осталась одна Натальина мама съ двумя старикамп.

А мы оставимъ на нѣсколько времени супруговъ нашихъ, въ надеждѣ, что Небо не оставитъ ихъ, и будетъ имъ защитою въ опасностяхъ, тамъ, гдѣ летаютъ смертоносныя стрѣлы, гдѣ мечи сверкаютъ какъ молніи, гдѣ копья трещатъ и ломаются, гдѣ кровь человѣческая льется рѣками, гдѣ герои умираютъ за свое отечество и дѣлаются безсмертными. Возвратимся въ Москву — тамъ началась наша исторія, тамъ должно ей и кончиться.

(*) Въ оружейной Московской Палатѣ я видѣлъ много панцырей съ сею надписью.

Увы! какая пустота въ столицѣ Россійской! Все тихо, все печально. На улицахъ не видно никого, кромѣ слабыхъ старцевъ и женщинъ, которые съ унылыми лицами идутъ въ церковь, молить Бога, чтобы Онъ отвратилъ грозную тучу отъ Рускаго царства, даровалъ побѣду православнымъ воинамъ, и разсѣялъ сонмы Литовскіе. Добросердечный, чувствительный Царь стоитъ на высокомъ крыльцѣ своемъ, и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ вѣсти отъ начальниковъ воинства, пошедшаго на встрѣчу врагамъ многочисленнымъ. Бояринъ Матвѣй неразлученъ съ Царемъ благочестивымъ. „Государь! говоритъ онъ: надѣйся на Бога и на храбрость своихъ подданныхъ, храбрость, которая отличаетъ ихъ отъ всѣхъ иныхъ народовъ. Страшно разятъ мечи Россійскіе; тверда, подобно камню, грудь сыновъ твоихъ — побѣда будетъ всегда вѣрною ихъ подругою“ —

Такъ говоритъ Бояринъ; думалъ о благѣ отечества — и вздыхалъ о своей дочери.

Въ поту, въ пыли прискакалъ вѣстникъ — Царь встрѣчаетъ его на половинѣ крыльца, и дрожащею рукою развертываетъ письмо военачальниковъ. . . . Первое слово есть *побѣда!* — *Побѣда!* восклицаетъ онъ въ радости — *побѣда!* восклицаютъ Бояре — *побѣда!* народъ повторяетъ — и во всемъ царственномъ градѣ раздавался одинъ голосъ: *побѣда!* и во всѣхъ сердцахъ было одно чувство: *радость!*

Начальники доносили Государю обо всемъ съ величайшею подробностію. Сраженіе было самое жестокое. Уже первый рядъ Рускаго воинства, тѣснимый безчисленнымъ множествомъ Литовцевъ, начиналъ колебаться, и хотѣлъ уступить врагу сильнѣйшему; но вдругъ какъ громъ загремѣлъ голосъ: *умремъ или побѣдимъ!* и въ то же мгнове-

ніе отъ рядовъ Россійскихъ отдѣлился молодой воинъ, и съ мечемъ въ рукѣ бросился на непріятелей; за нимъ бросились и другіе; все воинство двинулось, и восклицая: *умремъ или побѣдимъ!* устремилось какъ буря на Литовцевъ, которые, не взирая на великое число свое, скоро побѣжали и разсѣялись. „Мы не можемъ, писали начальники, восхвалить по достоинству того юнаго воина, которому принадлежитъ вся честь побѣды, и который гналъ, разилъ непріятелей, и собственною рукою плѣнилъ ихъ предводителя. Повсюду слѣдовалъ за нимъ братъ его, прекрасной отрокъ, и закрывалъ его щитомъ своимъ. Онъ не хочетъ объявить имени своего никому, кромѣ тебя Государя.—Побѣжденные Литовцы спѣшатъ изъ предѣловъ Россіи, и скоро воинство твое возвратится со славою во градъ Москву. Мы сами представимъ Царю непобѣдимаго

юношу, спасителя отечества, и достойнаго всей твоей милости." --

Царь съ нетерпѣніемъ ожидалъ своихъ героевъ, и выѣхалъ встрѣтить ихъ въ поле, вмѣстѣ съ Бояриномъ Матвѣемъ и съ другими чиновниками. Въ Москвѣ никого не осталось; слабые старцы, забывъ слабость свою, спѣшили за городъ на встрѣчу къ своимъ дѣтямъ; супруги и матери, неся младенцовъ или ведя ихъ за руки, спѣшили туда же. Первый рядъ воинства показался, — второй и третій; разноцвѣтныя знамена вѣяли надъ оными: воины шли съ обнаженными мечами, ровнымъ шагомъ; назади ѣхали конные — впереди начальники, подъ сѣнію трофеевъ. Увидѣли Государя, и восклицанія: *побѣда и здравие Царю Россійскому!* загремѣли въ воздухѣ. Воеводы упали передъ нимъ на колѣна. Онъ поднялъ ихъ и сказалъ съ улыбкою милости: *благодарю васъ именемъ оте-*

*чества.*—„Государь! отвѣчали они: мы старались исполнить должность свою! Но Богъ даровалъ намъ побѣду рукою сего юнаго воина.“ — Тутъ юный воинъ, стоявшій подлѣ нихъ съ потупленнымъ взоромъ, преклонилъ колѣно. *Кто ты, храбрый юноша?* спросилъ Государь, простирая къ нему правую руку свою: *имя твое должно быть славно въ предѣлахъ Рускаго царства.*—„Государь! отвѣчалъ юноша: сынъ осужденнаго Боярина Любославскаго, скончавшаго дни свои въ странѣ иновѣрныхъ, приноситъ тебѣ свою голову.“ — Царь поднялъ глаза на небо. „Благодарю Тебя, Боже! (сказалъ онъ) что Ты посылаешь мнѣ случай хотя отчасти загладить неправосудіе и злобу людей, и за страданіе невиннаго отца наградить достойнаго сына! Такъ, храбрый юноша! невинность родителя твоего открылась — къ нещастію, поздно! Увы! я былъ тогда незрѣ-

лымъ отрокомъ, и Бояринъ Матвѣй не имѣлъ еще мѣста въ совѣтѣ моемъ. Злые Бояре оклеветали Любославскаго; одинъ изъ нихъ, кончая недавно жизнь свою, признался въ несправедливости доносовъ, по которымъ осудили невиннаго. Видишь слезы мои.—Будь же другомъ Царя своего, первымъ по Бояринѣ Матвѣѣ!"—,,И такъ память отца моего, сказалъ Алексѣй, чиста отъ попошенія!... Но я—я виненъ передъ тобою, Государь великій! я увезъ дочь Боярина Матвѣя изъ родительскаго дому!"—Царь удивился. *Гдѣжь она?* спросилъ онъ съ нетерпѣніемъ —— Но Бояринъ нашелъ уже дочь свою: прекрасная Наталья, въ одеждѣ воина, бросилась въ его объятія; шишакъ спалъ съ головы ея, и русые волосы по плечамъ разсыпались. Изумленный, восхищенный родитель не смѣлъ вѣрить сему явленію: но сердце чувствительнаго старца сильнымъ

трепетомъ своимъ увѣряло его, что милая нашлася. Едва могъ онъ перенести радость свою, и упалъ бы на землю, естьли бы другіе Бояре не поддержали его. Долго не говорилъ онъ ни слова, опустивъ голову на плечо Натальѣ; наконецъ назвалъ ее именемъ, какъ будто бы желая видѣть, откликнется ли она — назвалъ ее своею милою, прекрасною, — и при каждомъ ласковомъ словѣ сіялъ новой лучь радости на лицѣ его, которое такъ долго было печальнымъ! Казалось, будто языкъ его учился произносить давно забытыя имена: столь медленно онъ ихъ выговаривалъ! и повторялъ столь часто! Наталья цѣловала его руки. *Ты меня такъ же любишь!* говорила она—*такъ же любишь!* и теплые ручьи слезъ договаривали за нее прочее. Все воинство пребывало въ тишинѣ и въ молчаніи. Государь былъ тронутъ сердечно, взялъ Алексѣя за руку и подвелъ его къ Боярину. *Вотъ*,

сказала Наталья—*вотъ супругъ мой! прости его, родитель мой, и люби такъ, какъ меня любишь!* Бояринъ Матвѣй поднялъ голову, посмотрѣлъ на Алексѣя и подалъ ему дрожащую руку свою. Молодой человѣкъ хотѣлъ броситься передъ нимъ на колѣни; но старецъ прижалъ его къ своему сердцу вмѣстѣ съ милою дочерью. . .

*Царь.* Они достойны другъ друга, и будутъ твоимъ утѣшеніемъ въ старости.

„Она дочь моя (сказалъ Бояринъ Матвѣй прерывающимся голосомъ) —онъ сынъ мой—Господи! дай мнѣ умереть въ ихъ объятіяхъ!"

Старецъ снова прижалъ ихъ къ своему сердцу.

---

Читатель вообразитъ себѣ все послѣдующее.—Старушку няню привезли въ городъ. Бояринъ Матвѣй простилъ ее; и призвавъ къ себѣ то-

го Священника, которой вѣнчалъ Алексѣя и Наталью, хотѣлъ, чтобы онъ снова благословилъ ихъ въ его присутствіи. Супруги жили щастливо и пользовались особенною Царскою милостію. Алексѣй оказалъ важныя услуги своему отечеству и Государю, услуги, о которыхъ упоминается въ разныхъ историческихъ рукописяхъ. Благодѣтельной Бояринъ Матвѣй дожилъ до самой глубокой старости, и веселился своею дочерью, своимъ зятемъ и прекрасными дѣтьми ихъ. Смерть явилась ему въ видѣ юнѣйшаго и любезнѣйшаго внука его; онъ хотѣлъ обнять милаго отрока — и скончался. — Больше я ничего не слыхалъ отъ бабушки моего дѣдушки; но за нѣсколько лѣтъ передъ симъ, прогуливаясь осенью по берегу Москвы рѣки, близь темной сосновой рощи, нашелъ надгробной камень, заростшій зеленымъ мохомъ и разломленный рукою време-

ни — съ великимъ трудомъ могъ я прочитать на немъ слѣдующую надпись: *здѣсь погребенъ Алексѣй Любославской съ своею супругою.* Старые люди сказывали мнѣ, что на семъ мѣстѣ была нѣкогда церковь — вѣроятно, самая та, гдѣ вѣнчались наши любовники, и гдѣ они захотѣли лежать и по смерти своей.

---

# СІЕРРА-МОРЕНА.

Въ цвѣтущей Андалузіи—тамъ, гдѣ шумятъ гордыя пальмы, гдѣ благоухаютъ миртовыя рощи, гдѣ величественный Гвадалквивиръ катитъ медленно свои воды, гдѣ возвышается розмариномъ увѣнчанная Сіерра-Морена (*) — тамъ увидѣлъ я Прекрасную, когда она въ уныніи, въ горести, стояла подлѣ Алонзова памятника, оперщись на него лилейною рукою своею; лучь утренняго солнца позлащалъ бѣлую урну, и возвышалъ трогательныя прелести нѣжной Эльвиры; ея русые волосы, разсыпаясь по плечамъ, падали на черный мраморъ.

(*) То есть, *черная Гора.*

Эльвира любила юнаго Алонза: Алонзо любилъ Эльвиру, и скоро надѣялся быть супругомъ ея; но корабль, на которомъ плылъ онъ изъ Маiорки (гдѣ жилъ отецъ его), погибъ въ волнахъ моря. Сія ужасная вѣсть сразила Эльвиру. Жизнь ея была въ опасности.... Наконецъ отчаянiе превратилось въ тихую скорбь и томность. Она соорудила мраморный памятникъ любимцу души своей, и каждый день орошала его жаркими слезами.

Я смѣшалъ слезы мои съ ея слезами. Она увидѣла въ глазахъ моихъ изображенiе своей горести, въ чувствахъ сердца моего узнала собственныя свои чувства, и назвала меня другомъ. Другомъ!... Какъ сладостно было имя сiе въ устахъ любезной! — Я въ первый разъ поцѣловалъ тогда руку ея.

Эльвира говорила мнѣ о своемъ незабвенномъ Алонзѣ; описывала красоту души его, свою любовь,

свои восторги, свое блаженство; по томъ отчаяніе, тоску, горесть, и наконецъ — утѣшеніе, отраду, находимую сердцемъ ея въ миломъ дружествѣ. Тутъ взоръ Эльвиринъ блисталъ свѣтлѣе; розы на лицѣ ея оживлялись и пылали; рука ея съ горячностію пожимала мою руку.

Увы! въ груди моей свирѣпствовало пламя любви: сердце мое сгарало отъ чувствъ своихъ; кровь кипѣла — и мнѣ надлежало таить страсть свою!

Я таилъ оную; таилъ долго. Языкъ мой не дерзалъ именовать того, что питала въ себѣ душа моя: ибо Эльвира клялась не любить никого, кромѣ своего Алонза; клялась не любить въ другой разъ. Ужасная клятва! Она заграждала уста мои.

Мы были неразлучны; гуляли вмѣстѣ на злачныхъ берегахъ величественнаго Гвадалквивира; сидѣли надъ журчащими его водами, подлѣ горестнаго Алонзова памятника, въ

тишинѢ и безмолвіи; одни сердца наши говорили. ВзорЪ ЭльвиринЪ, встрѢчаясь сЪ моимЪ, опускался кЪ землѢ или обращался на небо. Два вздоха вылетали, соединялись, и мѢшаясь сЪ зефиромЪ, исчезали вЪ пространствахЪ воздуха. ЖарЪ дружескихЪ моихЪ объятій возбуждалЪ иногда трепетЪ вЪ нѢжной Эльвириной груди — быстрый огнь разливался по лицу прекрасной — я чувствовалЪ скорое біеніе пульса ея — чувствовалЪ, какЪ она хотѢла успокоиться, хотѢла удержать стремленіе крови своей, хотѢла говорить. . . но слова на устахЪ замирали. — Я мучился и наслаждался.

Часто темная ночь застигала насЪ вЪ отдаленномЪ уединеніи. Звучное эхо повторяло шумЪ водопадовЪ, который раздавался между высокихЪ утесовЪ Сіерры - Морены, вЪ ея глубокихЪ разсѢлинахЪ и долинахЪ. Сильные вѢтры волновали

и крутили воздухъ; багряныя молніи вились на черномъ небѣ, или блѣдная луна надъ сѣдыми облаками восходила. — Эльвира любила ужасы Натуры: они возвеличивали, восхищали, питали ея душу.

Я былъ съ нею!... и радовался сгущенію ночныхъ мраковъ. Они сближали сердца наши; они скрывали Эльвиру отъ всей Природы — и я тѣмъ живѣе, тѣмъ *нераздѣльнѣе* наслаждался ея присутствіемъ.

Ахъ! можно сражаться съ сердцемъ, долго и упорно; но кто побѣдитъ его? — Бурное стремленіе ярострыхъ водъ разрываетъ всѣ оплоты, и каменныя горы распадаются отъ силы огненнаго вещества, въ ихъ нѣдрахъ заключеннаго.

Сила чувствъ моихъ все преодолѣла, и долго-таимая страсть излилась въ нѣжномъ признаніи!

Я стоялъ на колѣняхъ, и слезы

мои текли рѣкою. Эльвира блѣднѣла — и снова уподоблялась розѣ. Знаки страха, сомнѣнія, скорби, нѣжной томности, мѣнялись на лицѣ ея!...

Она подала мнѣ руку, съ умильнымъ взоромъ. — „Жестокой!" сказала Эльвира — но сладкой голосъ ея смягчилъ всю жестокость сего упрека — „жестокой! ты не доволенъ кроткими чувствами дружбы; ты принуждаешь меня нарушить обѣтъ священный и торжественный!... Пусть же громы небесные поразятъ клятвопреступницу!... Я люблю тебя!"... Огненные поцѣлуи мои запечатлѣли уста ея.

Боже мой!... Сія минута была щастливѣйшею моей жизни!

Эльвира пошла къ Алонзову памятнику, стала передъ нимъ на колѣни, и обнимая бѣлую урну, сказала трогательнымъ голосомъ: „Тѣнь любезнаго Алонза! простишь

ли свою Эльвиру? . . . Я клялась вѣчно любить тебя, и вѣчно любить не престану; образъ твой сохранится въ моемъ сердцѣ; всякой день буду украшать цвѣтами твой памятникъ; слезы мои будутъ всегда мѣшаться съ утреннею и вечернею росою на семъ хладномъ мраморѣ! — Но я клялась еще не любить никого, кромѣ тебя. . . . и люблю! . . . Увы! я надѣялась на сердце свое, и поздно увидѣла опасность! Оно тосковало — было одно въ пространномъ мірѣ — искало утѣшенія — дружба явилась ему въ вѣнцѣ невинности и добродѣтели. . . . Ахъ! . . . любезная тѣнь! простишь ли свою Эльвиру?"

Любовь моя была краснорѣчива: я успокоилъ милую, и всѣ облака исчезли въ Ангельскихъ очахъ ея.

Эльвира назначила день для нашего вѣчнаго соединенія, предалась нѣжнымъ чувствамъ своимъ, и я наслаждался небомъ! — Но громъ

собирался надъ нами. . . . Рука моя трепещетъ!

Все радовалось въ Эльвиріномъ замкѣ; все готовилось къ брачному торжеству. Ея родственники любили меня — Андалузія долженствовала быть вторымъ моимъ отечествомъ!

Уже розы и лиліи на олтарѣ благоухали, и я приближился къ оному съ прелестною Эльвирою, съ восторгомъ въ душѣ, съ сладкимъ трепетомъ въ сердцѣ; уже священникъ готовился утвердить союзъ нашъ своимъ благословеніемъ — какъ вдругъ явился незнакомецъ, въ черной одеждѣ, съ блѣднымъ лицемъ, съ мрачнымъ видомъ; кинжалъ блисталъ въ рукѣ его. „Вѣ„роломная!" сказалъ онъ Эльвирѣ: „ты клялась быть вѣчно моею, и „забыла свою клятву! Я клялся лю„бить тебя до гроба: умираю. . . „и люблю!". . . Уже кровь лилась изъ его сердца: онъ вонзилъ кин-

жалъ въ грудь свою, и палъ мертвый на помостъ храма.

Эльвира, какъ громомъ пораженная, въ изступленіи, въ ужасѣ воскликнула: „Алонзо! Алонзо!" . . . и лишилась памяти. — Всѣ стояли неподвижно. Внезапность страшнаго явленія изумила присутствующихъ.

Сей блѣдный незнакомецъ, сей грозный самоубійца, былъ Алонзо. Корабль, на которомъ онъ плылъ изъ Маіорки, погибъ; но Алжирцы извлекли юношу изъ волнъ, чтобы оковать его цѣпями тяжкой неволи. Черезъ годъ онъ получилъ свободу —летѣлъ къ предмету любви своей —услышалъ о замужствѣ Эльвирономъ, и рѣшился наказать ее. . . . своею смертію.

Я вынесъ Эльвиру изъ храма. Она пришла въ себя — но пламя любви навѣкъ угасло въ очахъ и сердцѣ ея.

„Небо страшно наказало клятво-

преступницу", сказала мнѣ Эльвира: „я убійца Алонзова! Кровь его палитъ меня. Удались отъ нещастной! Земля разступилась между нами, и тщетно будешь простирать ко мнѣ руки свои! Бездна раздѣлила насъ навѣки. Можешь только взорами своими растравлять неизлечимую рану моего сердца. Удались отъ нещастной!"

Моя горесть, мое отчаяніе не могли тронуть ее. — Эльвира погребла нещастнаго Алонза на томъ мѣстѣ, гдѣ оплакивала нѣкогда мнимую смерть его, и заключилась въ строжайшемъ изъ женскихъ монастырей. Увы! она не хотѣла проститься со мною! . . . не хотѣла, чтобы я въ послѣдній разъ обнялъ ее со всею горячностію любви, и видѣлъ въ глазахъ ея хотя одно сожалѣніе о моей участи!

Я былъ въ изступленіи — искалъ въ себѣ чувствительнаго сердца; но сердце подобно камню лежало въ

груди моей — искалъ слезъ, и не находилъ ихъ — мертвое, страшное уединеніе окружало меня.

День и ночь слились для глазъ моихъ въ вѣчной сумракъ. Долго не зналъ я ни сна, ни отдохновенія; скитался по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ бывалъ вмѣстѣ — съ жестокою и нещастною; хотѣлъ найти слѣды, остатки, части *моей* Эльвиры, напечатлѣнія души ея.... но хладъ и тьма вездѣ меня встрѣчали!

Иногда приближался я къ уединеннымъ стѣнамъ того монастыря, гдѣ заключилась неумолимая Эльвира: — тамъ грозныя башни возвышались, желѣзные запоры на вратахъ чернѣлись, вѣчное безмолвіе обитало, и какой-то унылой голосъ вѣщалъ мнѣ: „для тебя уже нѣтъ Эльвиры!"

Наконецъ я удалился отъ Сіерры-Морены — оставилъ Андалузію, Гишпанію, Европу — видѣлъ печальные остатки древней Пальми-

ры, нѣкогда славной и великолѣпной — и тамъ, опершись на развалины, внималъ глубокой, краснорѣчивой тишинѣ, царствующей въ семъ запустѣніи, и одними громами прерываемой. Тамъ, въ объятіяхъ меланхоліи, сердце мое размягчилось — тамъ слеза моя оросила сухое тлѣніе — тамъ, помышляя о жизни и смерти народовъ, живо возчувствовалъ я суету всего подлуннаго, и сказалъ самому себѣ: „Что есть жизнь человѣческая? Что бытіе наше? Единъ мигъ, и все исчезнетъ! Улыбка щастія и слезы бѣдствія покроются единою горстію черной земли!" — Сіи мысли чудеснымъ образомъ успокоили мою душу.

Я возвратился въ Европу, и былъ нѣкоторое время игралищемъ злобы людей, нѣкогда мною любимыхъ; хотѣлъ еще видѣть Андалузію, Сіерру-Морену, и узналъ, что Эльвира преселилась уже въ обители

небесныя; пролилЪ слезы на ея могилѣ, и отерЪ ихЪ навѣки.

Хладный мірЪ! я тебя оставилЪ! — Безумныя существа, человѣками именуемыя! я васЪ оставилЪ! Свирѣпствуйте вЪ лютыхЪ своихЪ изступленіяхЪ, терзайте, умерщвляйте другЪ друга! Сердце мое для васЪ мертво, и судьба ваша его не трогаетЪ.

Живу теперь вЪ странѣ печальнаго сѣвера, гдѣ глаза мои вЪ первой разЪ озарились лучемЪ солнечнымЪ; гдѣ величественная Натура изЪ нѣдрЪ безчувствія приняла меня вЪ свои объятія и включила вЪ систему *эфемернаго* бытія — живу вЪ уединеніи, и внимаю бурямЪ.

Тихая ночь — вѣчной покой — святое безмолвіе! кЪ вамЪ, кЪ вамЪ простираю мои объятія!

---

# ОСТРОВЪ БОРНГОЛЬМЪ.

Друзья! прошло красное лѣто; златая осень поблѣднѣла; зелень увяла; дерева стоятъ безъ плодовъ и безъ листьевъ; туманное небо волнуется какъ мрачное море; зимній пухъ сыплется на хладную землю — простимся съ Природою до радостнаго весенняго свиданія; укроемся отъ вьюгъ и мятелей — укроемся въ тихомъ кабинетѣ своемъ! Время не должно тяготить насъ; мы знаемъ лекарство отъ скуки. Друзья! дубъ и береза пылаютъ въ каминѣ нашемъ — пусть свирѣпствуетъ вѣтеръ, и засыпаетъ окна бѣлымъ снѣгомъ! Сядемъ вокругъ алаго огня, и будемъ разсказывать другъ другу сказки и повѣсти и всякія были.

Вы знаете, что я странствовалъ въ чужихъ земляхъ, далеко, далеко отъ моего отечества, далеко отъ васъ, любезныхъ моему сердцу; видѣлъ много чуднаго, слышалъ много удивительнаго; многое вамъ разсказывалъ, но не могъ разсказать всего, что случалось со мною. Слушайте — я повѣствую — повѣствую истину, не выдумку.

Англія была крайнимъ предѣломъ моего путешествія. Тамъ сказалъ я самому себѣ: „отечество и друзья „ожидаютъ тебя; время успокоиться „ся въ ихъ объятіяхъ; время посвя„тить страническій жезлъ твой „сыну Маину (*); время повѣсить „его на густѣйшую вѣтвь того „дерева, подъ которымъ игралъ ты „въ юныхъ лѣтахъ своихъ" — ска-

(*) Во времена древности странники, возвращаясь въ отечество, посвящали жезлы свои Меркурію.

залъ, и сѣлъ въ Лондонѣ на корабль *Британію*, чтобы плыть къ любезнымъ странамъ Россіи.

Быстро катились мы на бѣлыхъ парусахъ вдоль цвѣтущихъ береговъ величественной Темзы. Уже безпредѣльное море засинѣлось передъ нами; уже слышали мы шумъ его волненія — но вдругъ перемѣнился вѣтеръ, и корабль нашъ, въ ожиданіи благопріятнѣйшаго времени, долженъ былъ остановиться противъ мѣстечка Гревзенда.

Вмѣстѣ съ Капитаномъ вышелъ я на берегъ; гулялъ съ покойнымъ сердцемъ по зеленымъ лугамъ, украшеннымъ Природою и трудолюбіемъ, — мѣстамъ рѣдкимъ и живописнымъ; наконецъ, утомленный жаромъ солнечнымъ, легъ на траву, подъ столѣтнимъ вязомъ, близь морскаго берега, и смотрѣлъ на влажное пространство, на пѣнистые валы, которые въ безчисленныхъ рядахъ изъ мрачной отдален-

ности неслися къ острову съ глухимъ ревомъ. Сей унылой шумъ и видъ необозримыхъ водъ начинали склонять меня къ той дремотѣ, къ тому сладостному бездѣйствію души, въ которомъ всѣ идеи и всѣ чувства останавливаются и цѣпенѣютъ, подобно вдругъ замерзающимъ ключевымъ струямъ, и которое есть самой разительнѣйшій и самой піитической образъ смерти; но вдругъ вѣтьви потряслись надъ моею головою.... Я взглянулъ и увидѣлъ — молодаго человѣка, худаго, блѣднаго, томнаго — болѣе привидѣніе, нежели человѣка. Въ одной рукѣ держалъ онъ гитару, другою срывалъ листочки съ дерева, и смотрѣлъ на синее море неподвижными черными глазами своими, въ которыхъ сіялъ послѣдній лучь угасающей жизни. Взоръ мой не могъ встрѣтиться съ его взоромъ; чувства его были мертвы для внѣшнихъ предметовъ; онъ

стоялъ въ двухъ шагахъ отъ меня, но не видалъ ничего, не слыхалъ ничего. — Нещастной молодой человѣкъ! думалъ я: ты убитъ рокомъ. Не знаю ни имени, ни рода твоего; но знаю, что ты нещастливъ!

Онъ вздохнулъ; поднялъ глаза къ небу, — опустилъ ихъ опять на волны морскія — отошелъ онъ дерева, сѣлъ на траву, заигралъ на своей гитарѣ печальную прелюдію, смотря безпрестанно на море, и запѣлъ тихимъ голосомъ слѣдующую пѣсню (на Датскомъ языкѣ, которому училъ меня въ Женевѣ пріятель мой Докторъ N. N.):

Законы осуждаютъ
Предметъ моей любви;
Но кто, о сердце! можетъ
Противиться тебѣ?

Какой законъ святѣе
Твоихъ врожденныхъ чувствъ?
Какая власть сильнѣе
Любви и красоты?

Люблю, — любить вѣкъ буду.
Кляните страсть мою,
Безжалостныя души,
Жестокія сердца!

Священная Природа!
Твой нѣжный другъ и сынъ
Невиненъ предъ тобою.
Ты сердце мнѣ дала;

Твои дары благіе
Украсили ее—
Природа, ты хотѣла,
Чтобъ Лилу я любилъ!

Твой громъ гремѣлъ надъ нами,
Но насъ не поражалъ,
Когда мы наслаждались
Въ объятіяхъ любви. —

О Борнгольмъ, милый Борнгольмъ!
Къ тебѣ моя душа
Стремится безпрестанно;
Но тщетно слезы лью,

Томлюся и вздыхаю!
Навѣкъ я удаленъ
Родительскою клятвой
Отъ береговъ твоихъ!

Еще ли ты, о Лила!
Живешь въ тоскѣ своей?
Или въ волнахъ шумящихъ
Скончала злую жизнь?

Явися мнѣ, явися,
Любезнѣйшая тѣнь;
Я самъ въ волнахъ шумящихъ
Съ тобою погребусь.

Тутъ, по невольному внутреннему движенію, хотѣлъ я броситься къ незнакомцу, и прижать его къ сердцу своему; но Капитанъ мой въ самую сію минуту взялъ меня за руку, и сказалъ, что благопріятный вѣтеръ развѣваетъ наши парусы, и что намъ не должно терять времени. — Мы поплыли. Молодой человѣкъ, бросивъ гитару и сложивъ руки, смотрѣлъ въ слѣдъ за нами, — смотрѣлъ на синее море. —

Волны пѣнились подъ рулемъ корабля нашего; берегъ Гревзендской скрылся въ отдаленіи; сѣверныя провинціи Англіи чернѣлись на дру-

гомъ краю горизонта — наконецъ все исчезло, и птицы, которыя долго вились надъ нами, полетѣли назадъ къ берегу, какъ будто бы устрашенныя необозримостію моря. Волненіе шумныхъ водъ и туманное небо остались единственнымъ предметомъ глазъ нашихъ, предметомъ величественнымъ и страшнымъ. — Друзья мои! чтобы живо чувствовать всю дерзость человѣческаго духа, надобно быть на открытомъ морѣ, гдѣ *одна тонкая дощечка,* какъ говоритъ Виландъ, *отдѣляетъ насъ отъ влажной смерти;* но гдѣ искусный пловецъ, распуская парусы, летитъ, и въ мысляхъ своихъ видитъ уже блескъ золота, которымъ въ другой части міра наградится смѣлая его предпріимчивость. Nil mortalibus arduum est — *нѣтъ для смертныхъ невозможнаго,* думалъ я съ Гораціемъ, теряясь взоромъ въ безконечности Нептунова царства.

Но скоро жестокой припадокъ морской болѣзни лишилъ меня чувства. Шесть дней глаза мои не открывались; и томное сердце, орошаемое пѣною бурныхъ волнъ(*), едва билось въ груди моей. Въ седьмой день я ожилъ, и хотя съ блѣднымъ, но радостнымъ лицемъ вышелъ на палубу. Солнце по чистому лазоревому своду катилось уже къ западу; море, освѣщаемое златыми его лучами, шумѣло; корабль летѣлъ на всѣхъ парусахъ по грудамъ разсѣкаемыхъ валовъ, которые тщетно силились опередить его. Вокругъ насъ, въ разномъ отдаленіи, развѣвались бѣлые, голубые и розовые флаги; а на правой сторонѣ чернѣлось нѣчто подобное землѣ.

Гдѣ мы? спросилъ я у Капитана. ,,Плаваніе наше благополучно, ска-

(*) Въ самомъ дѣлѣ пѣна волнъ часто орошала меня, лежащаго почти безъ памяти на палубѣ.

залъ онъ: мы прошли Зундъ; берега Швеціи скрылись отъ глазъ нашихъ. На правой сторонѣ видите вы Датской островъ Борнгольмъ, мѣсто опасное для кораблей; тамъ мѣли и камни таятся на днѣ морскомъ. Когда наступитъ ночь, мы бросимъ якорь."

Островъ Борнгольмъ, островъ Борнгольмъ! повторилъ я въ мысляхъ, и образъ молодаго Гревзендскаго незнакомца оживился въ душѣ моей. Печальные звуки и слова пѣсни его отозвались въ моемъ слухѣ. „Они заключаютъ въ себѣ тайну сердца его, думалъ я: но кто онъ? Какіе законы осуждаютъ любовь нещастнаго? Какая клятва удалила его отъ береговъ Борнгольма, столь ему милаго? Узнаю ли когда нибудь его исторію?"

Между тѣмъ сильной вѣтеръ несъ насъ прямо къ острову. Уже открылись грозныя скалы его, откуда съ шумомъ и пѣною сверга-

лись кипящіе ручьи во глубину морскую. Онъ казался со всѣхъ сторонъ неприступнымъ, со всѣхъ сторонъ огражденнымъ рукою величественной Натуры; ничего, кромѣ печальнаго, кромѣ страшнаго, не представлялось на сѣдыхъ утесахъ. Съ ужасомъ видѣлъ я тамъ образъ хладной, безмолвной вѣчности, образъ неумолимой смерти, и того неописаннаго Творческаго могущества, передъ которымъ все смертное трепетать должно.

Солнце погрузилось въ волны — и мы бросили якорь. Вѣтеръ утихъ, и море едва, едва колебалось. Я смотрѣлъ на островъ, которой какою-то неизъяснимою силою влекъ меня къ берегамъ своимъ; какое-то темное предчувствіе говорило мнѣ: „тамъ можешь удовлетворить своему любопытству, и Борнгольмъ останется на вѣки въ твоей памяти!" — Наконецъ, узнавъ, что не далеко отъ берега есть рыбачьи

хижины, рѣшился я просить у Капитана шлюпки и ѣхать на островъ съ двумя или тремя матрозами. Онъ говорилъ объ опасности, о подводныхъ камняхъ; но видя непреклонность своего пасажира, согласился исполнить мое требованіе, съ тѣмъ условіемъ, чтобы я на другой день рано поутру на корабль возвратился.

Мы поплыли, и благополучно пристали къ берегу, въ небольшомъ тихомъ заливѣ. Тутъ встрѣтили насъ рыбаки, люди грубые и дикіе, выросшіе на хладной стихіи, подъ шумомъ валовъ морскихъ, и незнакомые съ улыбкою дружелюбнаго привѣтствія; впрочемъ не хитрые и не злые люди. Услышавъ, что мы желаемъ посмотрѣть острова и ночевать въ ихъ хижинахъ, они привязали нашу лодку, и повели насъ, сквозь распавшуюся кремнистую гору, къ своимъ жилищамъ. Черезъ полчаса вышли мы на про-

странную, зеленую равнину, гдѣ, подобно какъ на долинахъ Альпійскихъ, разсѣяны были низенькіе деревянные домики, рощицы и громады камней. Тутъ оставилъ я своихъ матрозовъ, а самъ пошелъ далѣе, чтобы наслаждаться еще нѣсколько времени пріятностями вечера; мальчикъ, лѣтъ тринадцати, былъ проводникомъ моимъ.

Алая заря не угасла еще на свѣтломъ небѣ; розовой свѣтъ ея сыпался на бѣлые граниты, и вдали, за высокимъ холмомъ, освѣщалъ острыя башни древняго замка. Мальчикъ не могъ сказать мнѣ, кому принадлежалъ сей замокъ. „Мы туда не ходимъ, говорилъ онъ, — и Богъ знаетъ, что тамъ дѣлается!“ — Я удвоилъ шаги свои, и скоро приближился къ большому готическому зданію, окруженному глубокимъ рвомъ и высокою стѣною. Вездѣ царствовала тишина; вдали шумѣло море; послѣдній лучь

вечерняго свѣта угасалъ на мѣдныхъ шпицахъ башенъ.

Я обошелъ вокругъ замка — ворота были заперты, мосты подняты. Проводникъ мой боялся, самъ не зная чего, и просилъ меня итти назадъ къ хижинамъ; но могъ ли любопытной человѣкъ уважить такую прозьбу?

Наступила ночь, и вдругъ раздался голосъ — эхо повторило его, и опять все умолкло. Мальчикъ отъ страха схватилъ меня обѣими руками, и дрожалъ какъ преступникъ въ часъ казни. Черезъ минуту снова раздался голосъ — спрашивали: *кто тамъ*? Чужеземецъ, сказалъ я, приведенный любопытствомъ на сей островъ; и естьли гостепріимство почитается добродѣтелію въ стѣнахъ вашего замка, то вы укроете странника на темное время ночи. — Отвѣта не было; но черезъ нѣсколько минутъ загремѣлъ и опустился съ верьху башни

подъемной мостъ: съ шумомъ отворились ворота — высокой человѣкъ, въ длинномъ черномъ платьѣ, встрѣтилъ меня, взялъ за руку и повелъ въ замокъ. Я оборотился назадъ: но мальчикъ, провожатой мой, скрылся.

Ворота хлопнули за нами; мостъ загремѣлъ и поднялся. Черезъ обширной дворъ, заростшій кустарникомъ, крапивою и полынью, пришли мы къ огромному дому, въ которомъ свѣтился огонь. Высокой перистиль въ древнемъ вкусѣ велъ къ желѣзному крыльцу, котораго ступени звучали подъ ногами нашими. Вездѣ было мрачно и пусто. Въ первой залѣ, окруженной внутри готическою колонадою, висѣла лампада, и едва, едва изливала блѣдный свѣтъ на ряды позлащенныхъ столповъ, которые отъ древности начинали разрушаться; въ одномъ мѣстѣ лежали части карниза, въ

другомъ отломки пиластровъ, въ третьемъ цѣлыя упавшія колонны. Путеводитель мой нѣсколько разъ взглядывалъ на меня проницательными глазами, но не говорилъ ни слова.

Все сіе сдѣлало въ сердцѣ моемъ странное впечатлѣніе, смѣшенное отчасти съ ужасомъ, отчасти съ тайнымъ неизъяснимымъ удовольствіемъ, или лучше сказать, съ пріятнымъ ожиданіемъ чего-то чрезвычайнаго.

Мы прошли еще черезъ двѣ или три залы, подобныя первой, и освѣщенныя такими же лампадами. Потомъ отворилась дверь на право — въ углу небольшой комнаты сидѣлъ почтенной сѣдовласой старецъ, облокотившись на столъ, гдѣ горѣли двѣ бѣлыя восковыя свѣчи. Онъ поднялъ голову, взглянулъ на меня съ нѣкоторою печальною ласкою, подалъ мнѣ слабую свою руку, и сказалъ тихимъ, пріятнымъ голосомъ: ,,Хотя вѣчная горесть обитаетъ въ

стѣнахъ здѣшняго замка, но странникъ, требующій гостепріимства, всегда найдетъ въ немъ мирное пристанище. Чужеземецъ! я не знаю тебя; но ты человѣкъ — въ умирающемъ сердцѣ моемъ жива еще любовь къ людямъ — мой домъ, мои объятія тебѣ отверсты." — Онъ обнялъ, посадилъ меня, и стараясь развеселить мрачный видъ свой, уподоблялся хотя ясному, но хладному осеннему дню, которой напоминаетъ болѣе горестную зиму, нежели радостное лѣто. Ему хотѣлось быть привѣтливымъ, — хотѣлось улыбкою вселить въ меня довѣренность и пріятныя чувства дружелюбія; но знаки сердечной печали, углубившіеся на лицѣ его, не могли исчезнуть въ одну минуту.

„Ты долженъ, молодой человѣкъ — сказалъ онъ — ты долженъ извѣстить меня о происшествіяхъ свѣта, мною оставленнаго, но еще

не совсѣмъ забытаго. Давно живу я въ уединеніи; давно уже не слышу ничего о судьбѣ людей. Скажи мнѣ, царствуетъ ли любовь на земномъ шарѣ? Курится ли ѳиміамъ на олтаряхъ добродѣтели? Благоденствуютъ ли народы въ странахъ, тобою видѣнныхъ?“—-Свѣтъ наукъ, отвѣчалъ я, распространяется болѣе и болѣе; но еще струится на землѣ кровь человѣческая— ліются слезы нещастныхъ — хвалятъ имя добродѣтели, и спорятъ о существѣ ея. — Старецъ вздохнулъ и пожалъ плечами.

Узнавъ, что я Россіянинъ, сказалъ онъ: „Мы происходимъ отъ одного народа съ вашимъ. Древніе жители острововъ Рюгена и Борнгольма были Славяне. Но вы прежде насъ озарились свѣтомъ Христіянства. Уже великолѣпные храмы, единому Богу посвященные, возносились къ облакамъ въ странахъ вашихъ; но мы, во мракѣ идо-

лопоклонства, приносили кровавыя жертвы безчувственнымъ истуканамъ. Уже въ торжественныхъ гимнахъ славили вы великаго Творца вселенной; но мы, ослѣпленные заблужденіемъ, хвалили въ нестройныхъ пѣсняхъ идоловъ баснословія."—Старецъ говорилъ со мною объ исторіи сѣверныхъ народовъ, о происшествіяхъ древности и новыхъ временъ; говорилъ такъ, что я долженъ былъ удивляться уму его, знаніямъ, и даже краснорѣчію.

Черезъ полчаса онъ всталъ и пожелалъ мнѣ доброй ночи. Слуга, въ черномъ платьѣ, взявъ со стола одну свѣчу, повелъ меня черезъ длинные узкіе переходы — и мы вошли въ большую комнату, обвѣшенную древнимъ оружіемъ, мечами, копьями, латами и шишаками. Въ углу, подъ золотымъ балдахиномъ, стояла высокаякровать, украшенная рѣзьбою и древними барельефами.

Мнѣ хотѣлось предложить множество вопросовъ сему человѣку; но онъ, не дожидаясь ихъ, поклонился и ушелъ въ ту минуту; желѣзная дверь хлопнула — звукъ страшно раздался въ пустыхъ стѣнахъ — и все утихло. Я легъ на постелю — смотрѣлъ на древнее оружіе, освѣщаемое сквозь маленькое окно слабымъ лучемъ мѣсяца — думалъ о своемъ хозяинѣ, о первыхъ словахъ его: *здѣсь обитаетъ вѣчная горесть* — мечталъ о временахъ прошедшихъ, о тѣхъ приключеніяхъ, которымъ сей древній замокъ бывалъ свидѣтелемъ — мечталъ, подобно такому человѣку, которой между гробовъ и могилъ взираетъ на прахъ умершихъ, и оживляетъ его въ своемъ воображеніи. — Наконецъ образъ печальнаго Гревзендскаго незнакомца представился душѣ моей, и я заснулъ.

Но сонъ мой не былъ покоенъ. Мнѣ казалось, что всѣ латы, ви-

сѣвшія на стѣнѣ, превратились въ рыцарей; что сіи рыцари приближались ко мнѣ съ обнаженными мечами, и съ гнѣвнымъ лицемъ говорили: „Нещастной! какъ дерзнулъ ты пристать къ нашему острову? Развѣ не блѣднѣютъ плаватели при видѣ гранитныхъ береговъ его? Какъ дерзнулъ ты войти въ страшное святилище замка? Развѣ ужасъ его не гремитъ во всѣхъ окрестностяхъ? Развѣ странникъ не удаляется отъ грозныхъ его башенъ? Дерзкой! умри за сіе пагубное любопытство!“ — Уже мечи застучали надо мною; уже тысячи ударовъ сыпались на грудь мою — но вдругъ все скрылось — я пробудился, и черезъ минуту опять заснулъ. Тутъ новая мечта возмутила духъ мой. Мнѣ казалось, что страшной громъ раздавался въ замкѣ; желѣзныя двери стучали, окна тряслися, полъ колебался, и ужасное крылатое чудовище, ко-

тораго описать не умѣю, съ ревомъ и свистомъ летѣло къ моей постелѣ. Сновидѣніе исчезло; но я не могъ уже спать, чувствовалъ нужду въ свѣжемъ воздухѣ, приближился къ окну, увидѣлъ подлѣ него маленькую дверь, отворилъ ее, и по крутой лѣстницѣ — сошелъ въ садъ.

Ночь была ясная; свѣтъ полной луны осребрялъ темную зелень на древнихъ дубахъ и вязахъ, которые составляли густую, длинную алею. Шумъ морскихъ волнъ соединялся съ шумомъ листьевъ, потрясаемыхъ вѣтромъ. Вдали бѣлѣлись каменныя горы, которыя, подобно зубчатой стѣнѣ, окружаютъ островъ Борнгольмъ; между ими и стѣнами замка видѣнъ былъ съ одной стороны большой лѣсъ, а съ другой открытая равнина и маленькія рощицы.

Сердце все еще билось у меня отъ страшныхъ сновидѣній, и кровь

моя не перестала волноваться. Я вступилъ въ темную алею, подъ кровъ шумящихъ дубовъ, и съ нѣкоторымъ благоговѣйнымъ страхомъ углублялся во мракъ ея. Мысль о Друидахъ возбудилась въ душѣ моей—и мнѣ казалось, что я приближаюсь къ тому святилищу, гдѣ хранятся всѣ таинства и всѣ ужасы ихъ богослуженія. Наконецъ сія длинная алея привела меня къ розмаринымъ кустамъ, за которыми возвышался песчаной холмъ. Мнѣ хотѣлось взойти на вершину его, чтобы оттуда при свѣтѣ ясной луны взглянуть на картину моря и острова; но тутъ представилось глазамъ моимъ отверстіе во внутренность холма. Оно было не велико, и человѣкъ съ трудомъ могъ войти въ него. Непреодолимое любопытство влекло меня въ сію пещеру, которая походила болѣе на дѣло рукъ человѣческихъ, нежели на произведеніе дикой На-

туры. Я вошелъ — почувствовалъ сырость и холодъ — но рѣшился итти далѣе, и сдѣлавъ шаговъ десять впередъ, разсмотрѣлъ нѣсколько ступеней внизъ и широкую желѣзную дверь, которая, къ моему удивленію, была не заперта. Какъ будто бы невольнымъ образомъ рука моя отворила ее — тутъ, за желѣзною решеткою, на которой висѣлъ большой замокъ, горѣла лампада, привязанная ко своду; а въ углу, на соломенной постелѣ, лежала молодая, блѣдная женщина въ черномъ платьѣ. Она спала; русые волосы, съ которыми переплелись желтыя соломенки, закрывали высокую грудь ея, едва, едва дышащую; одна рука, бѣлая, но изсохшая, лежала на землѣ, а на другой покоилась голова спящей. Естьли бы живописецъ хотѣлъ изобразить томную, безконечную, всегдашнюю скорбь, осыпанную маковыми цвѣтами Морфея: то сія женщина

могла бы служить прекраснымъ образцомъ для кисти его.

Друзья мои! кого не трогаетъ видъ нещастнаго? Но видъ молодой женщины, страдающей въ подземной темницѣ — видъ слабѣйшаго и любезнѣйшаго изъ всѣхъ существъ, угнетеннаго судьбою — могъ бы влить чувство въ самой камень. Я смотрѣлъ на нее съ горестію, и думалъ самъ въ себѣ: „Какая варварская рука лишила тебя дневнаго свѣта? не ужели за какое нибудь тяжкое преступленіе? Но миловидное лице твое, но тихое движеніе груди твоей, но собственное сердце мое, увѣряютъ меня въ твоей невинности!“

Въ самую сію минуту она проснулась — взглянула на решетку — увидѣла меня — изумилась — подняла голову — встала — приближилась, — потупила глаза въ землю, какъ будто бы собираясь съ мыслями — снова устремила

ихъ на меня, хотѣла говорить, и — не начинала.

„Естьли чувствительность странника — (сказалъ я черезъ нѣсколько минутъ краснорѣчиваго молчанія) — рукою судьбы приведеннаго въ здѣшній замокъ и въ эту пещеру, можетъ облегчить твою участь; естьли искреннее его состраданіе заслуживаетъ твою довѣренность: требуй его помощи!" — Она смотрѣла на меня неподвижными глазами, въ которыхъ видно было удивленіе, нѣкоторое любопытство, нерѣшимость и сомнѣніе. Наконецъ, послѣ сильнаго внутренняго движенія, которое какъ будто бы электрическимъ ударомъ потрясло грудь ея, отвѣчала она твердымъ голосомъ: „Кто бы ты ни былъ; какимъ бы случаемъ ни зашелъ сюда — чужеземецъ! я не могу требовать отъ тебя ничего, кромѣ сожалѣнія. Не въ твоихъ силахъ перемѣнить долю мою.

Я лобызаю руку, которая меня наказываетъ." — Но сердце твое невинно? сказалъ я: оно конечно не заслуживаетъ такого жестокаго наказанія? — „Сердце мое, отвѣчала она, могло быть въ заблужденіи. Богъ проститъ слабую. Надѣюсь, что жизнь моя скоро кончится. Оставь меня, незнакомецъ!" — Тутъ приближилась она къ решеткѣ, взглянула на меня съ ласкою, и тихимъ голосомъ повторила: „Ради Бога оставь меня! . . . Естьли онъ самъ послалъ тебя — тотъ, котораго страшное проклятіе гремитъ всегда въ моемъ слухѣ — скажи ему, что я страдаю, страдаю день и ночь; что сердце мое высохло отъ горести; что слезы не облегчаютъ уже тоски моей. Скажи, что я безъ ропота, безъ жалобъ сношу заключеніе; что я умру его нѣжною, нещастною" — — Она вдругъ замолчала, задумалась, удалилась отъ решетки, спала на колѣни, и

закрыла руками лице свое; черезъ минуту посмотрѣла на меня, снова потупила глаза въ землю, и сказала съ нѣжною робостію: „Ты можетъ быть знаешь мою исторію; но естьли не знаешь, то не спрашивай меня — ради Бога не спрашивай! . . . Чужеземецъ, прости!“ — Я хотѣлъ итти, сказавъ ей нѣсколько словъ, излившихся прямо изъ души моей; но взоръ мой еще встрѣтился съ ея взоромъ — и мнѣ показалось, что она хочетъ узнать отъ меня нѣчто важное для своего сердца. Я остановился, — ждалъ вопроса; но онъ, послѣ глубокаго вздоха, умеръ на блѣдныхъ устахъ ея. Мы разстались.

Вышедши изъ пещеры, не хотѣлъ я затворить желѣзной двери, чтобы свѣжій, чистой воздухъ сквозь решетку проникъ въ темницу и облегчилъ дыханіе нещастной. Утренняя заря алѣла на небѣ; птички пробудились; вътерокъ свѣ-

валъ росу съ кустовъ и цвѣточковъ, которые росли вокругъ песчанаго холма. — Боже мой! думалъ я — Боже мой! какъ горестно быть исключеннымъ изъ общества живыхъ, вольныхъ, радостныхъ тварей, которыми вездѣ населены необозримыя пространства Натуры! Въ самомъ сѣверѣ, среди высокихъ мшистыхъ скалъ, ужасныхъ для взора, твореніе руки Твоей прекрасно, — твореніе руки Твоей восхищаетъ духъ и сердце. И здѣсь, гдѣ пѣнистыя волны отъ начала міра сражаются съ гранитными утесами, — и здѣсь десница Твоя напечатлѣла живые знаки Творческой любви и благости; и здѣсь въ часъ утра розы цвѣтутъ на лазоревомъ небѣ; и здѣсь нѣжные зефиры дышатъ ароматами; и здѣсь зеленые ковры разстилаются какъ мягкой бархатъ подъ ногами человѣка; и здѣсь поютъ птички — поютъ весело для веселаго,

печально для печальнаго, пріятно для всякаго; и здѣсь скорбящее сердце въ объятіяхъ чувствительной Природы можетъ облегчиться отъ бремени своихъ горестей! Но — бѣдная, заключенная въ темницѣ, не имѣетъ сего утѣшенія; роса утренняя не окропляетъ ея томнаго сердца; вѣтерокъ не освѣжаетъ истлѣвшей груди; лучи солнечные не озаряютъ помраченныхъ глазъ ея; тихія, бальзамическія изліянія луны не питаютъ души ея кроткими сновидѣніями и пріятными мечтами. Творецъ! почто даровалъ Ты людямъ гибельную власть дѣлать нещастными другъ друга и самихъ себя? —— Силы мои ослабѣли и глаза закрылись, подъ вѣтьвями высокаго дуба, на мягкой зелени. Сонъ мой продолжался около двухъ часовъ.

„Дверь была отворена; чужестранецъ входилъ въ пещеру" — вотъ что услышалъ я, проснувшись

— открылъ глаза и увидѣлъ старца, хозяина своего; онъ сидѣлъ въ задумчивости на дерновой лавкѣ, шагахъ въ пяти отъ меня; подлѣ него стоялъ тотъ человѣкъ, которой ввелъ меня въ замокъ. Я подошелъ къ нимъ. Старецъ взглянулъ на меня съ нѣкоторою суровостію; всталъ, пожалъ мою руку — и видъ его сдѣлался ласковѣе. Мы вошли вмѣстѣ въ густую алею, не говоря ни слова. Казалось, что онъ въ душѣ своей колебался, и былъ въ нерѣшимости; но вдругъ остановился, и устремивъ на меня проницательный, огненный взоръ, спросилъ твердымъ голосомъ: *ты видѣлъ ее?* — Видѣлъ, отвѣчалъ я, видѣлъ, не узнавъ, кто она, и за что страдаетъ въ темницѣ. — Узнаешь, сказалъ онъ, узнаешь, молодой человѣкъ, и сердце твое обольется кровію. Тогда спросишь у самого себя: за что Небо излiяло всю чашу гнѣва Своего на сего слабаго, сѣдаго

старца; старца, которой любилъ добродѣтель; которой чтилъ святые законы Его? — Мы сѣли подъ деревомъ, и старецъ разсказалъ мнѣ ужаснѣйшую исторію — исторію, которой вы теперь не услышите, друзья мои; она останется до другова времени. На сей разъ скажу вамъ одно то, что я узналъ тайну Гревзендскаго незнакомца, — тайну страшную! —

Матрозы дожидались меня у воротъ замка. Мы возвратились на корабль, подняли парусы, и Борнгольмъ скрылся отъ глазъ нашихъ.

Море шумѣло. Въ горестной задумчивости стоялъ я на палубѣ, взявшись рукою за мачту. Вздохи тѣснили грудь мою — наконецъ я взглянулъ на небо, — и вѣтеръ свѣялъ въ море слезу мою.

---

# МАРѲА ПОСАДНИЦА,

## ИЛИ

## ПОКОРЕНІЕ НОВАГОРОДА.

*Историческая Повѣсть.*

---

(Вотъ одинъ изъ самыхъ важнѣйшихъ случаевъ Россійской Исторіи! говоритъ Издатель сей повѣсти. Мудрый Іоаннъ долженъ былъ для славы и силы отечества присоединить область Новогородскую къ своей Державѣ: хвала ему! Однакожь сопротивленіе Новогородцевъ не есть бунтъ какихъ нибудь Якобинцевъ: они сражались за древніе свои уставы и права, данныя имъ отчасти самими Великими Князьями: на примѣръ, Ярославомъ, утвердителемъ ихъ вольности. Они поступили только безразсудно: имъ должно было предвидѣть, что сопротивленіе обратится въ гибель Новугороду, и благоразуміе требовало отъ нихъ охотной жертвы.

Въ нашихъ лѣтописяхъ мало подробностей сего великаго происшествія; но случай доставилъ мнѣ въ руки старинный манускриптъ, который сообщаю здѣсь любителямъ Исторіи и — сказокъ, исправивъ только слогъ его, темный и неразумительный. Думаю, что это писано однимъ изъ знатныхъ Новогородцевъ, переселенныхъ Великимъ Княземъ Іоанномъ Васильевичемъ въ другіе города. Всѣ главныя происшествія согласны съ Исторіею. И лѣтописи и старинныя пѣсни отдаютъ справедливость великому уму Мареы Борецкой, сей чудной женщины, которая умѣла овладѣть народомъ и хотѣла (весьма не кстати!) быть Катономъ своей Республики.

Кажется, что старинный Авторъ сей повѣсти даже и въ душѣ своей не винилъ Іоанна. Это дѣлаетъ честь его справедливости, хотя при описаніи нѣкоторыхъ случаевъ кровь Новогородская явно играетъ въ немъ. Тайное побужденіе (motif), данное имъ фанатизму Мареы, доказываетъ, что онъ видѣлъ въ ней только *страстную*, пылкую, умную, а не великую и не добро- [illegible] ...v.)

## КНИГА ПЕРВАЯ.

Раздался звукъ *Вечеваго колокола*, и вздрогнули сердца въ Новѣгородѣ. Отцы семействъ вырываются изъ объятій супругъ и дѣтей, чтобы спѣшить, куда зоветъ ихъ отечество. Недоумѣніе, любопытство, страхъ и надежда влекутъ гражданъ шумными толпами на великую площадь. Всѣ спрашиваютъ: никто не отвѣтствуетъ... Тамъ, противъ древняго дому Ярославова, уже собралися Посадники съ золотыми на груди медалями, Тысяцкіе съ высокими жезлами, Бояре, Люди Житые со знаменами и Старосты всѣхъ пяти Концовъ Новогородскихъ (*) съ серебряными сѣкирами. Но еще не видно никого на мѣстѣ лобномъ или Вадимовомъ (гдѣ возвышался мраморный образъ сего Витязя). Народъ

(*) Такъ назывались части города: Конецъ *Неровскій*, *Гончарскій*, *Славянскій*, *Загородскій* и *Плотникскій*.

крикомъ своимъ заглушаетъ звонъ колокола, и требуетъ открытія Веча. Іосифъ Дѣлинскій, именитый гражданинъ, бывшій семь разъ Степеннымъ Посадникомъ — и всякой разъ съ новыми услугами отечеству, съ новою честію для своего имени — всходитъ на желѣзныя ступени, открываетъ сѣдую, почтенную свою голову, смиренно кланяется народу и говоритъ ему, что Князь Московскій прислалъ въ Великій Новгородъ своего Боярина, который желаетъ всенародно объявить его требованія... Посадникъ сходитъ — и Бояринъ Іоанновъ является на Вадимовомъ мѣстѣ, съ видомъ гордымъ, въ одеждѣ воинской, и мечемъ препоясанный. То былъ Воевода, Князь Холмскій, мужъ благоразумный и твердый — правая рука Іоаннова въ предпріятіяхъ воинскихъ, око его въ дѣлахъ государственныхъ — храбрый въ битвахъ, велерѣчивый въ Совѣтѣ. Всѣ

безмолвствуютъ. Бояринъ хочетъ говорить... но юные, надменные Новогородцы восклицаютъ: *смирись предъ великимъ народомъ!* Онъ медлитъ — тысячи голосовъ повторяютъ: *смирись предъ великимъ народомъ!* Бояринъ снимаетъ шлемъ съ головы своей — и шумъ умолкаетъ.

„Граждане Новогородскіе!" вѣщаетъ онъ: „Князь Московскій и „всея Россіи говоритъ съ вами — „внимайте!

„Народы дикіе любятъ независи-„мость, народы мудрые любятъ по-„рядокъ: а нѣтъ порядка безъ вла-„сти самодержавной. Ваши предки „хотѣли править сами собою и бы-„ли жертвою лютыхъ сосѣдовъ или „еще лютѣйшихъ внутреннихъ ме-„ждоусобій. Старецъ добродѣтель-„ный, стоя на прагѣ вѣчности, за-„клиналъ ихъ избрать Владѣтеля. „Они повѣрили ему: ибо человѣкъ

„при дверяхъ гроба можетъ говорить только истину.

„Граждане Новогородскіе! въ стѣнахъ вашихъ родилось, утвердилось, прославилось самодержавіе земли Руской. Здѣсь великодушной Рюрикъ творилъ судъ и правду; на семъ мѣстѣ древніе Новогородцы лобызали ноги своего отца и Князя, который примирилъ внутренніе раздоры, успокоилъ и возвеличилъ городъ ихъ. На семъ мѣстѣ они проклинали гибельную вольность и благословляли спасительную власть Единаго. Прежде, ужасные только для самихъ себя и нещастные въ глазахъ сосѣдовъ, Новогородцы подъ державною рукою Варяжскаго Героя сдѣлались ужасомъ и завистію другихъ народовъ; и когда Олегъ храбрый двинулся съ воинствомъ къ предѣламъ юга, всѣ племена Славянскія покорялись ему съ радостію, и предки ваши, товари-

,,щи его славы, едва вѣрили своему ,,величію.

,,Олегъ, слѣдуя за теченіемъ ,,Днѣпра, возлюбилъ красные берега ,,га его, и въ благословенной стра- ,,нѣ Кіевской основалъ столицу сво- ,,его обширнаго государства; но ,,Великій Новгородъ былъ всегда де- ,,сницею Князей Великихъ, когда ,,они славили дѣлами имя Руское. ,,Олегъ подъ щитомъ Новогород- ,,цевъ прибилъ щитъ свой къ вра- ,,тамъ Цареградскимъ. Святославъ ,,съ дружиною Новогородскою раз- ,,сѣялъ какъ прахъ воинство Ци- ,,мисхія, и внукъ Ольгинъ съ ва- ,,шими предками былъ прозванъ ,,*Владѣтелемъ міра.*

,,Граждане Новогородскіе! не ,,только воинскою славою обязаны ,,вы Государямъ Рускимъ: естьли ,,глаза мои, обращаясь на всѣ Кон- ,,цы вашего града, видятъ повсюду ,,златые кресты великолѣпныхъ

„храмовъ святой Вѣры; естьли „шумъ Волхова напоминаетъ вамъ „тотъ великій день, въ который „знаки идолослуженія погибли съ „шумомъ въ быстрыхъ волнахъ „его: то вспомните, что Влади- „міръ соорудилъ здѣсь первый „храмъ истинному Богу; Владиміръ „низвергъ Перуна въ пучину Вол- „хова! . . . Естьли жизнь и соб- „ственность священны въ Новѣ- „городѣ, то скажите, чья рука „оградила ихъ безопасностію? . . . „Здѣсь“ — (указывая на домъ Яро- „слава) — „здѣсь жилъ мудрый „законодатель, благотворитель ва- „шихъ предковъ, Князь великодуш- „ный, другъ ихъ, котораго называ- „ли они вторымъ Рюрикомъ! . . . „Потомство неблагодарное! вни- „май справедливымъ укоризнамъ!

„Новогородцы, бывъ всегда стар- „шими сынами Россіи, вдругъ от- „дѣлились отъ братій своихъ; бывъ „вѣрными подданными Князей, ны-

„нѣ смѣются надъ ихъ властiю...
„и въ какiя времена? О стыдъ име-
„ни Рускаго! Родство и дружба по-
„знаются въ напастяхъ: любовь
„къ отечеству также.... Богъ въ
„неисповѣдимомъ совѣтѣ Своемъ
„положилъ наказать землю Рускую.
„Явились варвары безчисленные,
„пришельцы отъ странъ никому
„неизвѣстныхъ (*), подобно симъ
„тучамъ насѣкомыхъ, которыя Не-
„бо во гнѣвѣ Своемъ гонитъ бурею
„на жатву грѣшника. Храбрые Сла-
„вяне, изумленные ихъ явленiемъ,
„сражаются и гибнутъ; земля Ру-
„ская обагряется кровiю Рускихъ;
„города и села пылаютъ; гремятъ
„цѣпи на дѣвахъ и старцахъ...
„Чтожь дѣлаютъ Новогородцы? Спѣ-
„шатъ ли на помощь къ братьямъ
„своимъ?.. Нѣтъ! пользуясь сво-
„имъ удаленiемъ отъ мѣстъ крово-
„пролитiя, пользуясь общимъ бѣд-

(*) Такъ думали въ Россiи о Татарахъ.

„ствіемъ Князей, отнимаютъ у „нихъ власть законную, держатъ „ихъ въ стѣнахъ своихъ какъ въ „темницѣ, изгоняютъ, призыва- „ютъ другихъ и снова изгоняютъ. „Государи Новогородскіе, потомки „Рюрика и Ярослава, должны были „слушаться Посадниковъ и трепе- „тать *Вечеваго колокола*, какъ тру- „бы Суда Страшнаго! Наконецъ „никто уже не хотѣлъ быть Кня- „земъ вашимъ, рабомъ мятежнаго „Веча. . . . Наконецъ Руские и Ново- „городцы не узнаютъ другъ друга!

„Отъ чего же такая перемѣна „въ сердцахъ вашихъ? Какъ древнее „племя Славянское могло забыть „кровь свою? . . . Корыстолюбіе, „корыстолюбіе ослѣпило васъ! Ру- „скіе гибнутъ, Новогородцы бога- „тѣютъ. Въ Москву, въ Кіевъ, въ „Владиміръ, привозятъ трупы Хри- „стіянскихъ витязей, убіенныхъ „невѣрными, и народъ, осыпавъ „пепломъ главу свою, съ воплемъ

„встрѣчаетъ ихъ: въ Новгородъ
„привозятъ товары чужеземные,
„и народъ съ радостными воскли-
„цаніями привѣтствуетъ гостей
„(*) иностранныхъ! Рускіе счита-
„ютъ язвы свои: Новогородцы счи-
„таютъ златыя монеты. Рускіе
„въ узахъ: Новогородцы славятъ
„вольность свою!

„Вольность! . . . но вы также раб-
„ствуете. Народъ! я говорю съ то-
„бою. Бояре честолюбивые, уни-
„чтоживъ власть Государей, сами
„овладѣли ею. Вы повинуетесь —
„ибо народъ всегда повиноваться
„долженъ — но только не священ-
„ной крови Рюрика, а купцамъ бо-
„гатымъ. О стыдъ! потомки Сла-
„вянъ цѣнятъ златомъ права Вла-
„стителей! Роды Княжескіе, из-
„древле именитые, возвысились
„дѣлами храбрости и славы: ваши
„Посадники, Тысяцкіе, Люди Жи-

(*) То есть, купцовъ.

„тые, обязаны своимъ достоин-
„ствомъ благопріятному вѣтру и
„хитростямъ корыстолюбія. При-
„выкшіе къ выгодамъ торговли,
„торгуютъ и благомъ народа; кто
„имъ обѣщаетъ злато, тому они
„васъ обѣщаютъ. Такъ, извѣстны
„Князю Московскому ихъ друже-
„ственныя, тайныя связи съ Лит-
„вою и Казимиромъ. Скоро, скоро
„вы соберетесь на звукъ *Вечеваго*
„*колокола*, и надменный Полякъ
„скажетъ вамъ на лобномъ мѣстѣ:
„*вы рабы мои!* . . . Но Богъ и ве-
„ликій Іоаннъ еще о васъ пекутся.

„Новогородцы! земля Руская вос-
„кресаетъ. Іоаннъ возбудилъ отъ
„сна древнее мужество Славянъ,
„ободрилъ унылое воинство, и бе-
„рега Камы были свидѣтелями по-
„бѣдъ нашихъ. Дуга мира и завѣ-
„та возсіяла надъ могилами Кня-
„зей Георгія, Андрея, Михаила.
„Небо примирилось съ нами, и ме-
„чи Татарскіе иступились. Наста-

,,то время мести, время славы и тор-
,,жества Христіянскаго. Еще ударъ
,,послѣдній не совершился; но Іоаннъ,
,,избранный Богомъ, не опуститъ
,,державной руки своей, доколѣ не со-
,,крушитъ враговъ и не смѣшаетъ
,,ихъ праха съ земною перстію.
,,Димитрій, поразивъ Мамая, не
,,освободилъ Россіи: Іоаннъ все
,,предвидитъ; и зная, что раздѣле-
,,ніе государства было виною бѣд-
,,ствій его, онъ уже соединилъ всѣ
,,Княжества подъ своею державою,
,,и признанъ Властелиномъ земли
,,Руской. Дѣти отечества, послѣ
,,горестной долговременной разлу-
,,ки, объемлются съ веселіемъ предъ
,,очами Государя и мудраго отца
,,ихъ.

,,Но радость его не будетъ со-
,,вершенна, доколѣ Новгородъ, древ-
,,ній, великій Новгородъ, не возвра-
,,тится подъ сѣнь отечества. Вы
,,оскорбляли его предковъ: онъ все
,,забываетъ, естьли ему покори-

„тесь. Іоаннъ, достойный владѣть
„міромъ, желаетъ только быть
„Государемъ Новогородскимъ! . . .
„Вспомните, когда онъ былъ мир-
„нымъ гостемъ посреди васъ;
„вспомните, какъ вы удивлялись
„его величію, когда онъ, окружен-
„ный своими вельможами, шелъ по
„стогнамъ Новаграда въ домъ Яро-
„славовъ; вспомните, съ какимъ
„благоволеніемъ, съ какою мудро-
„стію онъ бесѣдовалъ съ вашими
„Боярами о древностяхъ Новаго-
„родскихъ, сидя на поставленномъ
„для него тронѣ близь мѣста Рю-
„рикова, откуда взоръ его обни-
„малъ всѣ *Концы* града и веселыя
„окрестности; вспомните, какъ
„вы единодушно восклицали: *Да
„здравствуетъ Князь Московскій,
„великій и мудрый!* Такому ли Го-
„сударю не славно повиноваться,
„и для того единственно, чтобы
„вмѣстѣ съ нимъ совершенно осво-
„бодить Россію отъ ига варваровъ?

„Тогда Новгородъ еще болѣе укра-
„сится и возвеличится въ мірѣ.
„Вы будете *первыми* сынами Рос-
„сіи: здѣсь Іоаннъ поставитъ тронъ
„свой и воскреситъ щастливыя
„времена, когда не шумное *Вече*,
„но Рюрикъ и Ярославъ судили
„васъ какъ отцы дѣтей, ходили по
„стогнамъ и вопрошали бѣдныхъ,
„не угнетаютъ ли ихъ богатые?
„Тогда бѣдные и богатые равно бу-
„дутъ щастливы, ибо всѣ поддан-
„ные равны предъ лицемъ Владыки
„самодержавнаго.

„Народъ и граждане! да вла-
„ствуетъ Іоаннъ въ Новѣгородѣ,
„какъ онъ въ Москвѣ властвуетъ!
„или — внимайте его послѣднему
„слову — или храброе воинство,
„готовое сокрушить Татаръ, въ
„грозномъ ополченіи явится преж-
„де глазамъ вашимъ, да усмиритъ
„мятежниковъ! . . . Миръ или вой-
„на? отвѣтствуйте!“

Съ симъ словомъ Бояринъ Іоан-

/новѣ надѣлъ шлемъ, и сошелъ съ лобнаго мѣста.

Еще продолжается молчаніе. Чиновники и граждане въ изумленіи. Вдругъ колеблются толпы народныя, и громко раздаются восклицанія: *Мареа! Мареа!* Она всходитъ на желѣзныя ступени, тихо и величаво; взираетъ на безчисленное собраніе гражданъ, и безмолвствуетъ.... Важность и скорбь видны на блѣдномъ лицѣ ея.... Но скоро осѣненный горестію взоръ блеснулъ огнемъ вдохновенія; блѣдное лице покрылось румянцемъ, и Мареа вѣщала:

„Вадимъ! Вадимъ! здѣсь лилась „священная кровь твоя: здѣсь при„зываю Небо и тебя во свидѣтели, „что сердце мое любитъ славу „отечества и благо согражданъ; „что скажу истину народу Ново„городскому, и готова запечат„лѣть се моею кровію. Жена дер„заетъ говорить на Вечѣ: но пред-

„ки мои были друзья Вадимовы; я „родилась въ станѣ воинскомъ подъ „звукомъ оружія; отецъ, супругъ „мой погибли, сражаясь за Новго„родъ. Вотъ право мое быть за„щитницею вольности! оно купле„но цѣною моего щастія. . . .“

*Говори, славная дочь Новаграда!* воскликнулъ народъ единогласно — и глубокое безмолвіе снова изъявило его вниманіе.

„Потомки Славянъ великодуш„ныхъ! васъ называютъ мятежни„ками! . . За то ли, что вы подъ„яли изъ гроба славу ихъ? Они бы„ли свободны, когда текли съ во„стока на западъ избрать себѣ жи„лище во вселенной, свободны по„добно орламъ, парившимъ надъ „ихъ головою въ обширныхъ пусты„няхъ древняго міра. . . Они утвер„дились на красныхъ берегахъ Иль„меня, и все еще служили одному „Богу. Когда Великая Имперія (*),

(*) Римская.

„какъ ветхое зданіе, сокрушалась „подъ сильными ударами дикихъ „Героевъ Сѣвера; когда Готѳы, Ван„далы, Эрулы и другія племена „Скиѳскія искали вездѣ добычи, „жили убійствами и грабежемъ, „тогда Славяне имѣли уже селе„нія и города, обработывали землю, „наслаждались пріятными искус„ствами мирной жизни, но все еще „любили независимость. Подъ сѣ„нію дерева чувствительный Сла„вянинъ игралъ на струнахъ изоб„рѣтеннаго имъ мусикійскаго орудія „(*), но мечь его висѣлъ на вѣть„вяхъ, готовый наказать хищника и „тирана. Когда Боянъ, Князь Авар„скій, страшный для Императоровъ „Греціи, потребовалъ, чтобы Сла„вяне ему поддалися, они гордо и „спокойно отвѣтствовали: *Никто* „*во вселенной не можетъ поработить*

(*) См. Византійскихъ Историковъ, Ѳеофилакта и Ѳеофана.

*„нась, доколѣ не выдуть изь упо-*
*„требленія мечи и стрѣлы* (*)!...
„О великія воспоминанія древности!
„вы ли должны склонить насъ къ
„рабству и къ узамъ?

„Правда, съ теченіемъ времень
„родились въ душахъ новыя стра-
„сти; обычаи древніе, спаситель-
„ные, забывались, и неопытная
„юность презирала мудрые совѣ-
„ты старцевъ: тогда Славяне при-
„звали къ себѣ знаменитыхъ храб-
„ростію Князей Варяжскихъ, да
„повелѣваютъ юнымъ, мятежнымъ
„воинствомъ. Но когда Рюрикъ за-
„хотѣлъ самовольно властвовать,
„гордость Славянская ужаснулась
„своей неосторожности, и Вадимъ
„*храбрый* звалъ его предъ судъ на-
„рода. *Мечь и боги да будуть на-
„шими судіями!* отвѣтствовалъ
„Рюрикъ — и Вадимъ палъ отъ ру-
„ки его, сказавъ: *Новогородцы! на*

(*) См. Менандера.

*„мѣсто, обагренное моею кровїю, „приходите оплакивать свое нераз- „умїе—и славить вольность, когда „она со торжествомо явится снова „во стѣнахо вашихо....* Исполни- „лось желанiе великаго мужа: на- „родъ собирается на священной „могилѣ его, свободно и независимо „рѣшить судьбу свою.

„Такъ, кончина Рюрика — да „отдадимъ справедливость сему „знаменитому Витязю! — мудраго „и смѣлаго Рюрика, воскресила сво- „боду Новогородскую. Народъ, из- „умленный его величiемъ, невольно „и смиренно повиновался; но ско- „ро, не видя уже Героя, пробудил- „ся отъ глубокаго сна, и Олегъ, „испытавъ многократно его упор- „ную непреклонность, удалился „отъ Новагорода съ воинствомъ „храбрыхъ Варягъ и Славянскихъ „юношей, искать побѣды, данни- „ковъ и рабовъ между другими „Скиѳскими, менѣе отважными и

„гордыми племенами. Съ того вре-
„мени Новгородъ признавалъ въ
„Князьяхъ своихъ единственно пол-
„ководцевъ и военачальниковъ: на-
„родъ избиралъ власти граждан-
„скія, и повинуясь имъ, повиновал-
„ся уставу воли своей. Въ Кіевля-
„нахъ и другихъ Россіянахъ отцы
„наши любили кровь Славянскую,
„служили имъ какъ друзьямъ и
„братьямъ, разили ихъ непріяте-
„лей и вмѣстѣ съ ними славились
„побѣдами. Здѣсь провелъ юность
„свою Владиміръ; здѣсь, среди при-
„мѣровъ народа великодушнаго,
„образовался великій духъ его;
„здѣсь мудрая бесѣда старцевъ на-
„шихъ возбудила въ немъ желаніе
„вопросить всѣ народы земные о
„таинствахъ Вѣры ихъ, да от-
„кроется истина ко благу людей;
„и когда, убѣжденный въ свято-
„сти Христіянства, онъ принялъ
„его отъ Грековъ, Новогородцы,
„разумнѣе другихъ племенъ Сла-

„вянскихъ, изъявили и болѣе рев-
„ности къ новой истинной Вѣрѣ.
„Имя Владиміра священно въ Новѣ-
„городѣ; священна и любезна па-
„мять Ярослава: ибо онъ первый
„изъ Князей Рускихъ утвердилъ
„законы и вольность Великаго гра-
„да. Пусть дерзость называетъ
„отцевъ нашихъ неблагодарными,
„за то, что они отражали власто-
„любивыя предпріятія его потом-
„ковъ! Духъ Ярославовъ оскорбился
„бы въ небесныхъ селеніяхъ, есть-
„ли бы мы не умѣли сохранить
„древнихъ правъ, освященныхъ его
„именемъ. Онъ любилъ Новогород-
„цевъ, ибо они были свободны; ихъ
„признательность радовала его
„сердце, ибо только души благо-
„родныя могутъ быть признатель-
„ными: рабы повинуются и нена-
„видятъ! Нѣтъ, благодарность на-
„ша торжествуетъ, доколѣ народъ
„во имя отечества собирается
„предъ домомъ Ярослава, и смотря

,,на сіи древнія стѣны, говоритъ ,,съ любовію: *тамъ жилъ другъ нашъ!*

,,Князь Московскій укоряетъ тебя, Новгородъ, самымъ твоимъ ,,благоденствіемъ — и въ сей винѣ ,,не можемъ оправдаться! Такъ конечно: цвѣтутъ области Новогородскія, поля златятся класами, ,,житницы полны, богатства льются къ намъ рѣкою; Великая *Ганза* (*) гордится нашимъ союзомъ; ,,чужеземные гости ищутъ дружбы нашей, удивляются славѣ Великаго града, красотѣ его зданій, ,,общему избытку гражданъ, и, возвратясь въ страну свою, говорятъ: *мы видѣли Новгородъ, и ,,ничего подобнаго ему не видали!* ,,Такъ конечно: Россія бѣдствуетъ ,,— ея земля обагряется кровію,

(*) Союзъ вольныхъ Нѣмецкихъ городовъ, который имѣлъ свои конторы въ Новѣгородѣ.

„веси и грады опустѣли, люди „какъ звѣри въ лѣсахъ укрываются; отецъ ищетъ дѣтей и не находитъ; вдовы и сироты просятъ „милостыни на распутіяхъ. Такъ, „мы щастливы — и виновны, ибо „дерзнули повиноваться законамъ „своего блага, дерзнули не участвовать въ междоусобіяхъ Князей, „дерзнули спасти имя Руское отъ „стыда и поношенія, не принять „оковъ Татарскихъ и сохранить драгоцѣнное достоинство народное!

„Не мы, о Россіяне нещастные, „но всегда любезные намъ братья! „не мы, но вы насъ оставили, когда пали на колѣна предъ гордымъ „Ханомъ и требовали цѣпей для „спасенія поносной жизни; когда „свирѣпый Батый, видя свободу „единаго Новаграда, какъ яростный „левъ устремился растерзать его „смѣлыхъ гражданъ; когда отцы „наши, готовясь къ славной битвѣ, „острили мечи на стѣнахъ своихъ

,,— безъ робости: ибо знали, что
,,умрутъ, а не будутъ рабами!...
,,Напрасно, съ высоты башенъ,
,,взоръ ихъ искалъ вдали друже-
,,ственныхъ легіоновъ Рускихъ, въ
,,надеждѣ, что вы захотите въ по-
,,слѣдній разъ и въ послѣдней стра-
,,дѣ Руской вольности еще сра-
,,зиться съ невѣрными! Однѣ роб-
,,кія толпы бѣглецовъ являлись на
,,путяхъ Новаграда; не стукъ ору-
,,жія, а вопль малодушнаго отчая-
,,нія былъ вѣстникомъ ихъ прибли-
,,женія; онѣ требовали не стрѣлъ
,,и мечей, а хлѣба и крова!... Но
,,Батый, видя отважность свобод-
,,ныхъ людей, предпочелъ безопас-
,,ность свою злобному удовольствію
,,мести. Онъ спѣшилъ удалиться-
,,ся!... Напрасно граждане Ново-
,,городскіе молили Князей восполь-
,,зоваться такимъ примѣромъ и об-
,,щими силами, съ именемъ Бога Ру-
,,скаго, ударить на варваровъ: Князья
,,платили дань и ходили въ станъ

„Татарскій обвинять другъ друга
„въ замыслахъ противъ Батыя; ве-
„ликодушіе сдѣлалось предметомъ
„доносовъ, къ нещастію ложныхъ! ...
„И естьли имя побѣды въ теченіе
„двухъ столѣтій сохранилось еще
„въ языкѣ Славянскомъ, то не громъ
„ли Новогородскаго оружія напо-
„миналъ его землѣ Руской? не отцы
„ли наши разили еще враговъ на
„берегахъ Невы? . . . Воспоминаніе
„горестное! Сей Витязь добродѣ-
„тельный, драгоцѣнный остатокъ
„древняго геройства Князей Варяж-
„скихъ, заслуживъ имя безсмерт-
„ное съ вѣрною Новогородскою дру-
„жиною, храбрый и щастливый ме-
„жду нами, оставилъ здѣсь и славу
„и щастіе, когда предпочелъ имя
„Великаго Князя Россіи имени Но-
„вогородскаго Полководца: не вели-
„чіе, но униженіе и горесть ожи-
„дали Александра во Владимірѣ —
„и тотъ, кто на берегахъ Невы
„давалъ законы храбрымъ Лифлянд-

„скимъ Рыцарямъ, долженъ былъ
„упасть къ ногамъ Сарпака.

„Іоаннъ желаетъ повелѣвать Ве-
„ликимъ градомъ: не удивительно!
„онъ собственными глазами видѣлъ
„славу и богатство его. Но всѣ на-
„роды земные и будущія столѣтія
„не престали бы дивиться, естьли
„бы мы захотѣли ему повиноваться-
„ся. Какими надеждами онъ мо-
„жетъ обольстить насъ? Одни не-
„щастные легковѣрны; одни не-
„щастные желаютъ перемѣнъ —
„но мы благоденствуемъ и свобод-
„ны! благоденствуемъ отъ того,
„что свободны! Да молитъ Іоаннъ
„Небо, чтобы Оно во гнѣвѣ Своемъ
„ослѣпило насъ: тогда Новгородъ
„можетъ возненавидѣть щастіе и
„пожелать гибели; но доколѣ ви-
„димъ славу свою и бѣдствія Кня-
„жествъ Рускихъ, доколѣ гордимся
„сю и жалѣемъ объ нихъ, дотолѣ
„права Новогородскія всего святѣе
„намъ по Богѣ.

„Я не дерзну оправдывать васъ, „мужи избранные общею довѣренностію для правленія! клевета въ „устахъ властолюбія и зависти недостойна опровержения. Гдѣ страна цвѣтетъ и народъ ликуетъ, „тамъ правители мудры и добродѣтельны. Какъ! вы торгуете „благомъ народнымъ? но могутъ ли „всѣ сокровища міра замѣнить вамъ „любовь соградданъ вольныхъ? Кто „узналъ ея сладость, тому чего „желать въ мірѣ? развѣ послѣдняго щастія умереть за отечество!

„Несправедливость и властолюбіе Іоанна не затмѣваютъ въ глазахъ нашихъ его похвальныхъ „свойствъ и добродѣтелей. Давно „уже молва народная извѣстила „насъ о его величіи, и люди вольные желали имѣть гостемъ Самовластителя; искренніи сердца „ихъ свободно изливались въ радо-

„стныхъ восклицаніяхъ при его
„торжественномъ въѣздѣ. Но знаки
„усердія нашего конечно обманули
„Князя Московскаго: мы хотѣли
„изъявить ему пріятную надежду,
„что рука его свергнетъ съ Россіи
„иго Татарское: онъ вздумалъ, что
„мы требуемъ отъ него уничто-
„женія нашей собственной воль-
„ности! Нѣтъ, нѣтъ! да будетъ
„великъ Іоаннъ, но да будетъ ве-
„ликъ и Новгородъ! Да славится
„Князь Московскій истребленіемъ
„враговъ Христіанства, а не дру-
„зей и не братій земли Руской,
„которыми она еще славится въ
„мірѣ! Да прерветъ оковы ея, не
„возлагая ихъ на добрыхъ и свобод-
„ныхъ Новогородцевъ! Еще Ахматъ
„дерзаетъ называть его своимъ
„данникомъ: да идетъ противъ Мон-
„гольскихъ варваровъ, и вѣрная
„дружина наша откроетъ ему
„путь къ стану Ахматову! Когда
„же сокрушитъ врага, тогда мы

„скажемъ ему:“ Іоаннъ! ты возвратилъ землѣ Руской честь и свободу, которыхъ мы никогда не теряли. Владѣй сокровищами, найденными тобою въ станѣ Татарскомъ: они были собраны съ земли твоей; на нихъ нѣтъ клейма Новогородскаго: мы не платили дани ни Батыю, ни потомкамъ его! Царствуй съ мудростію и славою; залечи глубокія язвы Россіи; сдѣлай подданныхъ своихъ и нашихъ братій щастливыми —- и естьли когда нибудь соединенныя твои Княжества превзойдутъ славою Новгородъ; естьли мы позавидуемъ благоденствію твоего народа; естьли Всевышній накажетъ насъ раздорами, бѣдствіями, униженіемъ: тогда — клянемся именемъ отечества и свободы! — тогда пріидемъ не въ столицу Польскую, но въ царственный градъ Москву, какъ нѣкогда древніе Новогородцы пришли къ храброму Рюрику; и скажемъ — не Ка-

зимиру, но тебѣ: *владѣй нами! мы уже не умѣемъ править собою!*

„Ты содрогаешься, о народъ великодушный!... Да идетъ мимо „насъ сей печальный жребій! Будь „всегда достоинъ свободы, и будешь „всегда свободнымъ! Небеса правосудны и ввергаютъ въ рабство „одни порочные народы. Не страшись угрозъ Іоанновыхъ, когда „сердце твое пылаетъ любовію къ „отечеству и къ святымъ уставамъ „его; когда можешь умереть за „честь предковъ своихъ и за благо „потомства!

„Но естьли Іоаннъ говоритъ „истину; естьли въ самомъ дѣлѣ „гнусное корыстолюбіе овладѣло „душами Новогородцевъ; естьли „мы любимъ сокровища и нѣгу болѣе добродѣтели и славы: то скоро ударитъ послѣдній часъ нашей „вольности, и *Вечевый колоколъ*, „древній гласъ ея, падетъ съ башни Ярославовой и навсегда умолк-

„нетъ!... Тогда, тогда мы позавидуемъ щастію народовъ, которые никогда не знали свободы. „Ея грозная тѣнь будетъ являться намъ подобно мертвецу блѣдному и терзать сердце наше безполезнымъ раскаяніемъ!

„Но знай, о Новгородъ! что съ утратою вольности изсохнетъ и „самый источникъ твоего богатства: она оживляетъ трудолюбіе, „изощряетъ серпы и златитъ нивы; она привлекаетъ иностранцевъ въ наши стѣны съ сокровищами торговли; она же окриляетъ суда Новогородскія, когда „они съ богатымъ грузомъ по волнамъ несутся.... Бѣдность, бѣдность накажетъ недостойныхъ „гражданъ, не умѣвшихъ сохранить „наслѣдія отцевъ своихъ! Померкнетъ слава твоя, градъ Великій; „опустѣютъ многолюдные *Концы* „твои; широкія улицы зарастутъ „травою, и великолѣпіе твое, ис-

„чезнувъ навѣки, будетъ баснею „народовъ. Напрасно любопытный „странникъ среди печальныхъ раз-„валинъ захочетъ искать того мѣ-„ста, гдѣ собиралось Вече, гдѣ „стоялъ домъ Ярославовъ и мра-„морный образъ Вадима: никто ему „не укажетъ ихъ. Онъ задумается „горестно и скажетъ только: здѣсь „*былъ* Новгородъ!"...

Тутъ страшный вопль народа не далъ уже говорить Посадницѣ. „Нѣтъ, нѣтъ! мы всѣ умремъ за „отечество!" восклицаютъ безчисленные голоса: „Новгородъ Госу-„дарь нашъ! да явится Іоаннъ съ „воинствомъ!" Мароа, стоя на Вадимовомъ мѣстѣ, веселится дѣйствіемъ ея рѣчи. Чтобы еще болѣе воспалить умы, она показываетъ цѣпь, гремитъ ею въ рукѣ своей и бросаетъ на землю: народъ въ изступленіи гнѣва попираетъ оковы ногами, взывая: *Новгородъ Государь нашъ! война, война Іоанну!* На-

прасно ПосолЪ Московскій желаетЪ еще говорить именемЪ Великаго Князя и требуетЪ вниманія: дерзкіе подъемлютЪ на него руку, и Мареа должна защитить Боярина. Тогда онЪ извлекаетЪ мечь, ударяетЪ имЪ о подножіе Вадимова образа, и возвысивЪ голосЪ свой, сЪ душевною скорбію произноситЪ: „И такЪ да „будетЪ война между ВеликимЪ „КняземЪ ІоанномЪ и гражданами „Новогородскими! да возвратятся „*клятвенныя письма* (*)! БогЪ да „судитЪ вѢроломныхЪ!“ . . . Мареа вручаетЪ Послу грамоту Іоаннову и принимаетЪ Новогородскую. Она даетЪ ему стражу и *знамя міра*. Народныя толпы передЪ нимЪ разступаются. БояринЪ выходитЪ изЪ града. ТамЪ ожидала его Московская дружина. . . . Мареа, оперлись

(*) Клятвенными письмами назывались дружественные трактаты. При объявленіи войны надлежало всегда возвращать ихЪ.

на образъ Вадимовъ, слѣдуетъ за нимъ взоромъ своимъ. Посолъ Іоанновъ садится на коня, и еще съ горестію взираетъ на Новгородъ. Желѣзные запоры стучатъ на городскихъ воротахъ, и Бояринъ тихо ѣдетъ по Московской дорогѣ, провождаемый своими воинами. Вечерніе лучи солнца угасали на ихъ блестящемъ оружіи.

Мароа вздохнула свободно. Видя ужасный мятежъ народа (который, подобно бурнымъ волнамъ, стремился по стогнамъ, и безпрестанно восклицалъ: *Новгородъ Государь нашъ! смерть врагамъ его!*) внимая грозному набату, который гремѣлъ во всѣхъ пяти Концахъ города (въ знакъ объявленія войны), сія величавая жена подъемлетъ руки къ Небу, и слезы текутъ изъ глазъ ея. ,,О тѣнь моего супруга!" тихо вѣщаетъ она съ умиленіемъ: ,,я исполнила клятву свою! Жребій брошенъ: да будетъ, что угодно

„Судьбѣ!"... Она сходитъ съ Вадимова мѣста.

Вдругъ раздается трескъ и громъ на великой площади.... земля колеблется подъ ногами... набатъ и шумъ народный умолкаютъ... всѣ въ изумленіи. Густое облако пыли закрываетъ отъ глазъ домъ Ярослава и лобное мѣсто... Сильный порывъ вѣтра разноситъ наконецъ густую мглу, и всѣ съ ужасомъ видятъ, что высокая башня Ярославова, новое гордое зданіе народнаго богатства, пала съ *Вечевымъ колоколомъ* и дымится въ своихъ развалинахъ (*).... Пораженные симъ явленіемъ, граждане безмолвствуютъ... Скоро тишина прерывается голосомъ, внятнымъ, но подобнымъ глухому стону, какъ будто бы исходящему изъ глубокой пещеры: *О Новгородъ! такъ падетъ*

(*) Лѣтописи наши говорятъ о паденіи новой колокольни и ужасѣ народа.

*слава твоя! такъ исчезнетъ твое величіе!* . . . Сердца ужаснулись. Взоры устремились на одно мѣсто; но слѣдъ голоса исчезъ въ воздухѣ вмѣстѣ съ словами: напрасно искали, напрасно хотѣли знать, кто произнесъ ихъ. Всѣ говорили: *мы слышали!* никто не могъ сказать, отъ кого? Именитые Чиновники, устрашенные народнымъ впечатлѣніемъ болѣе, нежели самымъ происшествіемъ, всходили одинъ за другимъ на Вадимово мѣсто и старались успокоить гражданъ. Народъ требовалъ мудрой, великодушной, смѣлой Мареы: посланные нигдѣ не могли найти ее.

Между тѣмъ настала бурная ночь. Засвѣтились факелы: сильный вѣтеръ безпрестанно задувалъ ихъ; безпрестанно надлежало приносить огонь изъ домовъ сосѣдственныхъ. Но Тысяцкіе и Бояре ревностно трудились съ гражданами: отрыли *Вечевый колоколъ*

и повѣсили на другой башнѣ. Народъ хотѣлъ слышать священный и любезный звонъ его — услышалъ и казался покойнымъ. Степенный Посадникъ распустилъ *Вече*. Толпы рѣдѣли. Еще друзья и ближніе останавливались на площади и на улицахъ говорить между собою; но скоро настала всеобщая тишина, подобно какъ на морѣ послѣ бури, и самые огни въ домахъ (гдѣ жены Новогородскія съ безпокойнымъ любопытствомъ ожидали отцовъ, супруговъ и дѣтей) одинъ за другимъ погасли.

---

## *КНИГА ВТОРАЯ.*

Въ густотѣ дремучаго лѣса, на берегу великаго озера Ильменя, жилъ мудрый и благочестивый отшельникъ Ѳеодосій, дѣдъ Мареы Посадницы, нѣкогда знатнѣйшій изъ

Бояръ Новогородскихъ. Онъ семдесять лѣтъ служилъ отечеству: мечемъ, совѣтомъ, добродѣтелію, и наконецъ захотѣлъ служить Богу единому въ тишинѣ пустыни; торжественно простился съ народомъ на Вечѣ, видѣлъ слезы добрыхъ согражданъ, слышалъ сердечныя благословенія за долговременную Новогородскую вѣрность его, самъ плакалъ отъ умиленія и вышелъ изъ града. Златая медаль его висѣла въ Софійской церкви, и всякій новый Посадникъ украшался сю въ день избранія.

Уже давно онъ жилъ въ пустынѣ, и только два раза въ годъ могла приходить къ нему Марѳа, бесѣдовать съ нимъ о судьбѣ Новагорода или о радостяхъ и печаляхъ ея сердца. Сошедши съ Вадимова мѣста при звукѣ набата, она спѣшила къ нему съ юнымъ Мірославомъ(*),

(*) Въ Новѣгородѣ было еще обыкновеніе называться древними Славянски-

и нашла его стоящаго на коленяхъ предъ уединенною хижиною: онъ совершалъ вечернее моленіе. „Молись, добродетельный старецъ!" сказала она: „буря угрожаетъ отечеству." — *Знаю*, ответствовалъ пустынникъ, и съ горестію указалъ рукою на небо (*). Густая туча висела и волновалась надъ Новымградомъ; изъ глубины ея сверкали красныя молніи и вылетали шары огненные. Станицы плотоядныхъ врановъ парили надъ златыми крестами храмовъ, какъ будто бы въ ожиданіи скорой добычи. Между темъ лютые звери страшно выли во мраке леса, и древнія сосны, ударяясь ветьвями одна объ другую, трещали на корняхъ своихъ....

ми именами. Такъ, на примеръ, летописи сохранили намъ имя Ратьміра, одного изъ товарищей Александра Невскаго.

(*) Въ старину хотели всегда читать на небе предстоящую гибель людей.

Мареа твердымъ голосомъ сказала пустыннику: ,,Когда бы все небо за- ,,пылало и земля какъ море восколе- ,,балась подъ моими ногами, и то- ,,гда бы сердце мое не устрашилось: ,,естьли Новугороду должно погиб- ,,нуть, то могу ли думать о жиз- ,,ни своей?" Она извѣстила его о происшествіи. Ѳеодосій обнялъ ее съ горячностію. ,,Великая дочь мо- ,,его сына!" вѣщалъ онъ съ умиле- ніемъ: ,,послѣдняя отрасль нашего ,,славнаго рода! въ тебѣ пылаетъ ,,кровь Молинскихъ: она не совсѣмъ ,,охладѣла и въ моемъ сердцѣ, из- ,,нуренномъ лѣтами; посвятивъ его ,,Небу, еще люблю славу и воль- ,,ность Новаграда. . . Но слабая ру- ,,ка человѣческая отведетъ ли со- ,,крушительные удары всевышней ,,Десницы? Душа моя содрогается: ,,я предвижу бѣдствія! . ." Судьба людей и народовъ есть тайна Провидѣнія (отвѣтствуетъ Мареа): но дѣла зависятъ отъ насъ единствен-

но, и сего довольно. Сердца граждан въ рукѣ моей: они не покорятся Іоанну, и душа моя торжествуетъ! Самая опасность веселитъ ее... Чтобы не укорять себя въ будущемъ, потребно только дѣйствовать благоразумно въ настоящемъ, избирать лучшее и спокойно ожидать слѣдствій... Многочисленное воинство соберется, готовое отразить врага; но должно поручить его вождю надежному, смѣлому, рѣшительному. Исаакъ Борецкій (*) во гробѣ; въ сынахъ моихъ нѣтъ духа воинскаго; я воспитала ихъ усердными гражданами: они могутъ умереть за отечество, но единое Небо вливаетъ въ сердца то пламенное геройство, которое повелѣваетъ рокомъ въ день битвы. — „Развѣ мало славныхъ витязей въ Новѣградѣ?" сказалъ Ѳеодосій: „ужасъ Лифляндіи, Георгій

(*) Мужъ ея.

*смѣлый*"...—Преселился къ отцамъ своимъ.—„Побѣдитель Витофина, Владимиръ *знаменитый*"... —Онъ старости мечь выпалъ изъ руки его.—„Михаилъ *храбрый*"... —Онъ врагъ Іосифа Дѣлинскаго и Борецкихъ: можетъ ли быть другомъ отечества?— „Димитрій *сильный*"...— Сильна рука его, но сердце коварно: онъ встрѣтилъ за городомъ Посла Іоаннова и тайно говорилъ съ нимъ.—„Кшожъ будетъ главою войска и щитомъ Новаграда?"—Сей юноша! отвѣтствуетъ Посадница, указавъ на Мирослава... Онъ снялъ пернатый шлемъ съ головы своей; заря вечерняя и блескъ молніи освѣщали величественную красоту его. Ѳеодосій смотрѣлъ съ удивленіемъ на юношу.

„Никто не знаетъ его родителей," говоритъ Марѳа: „онъ былъ найденъ въ пеленахъ на желѣзныхъ ступеняхъ Вадимова мѣста, и вос-

питанъ въ училищѣ Ярослава (*); рано удивлялъ старцевъ своею мудростiю на Вечахъ, а Витязей храбростiю въ битвахъ. Исаакъ Борецкiй умеръ въ его объятiяхъ. Всякой разъ, когда я встрѣчалась съ нимъ на стогнахъ града, сердце мое влеклось дружбою къ юношѣ, и взоръ мой невольно за нимъ слѣдовалъ. Онъ сирота въ мiрѣ; но Богъ любитъ сирыхъ, а Новгородъ великодушныхъ. Ихъ именемъ ставлю юношу на степень величiя; ихъ именемъ вручаю ему судьбу всего, что для меня драгоцѣннѣе въ свѣтѣ: вольности и Ксенiи! Такъ, онъ будетъ супругомъ моей любезнѣйшей дочери! Тотъ, кто опаснымъ и великимъ саномъ вождя обратитъ на себя всѣ стрѣлы и копья самовластiя, мною раздраженнаго, не долженъ быть чуждымъ роду Бо-

(*) Такъ называлось всегда главное училище въ Новѣгородѣ (говоритъ Авторъ).

рецкихъ и крови моей.... Я изумила благородное и чувствительное сердце юноши: онъ клянется побѣдою или смертію оправдать меня въ глазахъ согражданъ и потомства. Благослови, мужъ святой и добродѣтельный, волю нѣжной матери, которая болѣе Ксеніи любитъ одно отечество! Сей союзъ достоинъ твоей правнуки: онъ заключается въ день рѣшительный для Новаграда и соединяетъ ея жребій съ его жребіемъ. Супругъ Ксеніи есть или будущій спаситель отечества или обреченная жертва свободы!" —- Өеодосій обнялъ юношу, называя его сыномъ своимъ. Они вошли въ хижину, гдѣ горѣла лампада. Старецъ дрожащею рукою снялъ булатный мечь, на стѣнѣ висѣвшій, и вручая его Мірославу, сказалъ: „Вотъ послѣдній остатокъ мірской славы въ жилищѣ отшельника! Я хотѣлъ сохранить его до гроба, но отдаю тебѣ:

Ратьмiръ, предокъ мой, изобразилъ на немъ златыми буквами слова: *никогда врагу не достанется!"*.... Мiрославъ взялъ сей древнiй мечь съ благоговѣнiемъ, и гордо отвѣтствовалъ: *исполню условiе!* — Мароа долго еще говорила съ мудрымъ Оеодосiемъ о силахъ Князя Московскаго, о вѣрныхъ и невѣрныхъ союзникахъ Новаграда, и сказала наконецъ юношѣ: „Возвратимся; буря утихла. Народъ покоится въ великомъ градѣ; но для сердца моего уже нѣтъ спокойствiя!" Старецъ проводилъ ихъ съ молитвою.

Восходящее солнце озарило первыми лучами своими на лобномъ мѣстѣ Посадницу, окруженную народомъ. Она держала за руку Мiрослава и говорила: „Народъ! сей „Витязь есть Небесный даръ Великому граду. Его рожденiе скры„вается во мракѣ таинства; но „благоволенiе Всевышняго явно озна„меновало юношу. Чѣмъ Небо отли-

,,часть Своихъ избранныхъ, когда ,,сей видъ геройскій, сіе чело гордое, сей взоръ огненный не есть ,,печать любви Его? Онъ питомецъ ,,отечества, и сердце его сильно ,,бьется при имени свободы. Вамъ ,,извѣстны подвиги Міраславовой ,,храбрости.“ . . . (Мароа съ жаромъ и краснорѣчіемъ описала ихъ) . . . ,,Сограждане!“ сказала она въ заключеніе: ,,Кого болѣе всѣхъ долженъ ,,ненавидѣть Князь Московскій, тому болѣе всѣхъ вы можете вѣ- ,,рить: *я признаю Міраслава достой-* ,,*нымъ вождемъ Новогородскимъ!*... ,,Самая цвѣтущая молодость его ,,вселяетъ въ меня надежду: щастіе ласкаетъ юность!“... Народъ поднялъ вверхъ руки: Мірославъ былъ избранъ! . . . *Да здравствуетъ юный вождь силъ Новогородскихъ!* восклицали граждане, и юноша съ величественнымъ смиреніемъ преклонилъ голову. Бояре и Люди Житые осѣнили его своими знаменами.

Іосафъ Дѣлинскій, другъ Марѳы, вручилъ юношѣ златый жезлъ начальства. Старосты пяти Концовъ Новогородскихъ стали предъ нимъ съ сѣкирами, и Тысяцкіе, громогласно объявивъ собраніе войска, на лобномъ мѣстѣ записывали имена гражданъ для всякой тысячи. Димитрій *Сильный* обнималъ Мірослава, называя его своимъ повелителемъ; но Михаилъ *Храбрый*, воинъ суровый, изъявлялъ негодованіе. Народъ, раздраженный его укоризнами, хотѣлъ смирить гордаго; но Марѳа и Дѣлинскій великодушно спасли его: они уважали въ немъ достоинство Витязя и щадили врага личнаго, презирая месть и злобу.

Марѳа отъ имени Новаграда написала убѣдительное и трогательное письмо къ союзной Псковской Республикѣ. „Отцы наши (говорила она) жили всегда въ мирѣ и „дружбѣ; у нихъ было *одно* бѣдствіе и щастіе, ибо они *одно* лю-

,,били и ненавидѣли. Братья по кро-
,,ви Славянской и Вѣрѣ православ-
,,ной, они назывались братьями и
,,по духу народному. Псковитя-
,,нинъ въ Новѣгородѣ забывалъ, что
,,онъ не въ отчизнѣ своей, и давно
,,уже извѣстна пословица въ землѣ
,,Руской: *сердце на Великой* (*),
,,*душа на Волховѣ*. Естьли мы ча-
,,ще могли помогать вамъ, нежели
,,вы намъ; естьли страны дальнія
,,отъ насъ свѣдали имя ваше; есть-
,,ли условія, заключенныя Великимъ
,,Градомъ съ Великою Ганзою, ожи-
,,вили торговлю Псковскую; есть-
,,ли вы заимствовали его спаси-
,,тельные уставы гражданскіе, и
,,естьли ни хищность Татаръ, ни
,,властолюбіе Князей Тверскихъ не
,,повредили вашему благоденствію
,,(ибо щитъ Новаграда осѣнялъ дру-
,,зей его): то хвала единому Небу!
,,Мы не гордимся своими услугами

(*) Имя Псковской рѣки.

„и щастливы только ихъ воспоми-
„наніемъ. Нынѣ, братья, зовемъ
„васъ на помощь къ себѣ, не для
„отплаты за добро Новогородское,
„а для собственнаго вашего блага.
„Когда рука сильнаго сразитъ насъ,
„то и вы не переживете вѣрныхъ
„друзей своихъ. Самая покорность
„не спасетъ вашего бытія народ-
„наго: что нынѣ останется въ умѣ
„самовластителя, то завтра при-
„помнится гражданину на дѣлѣ.—
„Увѣренные въ вашей мудрости и
„любви къ общей славѣ, мы уже
„назначили предъ градомъ мѣсто
„для вѣрной дружины Псковской."
—Чиновники подписали грамоту, и гонецъ немедленно отправился съ нею.

Трубы и литавры возвѣстили на великой площади явленіе гостей иностранныхъ. Музыканты, въ шелковыхъ красныхъ мантіяхъ, шли впереди; за ними граждане десяти вольныхъ городовъ Нѣмецкихъ, по

два въ рядъ, всѣ въ богатой одеждѣ, и несли въ рукахъ, на серебряныхъ блюдахъ, злашые слишки и камни драгоцѣнные. Они приближились къ Вадимову Мѣсту, и поставили блюда на ступени его. *Ратсгерб* города Любека *требовалб слова* — и сказалъ народу: „Граждане и „чиновники! вольные люди Нѣмец„кіе свѣдали, что сильный врагъ „угрожаетъ Новуграду. Мы давно „торгуемъ съ вами и хвалимся вѣр„ностію, славимся пріязнію Новго„родскою; знаемъ благодарность, „умѣемъ помогать друзьямъ въ нуж„дѣ. Граждане и чиновники! пріи„мите усердные дары добрыхъ го„стей иностранныхъ, не столько „для умноженія казны вашей, сколь„ко для нашей чести. Требуемъ еще „отъ васъ оружія и дозволенія сра„жаться подъ знаменами Новгород„скими. Великая Ганза не простила бы намъ, есльли бы мы остались „только свидѣтелями вашихъ опа-

„сностей. Насъ 700 человѣкъ въ „Великомъ Градѣ: всѣ выдемъ въ „поле — и клянемся вѣрностію Нѣ„мецкою, что умремъ или побѣдимъ „съ вами!" — — Народъ съ живѣйшею благодарностію принялъ такіе знаки дружескаго усердія. Самъ Мірославъ роздалъ оружіе гостямъ чужеземнымъ, которые желали составить особенный легіонъ: Мароа назвала его *дружиною великодушныхъ*, и граждане общимъ восклицаніемъ подтвердили сіе имя.

Уже, среди шумныхъ воинскихъ приготовленій, день склонялся къ вечеру — и юная Ксенія, сидя подъ окномъ своего дѣвическаго терема, съ любопытствомъ смотрѣла на движенія народныя: они казались чуждыми ея спокойному, кроткому сердцу!... Злополучная!... Такъ юный, невинный пастырь, еще озаряемый лучами солнца, съ любопытствомъ смотритъ на сверкающую вдали молнію, не зная, что

грозная туча на крыльяхъ бури прямо къ нему стремится, грянетъ и поразитъ его! . . . Воспитанная въ простотѣ древнихъ Рускихъ нравовъ, Ксенія умѣла наслаждаться только одною своею Ангельскою непорочностію, и ничего болѣе не желала; никакое тайное движеніе сердца не давало ей чувствоватъ, что есть на свѣтѣ другое щастіе. Естьли иногда свѣтлый взоръ ея нечаянно устремлялся на юношей Новогородскихъ, то она краснѣлась, не зная причины: стыдливость есть тайна невинности и добродѣтели. Любить мать и свято исполнять ея волю, любить братій и милыми ласками доказывать имъ свою нѣжность, было единственною потребностію сей кроткой души. Но Судьба неисповѣдимая захотѣла ввергнуть ее въ мятежъ страстей человѣческихъ; прелестная какъ роза погибнетъ въ бурѣ, но съ твердостію и вели-

кодушіемъ: она была Славянка! . . . Искра едва на землѣ свѣтится: сильный вѣтеръ развѣваетъ изъ нее пламя.

Отворяется дверь уединеннаго терема, и служанки входятъ съ богатымъ нарядомъ: подаютъ Ксеніи одежду алую, ожерелье жемчужное, серьги изумрудныя; произносятъ имя матери ея, и дочь, всегда послушная, спѣшитъ нарядиться, не зная, для чего. Скоро приходитъ Маръа, смотритъ на Ксенію, смягчается душею и даетъ волю слезамъ материнской горячности. . . . Можетъ быть, тайное предчувствіе въ сію минуту омрачило сердце ея; можетъ быть, милая дочь казалась ей нещастною жертвою, украшенною для олтаря и смерти! Долго не можетъ она говорить, прижимая любезную, спокойную невинность къ пламенной груди своей; наконецъ укрѣпилась силою мужества и сказала:

„Радуйся, Ксенія! сей день есть
„щастливѣйшій въ жизни твоей;
„нѣжная мать избираетъ тебѣ
„супруга, достойнаго быть ея сы-
„номъ!“... Она ведетъ ее въ храмъ
Софійскій.

Уже народъ свѣдалъ о семъ знаменитомъ бракѣ, изъявлялъ радость свою и шумными толпами провожалъ Ксенію, изумленную, встревоженную столь внезапною перемѣною судьбы своей... Такъ юная горлица, воспитанная подъ крыломъ матери, вдругъ видитъ мирное гнѣздо свое разрушенное вихремъ, и сама несется имъ въ неизвѣстное пространство; напрасно хотѣла бы она слабымъ усиліемъ нѣжныхъ крыльевъ своихъ противиться стремленію бури.... Уже Ксенія стоитъ предъ олтаремъ подлѣ юноши; уже совершается обрядъ торжественный; уже она супруга: но еще не взглянула на того, кто долженъ быть отнынѣ властелиномъ

судьбы ея. . . . О слава священныхъ правъ матери и добродѣтельной покорности дѣвъ Славянскихъ! . . . . Самъ Ѳеофилъ (*) благословилъ новобрачныхъ. Ксенія рыдала въ объятіяхъ матери, которая, съ нѣжностію обнимая дочь свою и Мірослава, въ то же время принимала съ величіемъ усердныя поздравленія Чиновниковъ. Іосафъ Дѣлинскій именемъ всѣхъ гражданъ звалъ юношу въ домъ Ярославовъ. „Ты не имѣешь родителей,“ говорилъ онъ: „отече„ство признаетъ тебя великимъ сы„номъ своимъ; и главный защит„никъ правъ Новогородскихъ да жи„ветъ тамъ, гдѣ Князь добродѣтель„ный утвердилъ ихъ своею печатію, „и гдѣ Новгородъ желаетъ нынѣ уго„стить новобрачныхъ!“. . . . *Нѣтъ*, отвѣтствовала Мароа: *еще мечь Іоанновъ не преломился о щитъ Мірослава или не обагрился его кро-*

(*) Тогдашній Епископъ Новогородскій.

*„вїю за Новгородъ! . . . .* и тихо примолвила: *о вѣрный другъ Борецкихъ! хотя въ сей день, въ послѣднїй разъ, да буду матерью, одна среди моего семейства!* —— Она вышла изъ храма съ дѣтьми своими. Чиновники не дерзали слѣдовать за нею, и народъ далъ новобрачнымъ дорогу; жены знаменитыя усыпали ее цвѣтами до самыхъ воротъ Посадницы. Мїрославъ велъ нѣжную, томную Ксенїю (и Новгородъ никогда еще не видалъ столь прелестной четы) —— впереди Мареа —— за нею два сына ея. Музыканты чужеземные шли вдали, играя на своихъ гармоническихъ орудїяхъ. Граждане забыли опасность и войну; веселїе сїяло на лицахъ; и всякой отецъ, смотря на величественнаго юношу, гордился имъ какъ сыномъ своимъ; и всякая мать, видя Ксенїю, хвалилась ею какъ милою своею дочерью. Мареа веселилась усердїемъ народнымъ:

облако всегдашней задумчивости исчезло въ глазахъ ея; она взирала на всѣхъ съ улыбкою привѣтливой благодарности.

Съ самой кончины Исаака Борецкаго домъ его представлялъ уныніе и пустоту горести: теперь онъ снова украшается коврами драгоцѣнными и богатыми тканями Нѣмецкими; вездѣ зажигаются свѣтильники серебряные, и вѣрные слуги Борецкихъ радостными толпами встрѣчаютъ новобрачныхъ. Мареа садится за столъ, съ дѣтьми своими; ласкаетъ ихъ, цѣлуетъ Ксенію, и всю душу свою изливаетъ въ искреннихъ разговорахъ. Никогда милая дочь ея не казалась ей столь любезною. „Ксенія!" говоритъ она: „нѣжное, кроткое сердце „твое узнаетъ теперь новое щастіе, любовь супружескую, кото„рой всѣ другія чувства уступа„ютъ. Въ ней жена малодушная,

„осужденная рокомъ на однѣ жало-
„бы и слезы въ бѣдствіяхъ, нахо-
„дитъ твердость и рѣшитель-
„ность, которой могутъ завидо-
„вать Герои! . . . О дѣти любезныя!
„теперь открою вамъ тайну моего
„сердца!" . . . Она дала знакъ ру-
кою, и многочисленные слуги уда-
лились. . . . „Было время, и вы по-
„мните его (продолжала Марѳа), ко-
„гда мать ваша жила единственно
„для супруга и семейства въ ти-
„шинѣ дома своего, боялась шума
„народнаго, и только въ храмы свя-
„щенные ходила по стогнамъ; не
„знала ни вольности, ни рабства;
„не знала, повинуясь сладкому за-
„кону любви, что есть другіе за-
„коны въ свѣтѣ, отъ которыхъ за-
„виситъ щастіе и бѣдствіе людей.
„О время блаженное! твои милыя
„воспоминанія извлекаютъ еще нѣж-
„ныя слезы изъ глазъ моихъ! . . Кто
„нынѣ узнаетъ мать вашу? Нѣко-
„гда робкая, боязливая, уединенная,

„съ смѣлою твердостію предсѣ-
„даетъ теперь въ Совѣтѣ Старѣй-
„шинъ, является на лобномъ мѣстѣ
„среди народа многочисленнаго, ве-
„литъ умолкнуть тысячамъ, гово-
„ритъ на Вечѣ, волнуетъ народъ
„какъ море, требуетъ войны и кро-
„вопролитія — та, которую преж-
„де одно имя ихъ ужасало! . . Что жь
„дѣйствуетъ въ душѣ моей? что
„премѣнило ее столь чудесно? Ка-
„кая сила даетъ мнѣ власть надъ
„умами сограждanъ? Любовь! . . .
„одна любовь. . . . къ отцу вашему,
„сему Герою добродѣтели, кото-
„рый жилъ и дышалъ отечествомъ! . .
„Готовый выступить въ поле про-
„тивъ Литовцевъ, онъ казался за-
„думчивымъ, безпокойнымъ; нако-
„нецъ открылъ мнѣ душу свою и
„сказалъ: *Я могу положить голову*
„*въ сей войнѣ кровопролитной; дѣти*
„*наши еще младенцы; съ моею смер-*
„*тію умолкнетъ голосъ Борецкихъ*
„*на Вечѣ, гдѣ онъ издревле славилъ*

,,вольность и воспалялъ любовь къ ,,отечеству. Народъ слабъ и легко-,,мысленъ: ему нужна помощь вели-,,кой души въ важныхъ и рѣшитель-,,ныхъ случаяхъ. Я предвижу опа-,,сности, и всѣхъ опаснѣе для насъ ,,Князь Московскій, который тай-,,но желаетъ покорить Новгородъ. О ,,другъ моего сердца! успокой его! ,,Лѣтописи древнія сохранили име-,,на нѣкоторыхъ великихъ женъ Сла-,,вянскихъ: клянись мнѣ превзойти ,,ихъ! клянись замѣнить Исаака ,,Борецкаго въ народныхъ совѣтахъ, ,,когда его не будетъ на свѣтѣ! ,,клянись быть вѣчнымъ вра-,,гомъ непріятелей свободы Но-,,вогородской: клянись умереть за-,,щитницею правъ ея! и тогда ,,умру спокойно.... Я дала клят-,,ву... Онъ погибъ, вмѣстѣ съ мо-,,имъ щастіемъ... Не знаю, капи-,,лись ли изъ глазъ моихъ слезы на ,,гробъ его: я не о слезахъ думала, ,,но обожавъ супруга, пылала ревно-

„стію воскресить въ себѣ душу „его. Мудрыя преданія древности, „языки чужеземные, лѣтописи на„родовъ вольныхъ, опыты вѣковъ, „просвѣтили мой разумъ. Я гово„рила — и старцы съ удивленіемъ „внимали словамъ моимъ; народъ „добродушный, осыпанный моими „благодѣяніями, любитъ и славитъ „меня; чиновники имѣютъ ко мнѣ „довѣренность, ибо думаю только „о славѣ Новаграда; враги и завист„ники. . . . но я презираю ихъ. Всѣ „видятъ дѣла мои; но вы одни знае„те теперь ихъ тайный источ„никъ. О Ксенія! я могу служить „тебѣ примѣромъ; но ты, юноша, „избранный сынъ моего сердца, же„лай только сравняться съ отцомъ „ея. Онъ любилъ супругу и дѣтей „своихъ; но съ радостію предалъ „бы насъ въ жертву отечеству. „Гордость, славолюбіе, героическая „добродѣтель есть свойство вели„каго мужа; жена слабая бываетъ

„сильна одною любовію; но чув-
„ствуя въ сердцѣ ея небесное вдох-
„новеніе, она можетъ превзойти
„великодушіемъ самыхъ великихъ
„мужей, и сказать року: *не стра-
„шусь тебя!* Такъ Ольга любовію къ
„памяти Игоря заслужила безсмер-
„тіе; такъ Мареа будетъ удивле-
„ніемъ потомства, естьли злосло-
„віе не омрачитъ дѣлъ ея въ лѣто-
„писяхъ!" ...

Она благословила дѣтей, и заключилась въ уединенномъ своемъ теремѣ; но сонъ не смыкалъ глазъ ея. —- Въ самую глубокую полночь Мареа слышитъ тихій стукъ у двери; отворяетъ ее — и входитъ человѣкъ, суроваго вида, въ одеждѣ не-Руской, съ длиннымъ мечемъ Литовскимъ, съ златою на груди звѣздою; едва наклоняетъ свою голову, объявляетъ себя тайнымъ Посломъ Казимира, и представляетъ Мареѣ письмо его. Она съ гордою скромностію отвѣтствуетъ: *жена*

*Новогородская не знаетъ Казимира; я не возьму грамоты.* Хитрый Полякъ хвалитъ Героиню Великаго Града, извѣстную въ самыхъ отдаленныхъ странахъ, уважаемую Царями и народами. Онъ уподобляетъ ее великой дочери Краковой, и называетъ *Новогородскою Вандою* (*).... Мареа внимаетъ ему съ равнодушіемъ. Полякъ описываетъ ей величіе своего Государя, щастіе союзниковъ и бѣдствіе враговъ его... Она съ гордостію садится. „Казимиръ великодушно предлагаетъ Новугороду свое заступленіе," говоритъ онъ: „требуйте, и легіоны Польскіе окружатъ васъ своими щитами!"... Мареа задумалась... Ко- „гда же спасемъ васъ, тогда".... Посадница быстро взглянула на него.... „тогда благодарные Новогородцы должны признать въ Кази-

(*) О сей Королевѣ Польскія лѣтописи разсказываютъ чудеса.

мирѣ своего благотворителя — и властелина, который безъ сомнѣнія не употребитъ во зло ихъ довѣренности“ . . . . *Умолкни!* грозно восклицаетъ Мареа. . . . Изумленный пылкимъ ея гнѣвомъ, Посолъ безмолвствуетъ; но, устыдясь робости своей, возвышаетъ голосъ и хочетъ доказать необходимую гибель Новагорода, естьли Казимиръ не защититъ его отъ Князя Московскаго . . . „Лучше погибнуть „отъ руки Іоанновой, нежели спа„стись отъ вашей!“ съ жаромъ отвѣтствуетъ Мареа: „Когда вы „не были лютыми врагами народа „Рускаго? когда міръ надѣялся на „слово Польское? Давно ли самъ не„вѣрный Амуратъ удивлялся вѣро„ломству вашему (*)? И вы дерзае-

(*) Сіе происшествіе было тогда еще ново. Владиславъ, Король Польскій, едва заключивъ торжественный миръ съ Султаномъ, нечаянно напалъ на его владѣнія.

„те мыслить, что народъ велико-
„душный захочетъ упасть на ко-
„лѣна предъ вами? Тогда бы Іоаннъ
„справедливо укорялъ насъ измѣ-
„ною. Нѣтъ! естьли угодно Небу,
„то мы падемъ съ мечемъ въ рукѣ
„предъ Княземъ Московскимъ: одна
„кровь течетъ въ жилахъ нашихъ;
„Руской можетъ покориться Ру-
„скому, но чужеземцу — никогда,
„никогда! . . . Удались немедленно;
„и естьли восходящее солнце освѣ-
„титъ тебя еще въ стѣнахъ Но-
„вогородскихъ, ты будешь высланъ
„съ безчестіемъ. Такъ, Мароа лю-
„бима народомъ своимъ; но она ве-
„литъ ему ненавидѣть Литву и
„Польшу. . . Вотъ отвѣтъ Казими-
„ру!" — — Посолъ удалился.

На другой день Новгородъ пред-
ставилъ вмѣстѣ и грозную дѣя-
тельность воинскаго стана и вели-
колѣпіе народнаго пиршества, дан-
наго Мароою въ знакъ ея семей-
ственной радости. Стукъ оружія

раздавался на стогнахЪ. Вездѣ являлись граждане вЪ шлемахЪ и вЪ лапахЪ; старцы сидѣли на великой площади и разсказывали о битвахЪ юношамЪ неопытнымЪ, которые вокругЪ ихЪ толпились, и еще вЪ первый разЪ видѣли на себѣ доспѣхи блестящіе. ВЪ то же время безчисленные столы накрывались вокругЪ Мѣста Вадимова: ударили вЪ колоколЪ, и граждане сѣли за нихЪ; воины клали подлѣ себя оружіе, и пировали. Рука изобилія подавала яства. Борецкіе угощали народЪ сЪ восточною роскошію. МірославЪ и Ксенія ходили вокругЪ столовЪ и просили гражданЪ веселиться. Юный полководецЪ ласково говорилЪ сЪ ними; юная супруга его кланялась имЪ привѣтливо. ВЪ сей день Новогородцы составляли одно семейство: Мароа была его матерью. Она садилась за всякимЪ столомЪ, называла гражданЪ своими гостями любезными, служила имЪ, дружески бесѣдовала

съ ними, хотѣла казаться равною со всѣми и казалась Царицею. Громогласныя изъявленія усердія и радости встрѣчали и провожали ее; когда она говорила, всѣ безмолвствовали; когда молчала, всѣ говорить хотѣли, чтобы славить и величать Посадницу. За первымъ столомъ и въ первомъ мѣстѣ сидѣлъ древнѣйшій изъ Новогородскихъ старцевъ, котораго отецъ помнилъ еще Александра Невскаго: внукъ съ сѣдою брадою принесъ его на пиръ народный. Мараа подвела къ нему новобрачныхъ: онъ благословилъ ихъ и сказалъ: *живите мои лѣта, но не переживайте славы Новогородской!...* Сама Посадница налила ему серебряный кубокъ вина Фряжскаго: старецъ выпилъ его, и томная кровь начала быстрѣе въ немъ обращаться. „Мараа!“ говорилъ онъ: „я былъ „свидѣтелемъ твоего славнаго рож„денія на берегу Невы. Храбрый „Молинскій занемогъ въ станѣ: вой-

„ско не хотѣло сражаться до его „выздоровленія. Мать твоя спѣ„шила къ нему изъ Великаго града; „и когда мы разили Нѣмецкихъ Ры„царей — когда родитель твой, „еще блѣдный и слабый, мечемъ „своимъ указывалъ намъ путь къ „ихъ *святому прапору*, ты роди„лась. Первый вопль твой былъ для „насъ гласомъ побѣды; но Молин„скій упалъ мертвый на тѣло Ве„ликаго Магистера Рудольфа, имъ „сраженнаго!.. Финскій волхвъ, „жившій тогда на берегу Невы, „пророчествовалъ, что судьба твоя „будетъ славна, но" ... Старецъ умолкъ. Мареа не хотѣла изъявить любопытства.

Всѣ чиновники вмѣстѣ съ нею и дѣтьми ея служили народу. Гости иностранные украсили Великую Площадь разноцвѣтными пирамидами, изобразивъ на нихъ имена и гербы вольныхъ городовъ Нѣмецкихъ. Вокругъ пирамидъ, въ боль-

шихъ корзинахъ, лежали товары чужеземные: Марѳа дарила ихъ народу. Мраморный образъ Вадимовъ былъ увѣнченъ искусственными лаврами; на щитѣ его вырѣзалъ Дѣлинскій имя Мірослава: граждане, увидѣвъ то, воскликнули отъ радости, и Марѳа съ чувствительностію обняла своего друга. Всѣ Новогородцы ликовали, не думая о будущемъ: одинъ Михаилъ *Храбрый* не хотѣлъ брать участія въ народномъ веселіи, сидѣлъ въ задумчивости подлѣ Вадимовой статуи и въ безмолвіи острилъ мечь на ея подножіи. — Пиршество заключилось ввечеру потѣшными огнями.

Скоро гонецъ возвратился изъ Пскова и на лобномъ мѣстѣ вручилъ грамоту Степенному Посаднику. Онъ читалъ — и съ печальнымъ видомъ отдалъ письмо Марѳѣ. . . „Друзья!" сказала она знаменитымъ гражданамъ: „Псковитяне, „какъ добрые братья, желаютъ Но-

„вугороду щастія—такъ говорятъ „они — только даютъ намъ совѣ„ты, а не войско — и какіе совѣ„ты? ожидать всего отъ Іоанновой „милости!“. . . *Измѣнники!* воскликнули всѣ граждане. *Недостойные!* повторяли гости чужеземные. *Отмстимъ имъ!* говорилъ народъ. *Презрѣніемъ!* отвѣтствовала Марѳа; изорвала письмо, и на отрывкѣ его написала ко Псковитянамъ: *доброму желанію не вѣримъ, совѣтомъ гнушаемся, а безъ войска вашего обойтися можемъ.*

Новгородъ, оставленный союзниками, еще съ большею ревностію началъ вооружаться. Ежедневно отправлялись гонцы въ его области (*), съ повелѣніемъ высылать войско. Жители береговъ Невскихъ, великаго озера Ильменя,

(*) Онѣ назывались Пятинами: Водскою, Обонежскою, Бежецкою, Деревскою, Шелонскою.

Онеги, Мологи, Ловата, Шелоны, одни за другими являлись въ общемъ станѣ, въ который Мірославъ вывелъ гражданъ Новогородскихъ. Усердіе, дѣятельность и воинскій разумъ сего юнаго Полководца удивляли самыхъ опытныхъ Витязей. Онъ встрѣчалъ на конѣ солнце, составлялъ легіоны, пріучалъ ихъ къ стройному шествію, къ быстрымъ движеніямъ и стремительному нападенію, въ присутствіи женъ Новогородскихъ, которыя съ любопытствомъ и тайнымъ ужасомъ смотрѣли на сей образъ битвы. Между станомъ и вратами Московскими возвышался холмъ; туда обращался взоръ Мірослава, какъ скоро порывъ вѣтра разсѣвалъ облака пыли; тамъ стояла обыкновенно, вмѣстѣ съ матерью, прелестная Ксенія, уже страстная, чувствительная супруга. . . . Сердце невинное и скромное любитъ тѣмъ пламеннѣе, когда оно, слѣдуя зако-

ну Божественному и человѣческому, навѣкъ отдается достойному юношѣ. Жены Славянскія издревле славились нѣжностію. Она гордилась Мірославомъ, когда онъ блестящимъ махомъ меча своего приводилъ все войско въ движеніе, леталъ орломъ среди полковъ — восклицалъ, и единымъ словомъ останавливалъ быстрыя тысячи; но чрезъ минуту слезы катились изъ глазъ ея. . . . она спѣшила отирать ихъ съ милою улыбкою, когда мать на нее смотрѣла. Часто Мареа сходила съ высокаго холма и, въ шумномъ замѣшательствѣ, терялась между безчисленными рядами воиновъ.

Пришло извѣстіе, что Іоаннъ уже спѣшитъ къ Великому Граду съ своими храбрыми, опытными легіонами. Еще изъ дальнихъ областей Новогородскихъ, отъ Каргополя и Двины, ожидали войска; но Верховный Совѣтъ далъ Вождю повелѣніе, и Мі-

рославъ сорвалъ покровъ съ *хоругви отечества*.. она возвѣялась, и громкое восклицаніе раздалося : *друзья ! въ поле!* Сердца родителей и супругъ затрепетали. . . . Тысячи колеблются и выступаютъ : первая и вторая состояли изъ знаменитыхъ гражданъ Новогородскихъ и Людей Житыхъ ; одежда ихъ отличалась богатствомъ, оружіе блескомъ, осанка благородствомъ , а сердца пылкостію: каждый изъ нихъ могъ уже славиться дѣлами мужества или почтенными ранами. Михаилъ *Храбрый* шелъ наряду съ другими, какъ простый воинъ. Юный Мірославъ взялъ его за руку , вывелъ впередъ и сказалъ : *Честь Витязей ! повелѣвай сими мужами знаменитыми !* Михаилъ хотѣлъ взглянуть на него съ гордостію ; но взоръ его изъявилъ чувствительность. . . *Юноша, я врагъ Борецкихъ!* . . . „Но другъ славы Новогородской!“ отвѣтствовалъ Мірославъ , и Витязь обнялъ

его, сказавъ: *ты хочешь моей смерти!* За симъ легіономъ шла *дружина великодушныхъ*, подъ начальствомъ Ратсгера Любекскаго. Знамя ихъ изображало двѣ соединенныя руки надъ пылающимъ жертвенникомъ, съ надписью: *дружба и благодарность!* Они, вмѣстѣ съ Новогородцами, составляли *большой полкъ*, Онежцы и Волховцы *передовой*, жители Деревской области *правую*, Шелонскіе *лѣвую руку*, а Невскіе *стражу* (*). Мірославъ велѣлъ войску остановиться на равнинѣ. . . . Мареа явилась посреди его и сказала:

„Храбрые Витязи! въ послѣдній
„разъ да обратятся глаза ваши на
„сей градъ, славный и великолѣп-
„ный: судьба его написана теперь

(*) Такъ раздѣлялись тогда арміи. Большимъ полкомъ назывался главный корпусъ, а стражею или сторожевымъ полкомъ аріергардъ.

,,на щитахъ вашихъ! Мы встрѣ-
,,тимъ васъ со слезами радости или
,,отчаянія, прославимъ Героевъ или
,,устыдимся малодушныхъ. Естьли
,,возвратитесь съ побѣдою, то ща-
,,стливы родители и жены Нового-
,,родскія, которые обнимутъ дѣ-
,,тей и супруговъ; естьли возвра-
,,титесь побѣжденные, то будутъ
,,щастливы сирые, безчадные и
,,вдовицы! . . . Тогда живые позави-
,,дуютъ мертвымъ!

,,О воины великодушные! вы
,,идете спасти отечество и навѣки
,,утвердить благіе законы его; вы
,,любите тѣхъ, съ которыми долж-
,,ны сражаться: но почто же нена-
,,видятъ они величіе Новаграда? От-
,,разите ихъ — и тогда съ радо-
,,стію примиримся съ ними!

,,Грядите — не съ миромъ, но
,,съ войною для мира! Донынѣ Богъ
,,любилъ насъ; донынѣ говорили
,,народы: *кто противъ Бога и вели-*

„*каго Новаграда!* Онъ съ вами: „грядите!“

Заиграли на трубахъ и литаврахъ. Мірославъ вырвался изъ объятій Ксеніи. Мареа, возложивъ руку на юношу, сказала только: *исполни мою надежду.* Онъ сѣлъ на гордаго коня, блеснулъ мечемъ — и войско двинулось, громко взывая: *кто противъ Бога и великаго Новаграда!* Знамена развѣвались, оружіе гремѣло и сверкало, земля стонала отъ конскаго топота — и въ облакахъ пыли сокрылись грозныя тысячи. Жены Новогородскія не могли удержать слезъ своихъ; но Ксенія уже не плакала, и съ твердостію сказала матери: *отнынѣ ты будешь моимъ примѣромъ!*

Еще много жителей осталось въ Великомъ Градѣ; но тишина, которая въ немъ царствуетъ по отходѣ войска, скрываетъ число ихъ. *Торговая сторона* (*) опустѣла: уже

(*) Часть города, гдѣ жили купцы.

иностранные гости не раскладывают тамъ драгоцѣнныхъ своихъ товаровъ для прельщенія глазъ; огромныя хранилища, наполненныя богатствами земли Руской, затворены; не видно никого на *Мѣстѣ Княжескомъ*, гдѣ юноши любили славиться искусствомъ и силою въ разныхъ играхъ богатырскихъ — и Новгородъ, шумный и воинственный за нѣсколько дней предъ тѣмъ, кажется великою обителію мирнаго благочестія. Всѣ храмы отворены съ утра до полуночи: Священники не снимаютъ ризъ, свѣчи не угасаютъ предъ образами, ѳиміамъ безпрестанно курится въ кадилахъ, и молебное пѣніе не умолкаетъ на крилосахъ; народъ толпится въ церквахъ; старцы и жены преклоняютъ колѣна. Робкое ожиданіе, страхъ и надежда, волнуютъ сердца, и люди, встрѣчаясь на стогнахъ, не видятъ другъ друга. . . Такъ народъ дерзко зоветъ къ себѣ

опасности издали; но видя ихъ вблизи, бываетъ робокъ и малодушенъ! Одни Чиновники кажутся спокойными — одна Марѳа тверда душею, дѣятельна въ совѣтѣ, словоохотна на Великой Площади среди гражданъ и весела съ домашними. Юная Ксенія не уступаетъ матери въ знакахъ наружнаго спокойствія, но только не можетъ разлучиться съ нею, укрѣпляясь въ душѣ видомъ ея героической твердости. Онѣ вмѣстѣ проводятъ дни и ночи. Ксенія ходила съ матерью даже въ Совѣтъ Верховный.

Первый гонецъ Мірославовъ нашелъ ихъ въ саду: Ксенія поливала цвѣты — Марѳа сидѣла подъ вѣтвями древняго дуба, въ глубокомъ размышленіи. Мірославъ писалъ, что войско изъявляетъ жаркую ревность; что всѣ именитые Витязи увѣряютъ его въ дружбѣ, и всѣхъ болѣе Димитрій *Сильный;* что Іоаннъ соединилъ полки свои съ Твер-

скими, и приближается; что славный воевода Московскій, Василій Образецъ, идетъ впереди, и что Холмскій есть главный по Князѣ начальникъ. — Вторый гонецъ привезъ извѣстіе, что Новогородцы разбили отрядъ Іоаннова Войска, и взяли въ плѣнъ 50 Московскихъ дворянъ. — Съ третьимъ Мірославъ написалъ только одно слово: *сражаемся.* Тутъ сердце Мароы наконецъ затрепетало: она спѣшила на Великую Площадь, сама ударила въ *Вечевый колоколъ,* объявила гражданамъ о началѣ рѣшительной битвы, стала на Вадимовомъ Мѣстѣ, устремила взоръ на Московскую дорогу и казалась неподвижною. Солнце восходило.... уже лучи его пылали, но еще не было никакого извѣстія. Народъ ожидалъ въ глубокомъ молчаніи, и смотрѣлъ на Посадницу. Уже наступалъ вечеръ. . . и Мароа сказала: „я вижу облака пыли." Всѣ руки поднялися

къ Небу.... Мароа долго не говорила ни слова.... Вдругъ, закрывъ глаза, громко воскликнула: *Мірославъ убитъ! Іоаннъ побѣдитель!* и бросилась въ объятія къ нещастной Ксеніи.

---

## *КНИГА ТРЕТІЯ.*

Мароа съ высокаго Мѣста Вадимова увидѣла разсѣянныя тысячи бѣгущихъ и среди ихъ колесницу, осѣненную знаменами: такъ издревле возили Новогородцы тѣла убитыхъ вождей своихъ....

Безмолвіе мужей и старцевъ въ Великомъ Градѣ было ужаснѣе вопля женъ малодушныхъ.... Скоро Посадница ободрилась и велѣла отпереть врата Московскія. Бѣглецы не смѣли явиться народу, и скрывались въ домахъ. Колесница медленно приближалась къ Великой Площади. Вокругъ ее шли, потупивъ

глаза въ землю — съ горестію, но безъ стыда — Люди Житые и воины чужеземные; кровь запеклась на ихъ оружіи; обломанные щиты, обрубленные шлемы, показывали слѣды безчисленныхъ ударовъ непріятельскихъ. Подъ сѣнію знаменъ, надъ тѣломъ вождя, сидѣлъ Михаилъ *Храбрый*, блѣдный, окровавленный; вѣтеръ развѣвалъ его черные волосы и томная глава склонялась ко груди.

Колесница остановилась на Великой Площади... Граждане обнимали воиновъ; слезы текли изъ глазъ ихъ. Мароа подала руку Михаилу съ видомъ сердечнаго дружелюбія; онъ не могъ итти: чиновники взнесли его на желѣзныя ступени Вадимова Мѣста. Посадница открыла тѣло убитаго Мірослава... на блѣдномъ лицѣ его изображалось вѣчное спокойствіе смерти... *Щастливой юноша!* произнесла она тихимъ голосомъ, и спѣшила внимать

*Храброму* Михаилу. Ксенія обливала слезами хладныя уста своего друга, но сказала матери: „будь покойна: я дочь твоя!“

На щитахъ посадили витязя, отъ ранъ ослабѣвшаго; но онъ собралъ изнуренныя силы, поднялъ томную голову, оперся на мечь свой, и вѣщалъ твердымъ голосомъ:

„Народъ и граждане! разбито „воинство храброе, убитъ полково„децъ великій. Небо лишило насъ „побѣды, — не славы!

„На берегахъ Шелоны мы встрѣ„тились съ Іоанномъ. Его именемъ „Князь Холмскій требовалъ тай„наго свиданія съ Мірославомъ. „*Увидимся на полѣ ратномъ!* от„вѣтствовалъ гордый юноша — и „стройно поставилъ воинство. „Онежцы первые вступили въ бой „на высотахъ Шелонскихъ: тамъ „Образецъ, славный воевода Москов„скій, принялъ ихъ удары на щитъ „свой. . . Мы шли въ срединѣ, ти-

„хо и въ безмолвіи. Мірославъ впе-
„реди наблюдалъ движенія и силу
„враговъ. Воинство Іоанново было
„многочисленнѣе нашего; необозри-
„мые ряды его тѣснились на рав-
„нинѣ. Мы видѣли Князя Москов-
„скаго на бѣломъ конѣ; видѣли,
„какъ онъ распоряжалъ легіоны и
„блестящимъ мечемъ своимъ ука-
„зывалъ на сердце Новогородское,
„на *хоругвь отечества;* видѣли Кня-
„зя Холмскаго, съ сильнымъ отря-
„домъ идущаго окружить насъ...
„Мірославъ повелѣлъ, и Стража
„Невская съ Димитріемъ *Сильнымъ*
„двинулась на встрѣчу къ нему.
„Вѣроломный!... Еще Онежцы и
„Волховцы не могли занять бугровъ
„Шелонскихъ: мечь витязя Образ-
„ца дымился ихъ кровію. Мірославъ,
„пылая нетерпѣніемъ, летѣлъ ту-
„да на бурномъ конѣ своемъ: мы
„взглянули — и знамена Новогород-
„скія уже развѣвались на холмахъ
„— и Волховцы на щитахъ своихъ

„подняли вверхъ тѣло убитаго на-
„чальника Московскаго. Тогда, вос-
„кликнувъ громогласно: *кто противъ*
„*Бога и великаго Новаграда?* всѣ
„ряды наши устремились въ бит-
„ву, и сразились. . . На всей равни-
„нѣ затрещало оружіе, и кровь по-
„лилась рѣкою. Я видалъ битвы,
„но никогда такой не видывалъ.
„Грудь Руская была противъ груди
„Руской, и витязи съ обѣихъ сто-
„ронъ хотѣли доказать, что они
„Славяне. Взаимная злоба братій
„есть самая ужасная!.. Тысячи
„падали; но первые ряды казались
„цѣлы и невредимы: каждый пы-
„лалъ ревностію заступить мѣсто
„убитаго, и безжалостно попиралъ
„ногою трупъ своего брата, чтобы
„только отмстить смерть его. Вои-
„ны Іоанновы стояли твердынею не-
„поколебимою: Новогородскіе стре-
„мились на нихъ какъ бурныя волны.
„Одни сражались за честь, другіе за
„честь и вольность: мы шли впе-

,,редъ!.. за полководцемъ нашимъ, ко-
,,торый искалъ взоромъ Іоанна. Князь
,,Московскій былъ окруженъ знаме-
,,нитыми витязями: Мірославъ раз-
,,сѣкъ сію крѣпкую ограду — под-
,,нялъ руку — и медлилъ. Сильный
,,оруженосецъ Іоанновъ ударилъ его
,,мечемъ въ главу, и шлемъ распал-
,,ся на части: онъ хотѣлъ повто-
,,рить ударъ; но самъ Іоаннъ за-
,,крылъ Мірослава щитомъ своимъ.
,,Опасность вождя удвоила наши
,,силы — и скоро главная дружина
,,Московская замѣшалась. Новогород-
,,цы воскликнули побѣду; но въ то-
,,же мгновеніе имя Іоанново гремѣ-
,,ло за нами... Мы съ удивленіемъ
,,обратили взоръ: Князь Холмскій
,,стылу разилъ лѣвое крыло Ново-
,,городское.... Димитрій измѣнилъ
,,согражданамъ!.. не исполнилъ по-
,,велѣній вождя, завелъ стражу въ
,,непроходимыя блата, не встрѣ-
,,тилъ врага и далъ ему время
,,окружить наше войско. Мірославъ

„спѣшилъ ободрить изумленныхъ
„Шелонцевъ: онъ помогъ имъ толь-
„ко умереть великодушнѣе! Герой
„сражался безъ шлема; но всякій
„усердный воинъ Новогородскій слу-
„жилъ ему щитомъ. Онъ увидѣлъ
„Димитрія среди Московской дру-
„жины — послѣднимъ ударомъ на-
„казалъ измѣнника, и палъ отъ
„руки Холмскаго; но падая на бе-
„регу Шелоны, бросилъ мечь свой
„въ быстрыя воды ея" . . . .

Тутъ ослабѣлъ голосъ Михаила; взоръ помрачился облакомъ; блѣдныя уста онѣмѣли; мечь выпалъ изъ руки его; онъ затрепеталъ — взглянулъ на образъ Вадимовъ, и закрылъ навѣки глаза свои. . . . Чиновники положили тѣло его на колесницу, рядомъ съ Мірославовымъ.

„Народъ!" сказалъ Александръ *Знаменитый*, старшій изъ витязей: „благослови память Михаила! Онъ „вышелъ изъ битвы съ *хоругвію* „*отечества*, съ тѣломъ Мірослава,

„обагренный кровію безчисленныхъ „враговъ и его собственною; со-„бралъ остатки храбрыхъ Людей „Житыхъ, *Дружины Великодуш-„ныхъ*, и въ самомъ бѣдствіи ка-„зался грознымъ Іоанну — враги „видѣли насъ еще не мертвыхъ, и „стояли неподвижно. Радость по-„бѣды изображалась на ихъ лицахъ „вмѣстѣ съ ужасомъ: они купили „ее смертію славнѣйшихъ Москов-„скихъ витязей. Народъ и чинов-„ки! многіе Новогородцы погибли „славно: радуйтесь! нѣкоторые „спаслися бѣгствомъ: презирайте „малодушныхъ! Мы живы, но не „стыдимся! Сочтите знаменитыхъ „гражданъ: ихъ осталось менѣе по-„ловины; всѣ они легли вокругъ „*хоругви отечества.*" — „Сочтите „насъ!" сказалъ начальникъ *Дру-„жины Великодушныхъ*: „изъ семи „сотъ чужеземныхъ братій Новаго-„родскихъ видите третію часть: „всѣ они легли вокругъ Мірослава."

„Убиты ли сыны мои?" спросила Мароа съ нетерпѣніемъ. *Оба*, отвѣтствовалъ Александръ *Знаменитый* (*) съ горестію. „Хвала Небу!" сказала Посадница: „Отцы и „матери Новогородскіе! теперь я „могу утѣшать васъ! . . . Но прежде, о народъ! будь строгимъ, неумолимымъ судьею и рѣши — „судьбу мою! Унылое молчаніе царствуетъ на Великой Площади; я „вижу знаки отчаянія на многихъ „лицахъ. Можетъ быть, граждане „сожалѣютъ о томъ, что они не „упали на колѣна предъ Іоанномъ, „когда Холмскій объявилъ намъ волю его властвовать въ Новѣгородѣ; можетъ быть, тайно обвиняютъ меня, что я хотѣла оживить „въ сердцахъ гордость народную!:.. „Пусть говорятъ враги мои; и „естьли они докажутъ, что сер-

(*) Въ лѣтописяхъ сказано, что сынъ ея Димитрій былъ взятъ въ плѣнъ.

„дца Новогородскія не отвѣтству-
„ютъ моему сердцу; что любовь
„къ свободѣ есть преступленіе для
„гражданки вольнаго отечества:
„то я не буду оправдываться, ибо
„славлюсь моею виною, и съ радо-
„стію кладу голову свою на плаху.
„Пошлите ее въ даръ Іоанну, и
„смѣло требуйте его милости!“...
„Нѣтъ, нѣтъ!“ воскликнулъ на-
родъ въ живѣйшемъ усердіи: „мы
„хотимъ умереть съ тобою! Гдѣ
„враги твои? гдѣ друзья Іоанновы?
„Пусть говорятъ они: мы пошлемъ
„ихъ головы къ Князю Московско-
„му!“ — Отцы, которые лишились
дѣтей въ битвѣ Шелонской, тро-
нутые великодушіемъ Мароы, цѣ-
ловали одежду ея и говорили: *про-
сти намъ! мы плакали!*... Слезы
текли изъ глазъ Мароы. „Народъ!“
сказала она: „съ такою душею ты
„еще не побѣжденъ Іоанномъ! Нѣтъ
„величія безъ опасностей и бѣд-
„ствія: Небо искушаетъ ими лю-

„бимцевъ своихъ. Бывали тучи „надъ Великимъ Градомъ; но отцы „наши не опускали мечей, и мы ро„дились свободными. Издревле ща„стіе воинское славится преврат„ностію. Новгородъ видалъ тѣла „полководцевъ на лобномъ мѣстѣ; „видалъ надменнаго врага предъ „стѣнами своими: ктожъ входилъ „въ нихъ донынѣ? одни друзья его. „Народъ великодушный! будь твердъ „и спокоенъ! Еще не все погибло: „Борецкая жива и говоритъ съ то„бою! Когда желѣзныя ступени „престанутъ звучать подъ ногами „моими; когда взоръ твой въ часъ „рѣшительный напрасно будетъ „искать меня на Вадимовомъ Мѣ„стѣ; когда въ глубокую ночь по„гаснетъ лампада въ моемъ высо„комъ теремѣ и не будетъ уже „для тебя знакомъ, что Марѳа при „свѣтѣ ея мыслитъ о благѣ Нова„града: тогда, тогда скажи: *все „погибло!* . . . Теперь, друзья сограж-

„дане, воздадимъ последнюю честь „вождю Мирославу и витязю Ми„хаилу! Чиновники ваши пекутся „о безопасности града.“—— —— Она дала знакъ рукою, и колесница тронулась. Чиновники и народъ провожали ее до Софійскаго храма. Өеофилъ съ Духовенствомъ встрѣтилъ тѣхъ. Степенный Посадникъ и Тысяцкій положили тѣла во гробы.

Глубокая ночь наступила. Никто не мыслилъ успокоиться въ Великомъ Градѣ. Чиновники поставили стражу и заключились въ домѣ Ярослава для совѣта съ Марөою. Граждане толпились на стогнахъ, и боялись войти въ домы свои — боялись вопля женъ и матерей отчаянныхъ. Утомленные воины не хотѣли отдохновенія; стояли предъ Вадимовымъ Мѣстомъ, облокотясь на щиты свои, и говорили: *побѣжденные не отдыхаютъ!* — Ксенія молилась надъ тѣломъ Мирослава.

На зарѣ утренней раздалось свя-

тое пѣніе въ Софійскомъ храмѣ. Гробы витязей были открыты. Марѳа, Ксенія, старецъ, родитель Михаиловъ, и воины съ окровавленными знаменами окружали ихъ. Горесть изображалась на лицахъ; никто не дерзалъ стенать и плакать. Іосафъ Дѣлинскій именемъ Новаграда положилъ въ гробы *хартію славы!* (*)... ихъ опустили въ землю подъ вѣяніемъ *хоругви отечества*. Посадница стала на могилу; она держала въ рукѣ цвѣты, и говорила: „Честь и слава храбрымъ! „стыдъ и поношеніе робкимъ! „Здѣсь лежатъ знаменитые витязи: совершились ихъ подвиги; они „успокоились въ могилѣ, и ничѣмъ „уже не должны отечеству: но „отечество должно имъ вѣчною благо„дарностію. О воины Новогород-

(*) На сихъ хартіяхъ (говоритъ Авторъ) изображались славныя дѣла усопшаго.

„скіе! кто изъ васъ не позавидуетъ „сему жребію? Храбрые и малодушные умираютъ: блаженъ, о комъ „жалѣютъ вѣрные сограждане, и „чьею смертію они гордятся! Взгляните на сего старца, родителя „Михаилова: согбенный лѣтами и „болѣзнями, безчадный при концѣ „жизни, онъ благодаритъ Небо, ибо „Новгородъ погребаетъ великаго „сына его. Взгляните на сію вдовицу юную: брачное пѣніе соединилось для нее съ гимнами смерти; но она тверда и великодушна, „ибо супругъ ея умеръ за отечество. . . . Народъ! естьли Всевышнему угодно сохранить бытіе „твое; естьли грозная туча разсѣется надъ вами, и солнце озаритъ еще торжество свободы въ „Новѣгородѣ: то сіе мѣсто да будетъ для тебя священно! Жены знаменитыя да украшаютъ его цвѣтами, какъ я теперь украшаю ими „могилу любезнѣйшаго изъ сыновъ

,,моихЪ"... (Мареа разсыпала цвѣты).... ,,и витязя храбраго, нѣ-,,когда врага БорецкихЪ; но тѣнь ,,его примирилась со мною: мы оба ,,любили отечество! . . Старцы, ,,мужи и юноши да славятЪ здѣсь ,,кончину ГероевЪ и да клянутЪ па-,,мять измѣнника Димитрія!".... *Клятва, вѣчная клятва его имени и роду!* воскликнули всѣ чиновники и граждане — и братЪ Димитрія упалЪ мертвый вЪ толпѣ народной — и супруга его отчаянная бросилась вЪ шумную глубину Волхова.

Уже легіоны Іоанновы приближались кЪ Великому Граду, и медленно окружали его: народЪ сЪ высокихЪ стѣнЪ смотрѣлЪ на ихЪ грозныя движенія. Уже бѣлый шатерЪ Княжескій, златымЪ шаромЪ увѣнченный, стоялЪ предЪ вратами Московскими — и Степенный Тысяцкій отправился посломЪ кЪ Іоанну. Новогородцы, готовые умереть за вольность, тайно желали сохранить

ее миромъ. Мароа знала сердца народныя, душу Великаго Князя, и спокойно ожидала его отвѣта. Тысяцкій возвратился съ лицемъ печальнымъ: она велѣла ему обьявить всенародно успѣхъ посольства.....
„Граждане! сказалъ онъ: ваши мудрые чиновники думали, что Князь Московскій, хотя и побѣдитель, но самою побѣдою, трудною и случайною, увѣренный въ великодушіи Новогородскомъ, можетъ еще примириться съ нами.... Бояре ввели меня въ шатеръ Іоанна... Вы знаете его величіе: гордымъ взоромъ и повелительнымъ движеніемъ руки онъ требовалъ отъ меня знаковъ рабскаго униженія... „Князь Московскій!“ я вѣщалъ ему: „Новгородъ еще „свободенъ! Онъ желаетъ мира, не „рабства. Ты видѣлъ, какъ мы умира-„емъ за вольность: хочешь ли еще „напраснаго кровопролитія? Пощади „своихъ витязей: отечеству Ру-„скому нужна сила ихъ. Естьли

„казна твоя оскудѣла; естьли богатство Новогородское прельщаетъ тебя — возьми наши сокровища: завтра принесемъ ихъ въ станъ твой съ радостію, ибо кровь согражданъ намъ драгоцѣннѣе злата; но свобода и самой крови имъ драгоцѣннѣе. Оставь насъ только быть щасливыми подъ древними законами, и мы назовемъ тебя своимъ благотворителемъ; скажемъ: „*Іоаннъ могъ лишить насъ верховнаго блага, и не сдѣлалъ того: хвала ему!* Но естьли не хочешь мира съ людьми свободными, то знай, что совершенная побѣда надъ ними должна быть ихъ истребленіемъ: а мы еще дышемъ и владѣемъ оружіемъ; знай, что ни ты, ни преемники твои не будутъ увѣрены въ искренней покорности Новаграда, доколѣ древнія стѣны его не опустѣютъ или не прімутъ въ себя жителей чуждыхъ крови нашей!“ — *Покорность безъ*

*условія, или гибель мятежникамъ!* отвѣтствовалъ Іоаннъ, и съ гнѣвомъ отвратилъ лице свое. Я удалился."

Мареа предвидѣла дѣйствіе: народъ въ страшномъ озлобленіи требовалъ полководца и битвы. Александру *Знаменитому* вручили жезлъ начальства —и битвы начались....

Дѣла славныя и великія! Одни Рускіе могли съ обѣихъ сторонъ такъ сражаться, могли такъ побѣждать и быть побѣждаемы. Опытность, хладнокровіе мужества и число благопріятствовали Іоанну; пылкая храбрость одушевляла Новогородцевъ, удвояла силы ихъ, замѣняла опытность; юноши, самые отроки становились въ ряды на мѣсто убитыхъ мужей, и воины Московскіе не чувствовали ослабленія въ ударахъ противниковъ. Съ торжествомъ возглашалось имя Великаго Князя: иногда, хотя и рѣдко, имя вольности и Мареы бывало также радостнымъ кликомъ по-

бѣдителей (ибо вольность и Мареа одно знаменовали въ Великомъ Градѣ). Часто Іоаннъ, видя славную гибель упорныхъ Новогородцевъ, восклицалъ горестно: „я лишаюсь въ нихъ достойныхъ моего сердца подданныхъ!“ Бояре Московскіе совѣтовали ему удалиться отъ града; но великая душа его содрогалась отъ мысли уступить непокорнымъ. „Хотите ли (онъ съ гнѣвомъ отвѣтствовалъ) хотите ли, чтобы я вѣнецъ Мономаха положилъ къ ногамъ мятежниковъ?“ . . и суровые Муромцы, жители темныхъ лѣсовъ, — усердные Владимірцы спѣшили къ нему на вспоможеніе. Три раза обновлялась *дружина Княжеская*, изъ храбрыхъ дворянъ состоящая, и знамена ея (на которыхъ изображались слова: *съ нами Богъ и Государь!*) дымились кровію.

Какъ Іоаннъ величіемъ своимъ одушевлялъ легіоны Московскіе,

такъ Мареа въ Новѣгородѣ воспаляла умы и сердца. Народъ, часто великодушный, не рѣдко слабый, унывалъ духомъ, когда новыя тысячи приходили въ станъ Княжескій. „Мареа!" говорилъ онъ: „кто нашъ союзникъ? кто поможетъ Великому Граду?"... „*Небо*, отвѣтствовала Посадница: „влажная осень наступаетъ; блата, насъ окружающія, скоро обратятся въ необозримое море; всплывутъ шатры Іоанновы, и войско его погибнетъ или удалится." Лучь надежды не угасалъ въ сердцахъ, и Новогородцы сражались. Мареа стояла на стѣнѣ, смотрѣла на битвы и держала въ рукѣ *хоругвь отечества*; иногда, видя отступленіе Новогородцевъ, она грозно восклицала, и махомъ святой хоругви обращала воиновъ въ битву. Ксенія не разлучалась съ нею, и, видя паденіе витязей, думала: *такъ палъ Мірославъ любезный!* Казалось, что сія невинная,

кроткая душа веселилась ужасами кровопролитія — столь чудесно дѣйствіе любви! Сіи ужасы живо представляли ей кончину друга: Ксенія всего болѣе хотѣла и любила заниматься ею. Она знала Холмскаго по его оружію и доспѣхамъ, обагреннымъ кровію Мірослава; огненный взоръ ея звалъ всѣ мечи, всѣ удары Новогородскіе на главу Московскаго Полководца; но желѣзный щитъ его отражалъ удары, сокрушалъ мечи, и рука сильнаго витязя опускалась съ тяжкими язвами и гибелію на смѣлыхъ противниковъ. Александръ *Знаменитый* съ веселіемъ спѣшилъ на ратное поле, съ видомъ горести возвращался; онъ предвидѣлъ неминуемое бѣдствіе отечества, искалъ только славной смерти, и нашелъ ее среди Московской дружины. Съ того времени одни храбрые юноши заступали мѣсто вождей Новогородскихъ, ибо юность всего отважнѣе

Никто изъ нихъ не умиралъ безъ славнаго дѣла.

Въ одну ночь Степенный Посадникъ собралъ знатнѣйшихъ боярь на думу — и при восходѣ солнца ударили въ *Вечевый колоколъ*. Граждане летѣли на Великую Площадь, и всѣ глаза устремились на Вадимово Мѣсто: — Мареа и Ксенія вели на желѣзныя ступени его пустынника Феодосія. Народъ общимъ крикомъ изъявилъ свое радостное удивленіе. Старецъ взиралъ на него дружелюбно, обнималъ знатныхъ чиновниковъ — и сказалъ, поднявъ руки къ небу: „Отечество любезное! пріими снова въ нѣдра свои „Феодосія! . . . Въ щастливые дни „твои я молился въ пустынѣ; но „братья мои гибнутъ, и мнѣ должно умереть съ ними, да совершится клятвенный обѣтъ моей „юности и рода Молинскихъ!“ . . . Іосафъ Дѣлинскій, провождаемый Тысяцкими и Боярами, несетъ зла-

тую цѣпь изъ Софійскаго храма, возлагаетъ ее на старца и говоритъ ему: „Будь еще Посадникомъ „Великаго Града! Исполни усердное „желаніе Верховнаго Совѣта! Съ „радостію уступаю тебѣ мое до„стоинство: я могу владѣть ору„жіемъ; могу умереть въ полѣ!... „Народъ! обьяви волю свою!"... *Да будетъ! да будетъ!* громогласно отвѣтствовали граждане — и Мароа сказала: „О славное торже„ство любви къ отечеству! Ста„рецъ, котораго Новгородъ уже „давно оплакалъ какъ мертваго, „воскресаетъ для его служенія! „Отшельникъ, который въ тиши„нѣ пустыни и земныхъ страстей „забылъ уже всѣ радости и скорби „человѣка, вспомнилъ еще обязан„ность гражданина: оставляетъ „мирную пристань и хочетъ дѣ„лить съ нами опасности временъ „бурныхъ! Народъ и граждане! мо„жете ли отчаяваться? Можете ли

„сомнѣваться въ Небесной благо-„сти, когда Небо уступаетъ намъ „Своего избраннаго; когда столѣт-„няя мудрость и добродѣтель бу-„детъ предсѣдать въ Верховномъ „Совѣтѣ? Возвратился Ѳеодосій: „возвратится и благоденствіе, ко-„торымъ вы нѣкогда подъ его муд-„рымъ правленіемъ наслаждались. „Тогда воспоминаніе минувшихъ „бѣдствій, искусившихъ твердость „сердецъ Новогородскихъ, обратит-„ся въ славу нашу, и мы будемъ „тѣмъ щастливѣе: ибо *слава* есть „щастіе великихъ народовъ!“

Дѣлинскій и Мароа убѣдили Ѳео-досія торжественно явиться въ Ве-ликомъ Градѣ; они думали, что сія нечаянность сильно подѣйствуетъ на воображеніе народа, и не обма-нулись. Граждане лобызали руки старца, подобно дѣтямъ, которыя въ отсутствіе отца были неща-стливы и надѣятся, что опытная мудрость его прекратитъ бѣды

ихъ. Долговременное уединеніе и святая жизнь напечатлѣли на лицѣ Ѳеодосія неизъяснимое величіе; но онъ могъ служить отечеству только усердными обѣтами чистой души своей — и безполезными: ибо суды Вышняго непремѣнны!

Новый Посадникъ, слѣдуя древнему обыкновенію, долженъ былъ угостить народъ: Марѳа приготовила великолѣпное пиршество, и граждане еще дерзнули веселиться! еще духъ братства оживилъ сердца! Они веселились на могилахъ: ибо каждый изъ нихъ уже оплакалъ родителя, сына или брата, убитыхъ на Шелонѣ и во время осады кровопролитной. Сіе минутное, щастливое забвеніе было послѣднимъ благодѣяніемъ Судьбы для Новогородцевъ.

Скоро открылося новое бѣдствіе; скоро въ Великомъ Градѣ, лишенномъ всякаго сообщенія съ его обласшями хлѣбородными, житницы

народныя, знаменитыхъ гражданъ и гостей чужеземныхъ опустѣли. Еще нѣсколько времени усердіе къ отечеству терпѣливо сносило недостатокъ: народъ едва питался и молчалъ. Осень наступала, ясная и тихая. Граждане всякое утро спѣшили на высокія стѣны и видѣли — шатры Московскіе, блескъ оружія, грозные ряды воиновъ; все еще думали, что Іоаннъ удалится, и малѣйшее движеніе въ его станѣ казалось имъ вѣрнымъ знакомъ отступленія.... Такъ надежда возрастаетъ иногда съ бѣдствіемъ, подобно свѣтильнику, который, готовясь угаснуть, расширяетъ пламя свое.... Мароа страдала во глубинѣ души, но еще являлась народу въ видѣ спокойнаго величія, окруженная символами изобилія и дарами земными: когда ходила по стогнамъ, многочисленные слуги носили за нею корзины съ хлѣбами; она раздавала ихъ, встрѣчая блѣдныя,

изнуренныя лица — и народъ еще благословлялъ ея великодушіе. Чиновники день и ночь были въ собраніи... Уже нѣкоторые изъ нихъ молчаніемъ изъявляли, что они не одобряютъ упорства Посадницы и Дѣлинскаго; нѣкоторые даже совѣтовали войти въ переговоры съ Іоанномъ; но Дѣлинскій грозно подымалъ руку, столѣтній Ѳеодосій сѣдыми власами отиралъ слезы свои, Мареа вступала въ храмину Совѣта, и всѣ снова казались твердыми. — Граждане, гонимые тоскою изъ домовъ своихъ, не рѣдко видали по ночамъ, при свѣтѣ луны, старца Ѳеодосія, стоящаго на колѣнахъ предъ храмомъ Софійскимъ; юная Ксенія вмѣстѣ съ нимъ молилась; но мать ея, во время тишины и мрака, любила уединяться на кладьбищѣ Борецкихъ, окруженномъ древними соснами: тамъ, облокотясь на могилу супруга, она сидѣла въ глубокой задумчивости,

бесѣдовала съ его тѣнію и давала ему отчетъ въ дѣлахъ своихъ.

Наконецъ ужасы глада сильно обнаружились, и страшный вопль, предвѣстникъ мятежа, раздался на стогнахъ: Нещастные матери взывали: „грудь наша изсохла; она уже не питаетъ младенцевъ!“ Добрые сыны Новогородскіе восклицали: „мы готовы умереть; но не можемъ видѣть лютой смерти отцовъ нашихъ!“ Борецкая спѣшила на Вадимово Мѣсто; указывала на блѣдное лице свое; говорила, что она раздѣляетъ нужду съ братьями Новогородскими, и что великодушное терпѣніе есть должность ихъ. . . Въ первый разъ народъ не хотѣлъ уже внимать словамъ ея, не хотѣлъ умолкнуть; съ изнуреніемъ тѣлесныхъ силъ и самая душа его ослабѣла; казалось, что все погасло въ ней, и только одно чувство глада терзало нещастныхъ. Враги Посадницы дерзали называть ее же-

стокою, честолюбивою, безчеловѣчною. . . . Она содрогнулась. . . Тайные друзья Іоанновы кричали предъ домомъ Ярославовымъ: „лучше служить Князю Московскому, нежели Борецкой; онъ возвратитъ изобиліе Новуграду: она хочетъ обратить его въ могилу!“. . . . Марѳа, гордая, величавая, вдругъ упадаетъ на колѣна, поднимаетъ руки и смиренно молитъ народъ выслушать ее. . . . Граждане, пораженные симъ великодушнымъ униженіемъ, безмолвствуютъ. . . . „Въ послѣдній разъ“ — вѣщаетъ она — „въ по„слѣдній разъ заклинаю васъ быть „твердыми еще нѣсколько дней! „Отчаяніе да будетъ нашею си„лою! Оно есть послѣдняя надежда „Героевъ. Мы еще сразимся съ Іо„анномъ, и Небо да рѣшитъ судь„бу нашу!“. . . . Всѣ воины въ одно мгновеніе обнажили мечи свои, взывая: „идемъ, идемъ сражаться!“ Друзья Іоанновы и враги Посадни-

цы умолкли. Многіе изъ гражданъ прослезились; многіе сами упали на колѣна предъ Мареою, называли ее *матерію Новогородскою* и снова клялись умереть великодушно. Сія минута была еще минутою торжества сей гордой жены. Врата Московскія отворились; воины спѣшили въ поле: она вручила *хоругвь отечества* Дѣлинскому, который обнялъ своего друга, и сказавъ: *прости на вѣки!* удалился.

Войско Іоанново встрѣтило Новогородцевъ. . . Битва продолжалась три часа; она была чудеснымъ усиліемъ храбрости. . . . но Мареа увидѣла наконецъ *хоругвь отечества* въ рукахъ Іоаннова оруженосца, знамя *Дружины великодушныхъ* въ рукахъ Холмскаго; увидѣла пораженіе своихъ; воскликнула: *совершилось!* прижала любезную дочь къ сердцу, взглянула на лобное мѣсто, на образъ Вадимовъ — и тихими шагами пошла въ домъ свой, опираясь на

плечо Ксеніи. Никогда не казалась она величественнѣе и спокойнѣе.

Дѣлинскій погибъ въ сраженіи; остатки воинства едва спаслися. Граждане, чиновники хотѣли видѣть Марѳу, и широкій дворъ ея наполнился толпами людей; она растворила окно, сказала: *дѣлайте, что хотите!* и закрыла его. Ѳеодосій, по требованію народа, отправилъ пословъ къ Іоанну: Новгородъ отдавалъ ему всѣ свои богатства, уступалъ наконецъ всѣ области, желая единственно сохранить собственное внутреннее правленіе. Князь Московскій отвѣтствовалъ: *Государь милуетъ, но не пріемлетъ условій.* Ѳеодосій въ глубокую ночь, при свѣтѣ факеловъ, объявилъ гражданамъ рѣшительный отвѣтъ Великаго Князя... Взоръ ихъ невольно искалъ Марѳы; невольно устремился на высокій теремъ ея: тамъ угасла ночная лампада! Они вспомнили слова Посадницы... Нѣсколь-

ко времени царствовало горестное молчаніе. Никто не хотѣлъ первый изъявить согласія на требованіе Іоанна; наконецъ друзья его ободрились и сказали: „Богъ покоряетъ насъ Князю Московскому; онъ будетъ отцемъ Новаграда.“ Народъ присталъ къ нимъ и молилъ старца быть его ходатаемъ. Граждане въ сію послѣднюю ночь власти народной не смыкали глазъ своихъ, сидѣли на Великой Площади, ходили по стогнамъ, нарочно приближались къ вратамъ, гдѣ стояла воинская стража, и на вопросъ ея: кто они? еще съ тайнымъ удовольствіемъ отвѣтствовали: „вольные люди Новогородскіе!“ Вездѣ было движеніе; огни не угасали въ домахъ: только въ жилищѣ Борецкихъ все казалось мертвымъ.

Солнце восходило — и лучи его озарили Іоанна сидящаго на тронѣ, подъ *хоругвію* Новогородскою, среди воинскаго стана, полководцевъ

и Бояръ Московскихъ; взоръ его сіялъ величіемъ и радостію. Ѳеодосій медленно приближался къ трону; за нимъ шли всѣ чиновники Великаго Града. Посадникъ сталъ на колѣна и вручилъ Князю серебряные ключи отъ вратъ Московскихъ —- Тысяцкіе преломили жезлы свои, и Старосты пяти Концовъ Новогородскихъ положили сѣкиры къ ногамъ Іоанновымъ. Слезы лились изъ очей Ѳеодосія. „Государь Новаграда!“ сказалъ онъ — и всѣ Бояре Московскіе радостно воскликнули: *да здравствуетъ Великій Князь всея Россіи и Новаграда!...* „Государь!“ продолжалъ старецъ: „судьба наша въ рукахъ твоихъ. „Отнынѣ воля Самовластителя будетъ для насъ единственнымъ закономъ. Естьли мы, рожденные „подъ иными уставами, кажемся „тебѣ виновными, да падутъ наши „головы! Всѣ чиновники, всѣ граждане виновны, ибо всѣ любили сво-

„боду. Естьли простишь насъ, то „будемъ вѣрными подданными: ибо „сердца Рускія не знаютъ измѣны, „и клятва ихъ надежна. Твори, что „угодно Владыкѣ самодержавно-„му!“... Іоаннъ далъ знакъ рукою, и Холмскій поднялъ Ѳеодосія. *Судъ мой есть правосудіе и милость!* вѣщалъ онъ: *милость всѣмъ чиновникамъ и народу....* „Милость! милость!“ воскликнули Бояре Московскіе. „Милость! милость!“ радостно повторяло все войско: казалось, что она *ему* была объявлена — столь добродушны Руские! Одни чиновники Новогородскіе стояли въ мрачномъ безмолвіи, потупивъ глаза въ землю. „Богъ судилъ меня съ „Новогородцами,“ сказалъ Іоаннъ: „кого наказалъ Онъ, того милую! „Идите: да узнаетъ народъ, что „Іоаннъ желаетъ быть отцемъ его!“ Онъ далъ тайное повелѣніе Холмскому, который, взявъ съ собою отрядъ воиновъ, занялъ врата Москов-

скія и принялъ начальство надъ градомъ: окрестныя селенія спѣшили доставить изобиліе его изнуреннымъ жителямъ.

Друзья Борецкихъ хотѣли видѣть Марау: она и дочь ея сидѣли въ теремѣ за рукодѣльемъ.... „Не бойся мести Іоанновой," сказали друзья: „онъ всѣхъ прощаетъ."... Мараа отвѣтствовала имъ гордою улыбкою — и въ сіе мгновеніе застучало оружіе въ домѣ ея. Холмскій входитъ, ставитъ воиновъ у дверей и велитъ Боярамъ Новогородскимъ удалиться. Мараа, не измѣняясь въ лицѣ, дружелюбно подала имъ руку и сказала: „Видите, „что Князь Московскій уважаетъ „Борецкую: онъ считаетъ ее врагомъ опаснымъ! Простите!... „Вамъ еще можно жить..." Бояре удалились. Холмскій съ угрозами началъ ее допрашивать о мнимыхъ тайныхъ связяхъ съ Литвою: Посадница молчала, и спокойно шила

золотомъ. Видя непреклонную твердость ея, онъ смягчилъ голосъ и сказалъ: „Мароа! Государь повѣритъ одному слову твоему“... *Вотъ оно* (отвѣтствовала Посадница): *пусть Іоаннъ велитъ умертвить меня, и тогда можетъ не страшиться ни Литвы, ни Казиміра, ни самаго Новаграда!...* Князь, благородный сердцемъ, вышелъ, удивляясь ея великодушію. — Граждане толпились вокругъ дома Борецкихъ: напрасно воины хотѣли удалить ихъ; но вдругъ раздался звонъ колокольный во всѣхъ пяти Концахъ, и народъ, всегда любопытный, забылъ на время судьбу Мароы: онъ спѣшилъ на встрѣчу къ Іоанну, который съ величіемъ и торжествомъ въѣзжалъ въ Новгородъ, подъ сѣнію *хоругви отечества,* среди легіоновъ многочисленныхъ, въ вѣнцѣ Мономаха и съ мечемъ въ рукѣ своей.

Мароа, заключенная въ домѣ сво-

емъ, услышала звонъ колокольный и громкія восклицанія: *да здравствуетъ Государь всея Россіи и Великаго Новагорода!* ... „Давно ли," сказала она милой дочери, которая, положивъ голову на грудь ея, съ нѣжнымъ умиленіемъ смотрѣла ей въ глаза—„давно ли сей народъ сла-„вилъ Мареу и вольность? Теперь „онъ увидитъ кровь мою, и не по-„кажетъ слезъ своихъ; иногда съ „горестію будетъ воспоминать ме-„ня, но происшествія новыя скоро „займутъ всю душу его, и только „слабые, хладные слѣды бытія мо-„его останутся въ преданіяхъ сует-„наго любопытства! ... И геройство „пылаетъ огнемъ дѣлъ вели-„кихъ, жертвуетъ драгоцѣннымъ „спокойствіемъ и всѣми милыми „радостями жизни... кому? неблаго-„дарнымъ! Я могла бы наслаждать-„ся щастіемъ семейственнымъ, „удовольствіями доброй матери, бо-„гатствомъ, благотвореніемъ, все-

„общею любовію, почтеніемъ лю-
„дей и — самою нѣжною горестію
„о великомъ отцѣ твоемъ; но я все
„принесла въ жертву свободѣ мо-
„его народа: самую чувствитель-
„ность женскаго сердца — и хо-
„тѣла ужасовъ войны; самую нѣж-
„ность матери, и не могла пла-
„кать о смерти сыновъ моихъ!"...
(Тутъ *въ первый разъ* глаза Мареы
наполнились слезами *раскаянія*)...
„Прости мнѣ, тѣнь великодушнаго
„супруга! Сіе движеніе было по-
„слѣднимъ гласомъ женской слабо-
„сти. Я клялась заступить твое
„мѣсто въ отечествѣ, и конечно
„исполнила клятву свою: ибо Князь
„Московскій считаетъ меня до-
„стойною погибнуть вмѣстѣ съ
„вольностію Новогородскою! Ты
„позавидовалъ бы моей долѣ, есть-
„ли бы еще дышалъ для отечества;
„самая неблагодарность народа воз-
„высила бы въ глазахъ твоихъ цѣ-
„ну великодушной жертвы: награ-

„да признательности уменьшаетъ
„ее. . . Теперь я спокойно ожидаю
„смерти!. . . Знаю Іоанна; онъ
„знаетъ Мароу, и долженъ однимъ
„ударомъ сразить гордость Ново-
„городскую: кто дерзнетъ воз-
„стать противъ Монарха, кото-
„рый наказалъ Борецкую?.. Герои
„древности, побѣждаемые силою
„и щастіемъ, лишали себя жизни;
„безстрашные боялись казни: я не
„боюсь ее. Небо должно распола-
„гать жизнію и смертію людей:
„человѣкъ воленъ только въ своихъ
„дѣлахъ и чувствахъ." — Ксенія
слушала мать свою, и разумѣла
слова ея.

Іоаннъ предъ храмомъ Софій-
скимъ сошелъ съ коня: Ѳеофилъ
и духовенство встрѣтили его со
крестами. Сей великій Государь
принесъ жертву моленія и благо-
дарности Всевышнему. Всѣ слав-
ные Воеводы Московскіе, прекло-
нивъ колѣна, слезами изъявляли ра-

дость свою.— Іоаннъ въ Домѣ Ярослава угостилъ роскошною трапезою знатнѣйшихъ Бояръ Новогородскихъ, и державною рукою своею сыпалъ злато на бѣднѣйшихъ граждань, которые искренно и добросердечно славили его благотворительность. Не грозный чужеземный завоеватель, но великій Государь Рускій побѣдилъ Рускихъ: любовь отца-Монарха сіяла въ очахъ его.

Ввечеру многочисленныя стражи явились на стогнахъ, и повелѣли гражданамъ удалиться; но любопытные украдкою выходили изъ домовъ и видѣли, въ глубокую полночь, Іоанна и Холмскаго, въ тишинѣ идущихъ къ Софійскому храму; два воина освѣщали ихъ путь факеломъ, остановились въ оградѣ, и Великій Князь — наклонился на могилу юнаго Мірослава; казалось, что онъ изъявлялъ горесть и съ жаромъ упрекалъ Холмскаго смер-

тію сего храбраго Витязя. . . . Новогородцы вспомнили тогда, что Государь щитомъ своимъ отразилъ мечь оруженосца, хотѣвшаго умертвить Мірослава; удивлялись — и никогда не могли сѣдать тайны Іоаннова благоволенія къ юношѣ. —— —— Сіи любопытные приведены были въ ужасъ другимъ зрѣлищемъ: они видѣли множество пламенниковъ на Великой Площади, слышали стукъ сѣкиръ — и высокій эшафотъ явился предъ Домомъ Ярослава. Новогородцы думали, что Іоаннъ нарушитъ слово, и что гнѣвъ его поразитъ всѣхъ именитыхъ гражданъ.

На разсвѣтѣ загремѣли воинскіе бубны. Всѣ легіоны Московскіе были въ движеніи, и Холмскій съ обнаженнымъ мечемъ скакалъ по стогнамъ. Народъ трепеталъ, но собирался на Великой Площади узнать судьбу свою. Тамъ, на эшафотѣ, лежала сѣкира. Отъ Конца

Славянскаго до Мѣста Вадимова стояли воины съ блестящимъ оружіемъ и съ грознымъ видомъ; воеводы сидѣли на коняхъ предъ своими дружинами. Наконецъ желѣзные запоры упали, и врата Борецкихъ растворились: выходитъ Мареа, въ златой одеждѣ и въ бѣломъ покрывалѣ. Старецъ Өеодосій несетъ образъ предъ нею. Блѣдная, но твердая Ксенія ведетъ ее за руку. Копья и мечи окружаютъ ихъ. Не видно лица Мареы; но такъ величаво ходила она всегда по стогнамъ, когда чиновники ожидали ее въ Совѣтѣ или граждане на *Вечѣ*. Народъ и воины соблюдали мертвое безмолвіе; ужасная тишина царствовала. Посадница остановилась предъ Домомъ Ярослава. Өеодосій благословилъ ее. Она хотѣла обнять дочь свою, но Ксенія упала; Мареа положила руку на сердце ея — знакомъ изъявила удовольствіе, и спѣшила на высокій

эшафотъ — сорвала покрывало съ головы своей: казалась томною, но спокойною — съ любопытствомъ посмотрѣла на лобное Мѣсто (гдѣ разбитый образъ Вадимовъ лежалъ во прахѣ) — взглянула на мрачное, облаками покрытое небо — съ величественнымъ уныніемъ опустила взоръ свой на гражданъ... приближилась къ орудію смерти, и громко сказала народу: *подданные Іоанна! умираю гражданкою Новогородскою!* ... Не стало Мареы... Многіе невольно воскликнули отъ ужаса; другіе закрыли глаза рукою. Тѣло посадницы одѣли чернымъ покровомъ.... Ударили въ бубны — и Холмскій, держа въ рукѣ хартію, сталъ на бывшемъ Вадимовомъ Мѣстѣ. Бубны умолкли... Онъ снялъ пернатый шлемъ съ главы своей, и читалъ громогласно слѣдующее:

„Слава правосудію Государя!
„Такъ гибнутъ виновники мятежа
„и кровопролитія! Народъ и Бояре!

„не ужасайтесь: Іоаннъ не нарушитъ слова; на васъ милующая „десница его. Кровь Борецкой примиряетъ вражду единоплеменныхъ; одна жертва, необходимая „для вашего спокойствія, навѣки „утверждаетъ сей союзъ неразрывный. Отнынѣ предадимъ забвенію всѣ минувшія бѣдствія; „отнынѣ вся земля Р...ская будетъ „вашимъ любезнымъ отечествомъ, „а Государь великій отцемъ и главою. Народъ! не вольность, часто „гибельная, но *благоустройство*, „*правосудіе* и *безопасность* суть „три столпа гражданскаго щастія: „Іоаннъ обѣщаетъ ихъ вамъ предъ „лицемъ Бога всемогущаго.“....

Тутъ Князь Московскій явился на высокомъ крыльцѣ Ярославова Дому, безоруженъ и съ главою открытою: онъ взиралъ на гражданъ съ любовію и положилъ руку на сердце. Холмскій читалъ далѣе:

„Обѣщаетъ Россіи славу и бла-
„годенствіе; клянется своимъ и
„всѣхъ его преемниковъ именемъ,
„что польза народная во вѣки вѣ-
„ковъ будетъ любезна и священна
„Самодержцамъ Россійскимъ — или
„да накажетъ Богъ клятвопре-
„ступника! да исчезнетъ родъ его,
„и новое, Небомъ благословенное
„поколѣніе да властвуетъ на тро-
„нѣ ко щастію людей (*)!"

Холмскій надѣлъ шлемъ. Легіоны Княжескіе взывали: *слава и долголѣтіе Іоанну!* Народъ еще безмолвствовалъ. Заиграли на трубахъ — и въ единое мгновеніе высокій эшафотъ разрушился. На мѣстѣ его возвѣялось бѣлое знамя Іоанново, и граждане наконецъ воскликнули: *слава Государю Россійскому!*

Старецъ Ѳеодосій снова удалился въ пустыню, и тамъ, на бере-

(*) Родъ Іоанновъ пресѣкся, и благословенная фамилія Романовыхъ царствуетъ.

гу великаго озера Ильменя, погребъ тѣло Мареы и Ксеніи. Гости чужеземные вырыли для нихъ могилу, и на гробѣ изобразили буквы, которыхъ смыслъ донынѣ остается тайною. Изъ семи сотъ Нѣмецкихъ гражданъ только пятьдесятъ человѣкъ пережили осаду Новогородскую: они немедленно удалились во свои земли. *Вечевый колоколъ* былъ снятъ съ древней башни и отвезенъ въ Москву: народъ и нѣкоторые знаменитые граждане далеко провожали его. Они шли за нимъ съ безмолвною горестію и слезами, какъ нѣжныя дѣти за гробомъ отца своего.

КОНЕЦЪ ШЕСТАГО ТОМА.